

Кар
БУЛЫЧЕВ

ЗАПОВЕДНИК
ДЛЯ АКАДЕМИКОВ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Река Хронос

Кир Булычев

Заповедник для академиков

«ЭКСМО»

2006

Булычев К.

Заповедник для академиков / К. Булычев — «Эксмо»,
2006 — (Река Хронос)

ISBN 5-699-15120-6

Переплетение двух хроник нашего века – реальной и фантастической.
Переплетение двух захватывающих повествований – о людях выдуманных и невыдуманных, о происшествиях истинных и невероятных. Место действия – Россия. Время событий – 30-е годы, какими они были и какими они могли стать.

ISBN 5-699-15120-6

© Булычев К., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	44
Глава 3	68
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Кир Булычев

Заповедник для академиков

Часть первая

КАК ЭТО БЫЛО

Глава 1

22 октября 1932 года

День был такой дождливый и сумрачный, что Лидия не уловила момента, когда он, закончившись, стал мокрой октябрьской ночью, хотя на часах было всего около шести и люди возвращались со службы. На трамвайной остановке у Коровьего Вала народу было видимо-невидимо, все молчали, терпели дождь, а оттого почти не двигались – словно стая воронов на рисунке Бёклина. Лидочка пожалела, что не взяла зонтик, хотя отлично знала, почему не взяла, – зонтик был старый, одна из спиц торчала вверх, к тому же он был заштопан. Она не могла ехать в санаторий ЦЭКУБУ с таким зонтиком. А у шляпки поля были маленькие, капельки дождя свисали с полей, росли и срывались, норовя попасть на голую шею, – и, как ни кутайся, им это удавалось.

«Семерки» долго не было, а когда трамвай пришел, Лидии не удалось в него влезть, потому что она была с чемоданом и не протиснулась в дверь – чужие коленки, каблуки и локти оказались сильнее.

Трамвай ушел, сверкая теплыми желтыми окнами, люди внутри шевелились, оживали, а те немногие, кто остался за бортом, смотрели на уходящий трамвай с пустой ненавистью.

Следующий трамвай не шел так долго, что Лидочка совсем промокла и готова была вернуться в общежитие – обойдемся без ваших милостей. Академия наук! Но идти обратно было еще противнее, чем стоять. И Лидия решила, что, если она досчитает до тысячи и трамвая еще не будет, она уйдет. Когда она досчитала до тысячи шестисот, показались огни трамвая, и на этот раз Лидия влезла в вагон, как обезумевшая миллионерша, которая рвется добыть место в шлюпке тонущего «Титаника». Те, кто лез вместе с ней, ругались, конечно, но поддались ее напору. Лидия втиснулась в конец вагона, там меньше толкали, поставила чемодан на пол между ног и хотела отыскать петлю, чтобы держаться, но петли близко не было – все расхватали. Лидочка расстроилась, но тут высокий мужчина с маленькой изящной головой в зеленой тирольской шляпе и усиками а-ля немецкий фашист Адольф Гитлер подвинул ей свою петлю, а сам ухватился за стойку.

– Вам так будет удобнее, – сказал он.

В душном тепле набитого трамвая вода начинала испаряться и люди – пахнуть. Возникли запахи нечистого белья, пота, пудры, табака и сивухи. Но от мужчины в тирольской шляпе пахло приятно и иностранно. Хороший мужской одеколон. И плащ на нем иностранный. Наверное, дипломат. Или чекист. Нет, чекист не стал бы носить такие усы.

Высокий мужчина смотрел на Лиду спокойно и уверенно – так, наверное, положено смотреть на женщин на Западе, охваченном мировым кризисом.

Старый вагон трамвая жестоко раскачивало на рельсах, дребезжали стекла в рамах, кондуктор выкрикивал остановки, люди, отогревшись, пустились в разговоры, наверное, в лодках после гибели «Титаника» люди тоже начали разговаривать.

Женщина в большом сером платке говорила своему спутнику, жидкой бородкой и бледностью напоминавшему расстригу, о том, что Пелагея не пишет, что у них там голод страшный, а расстрига перехватил боковым зрением взгляд Лидии и зашипел, что все это обывательские слухи, которым нельзя верить. И женщина в сером платке быстро согласилась с ним, что это обывательские слухи, и вспомнила о свояке, который уехал на Магнитку, где хорошо платят, а высокий иностранец с усиками а-ля Гитлер заговорщицки улыбнулся Лидочке – не надо было ни подмигивать, ни поднимать брови, чтобы достичь понимания.

Лидочка подумала, что этот иностранец, наверное, тоже едет в Узкое, что было маловероятно, так как по Большой Калужской и улицам, что текут рядом с ней – Донской, Шаболовке, Малой Калужской, – стоит столько жилых домов и учреждений, что простая математика отрицает возможность такого совпадения.

С Октябрьской площади трамвай повернул на Большую Калужскую и побежал, то разгоняясь, то подползая к остановкам, мимо Голицынской больницы и деревянных домишек с огородами, фонари горели по улице редко и тускло, прохожих не было видно. На остановках людей выходило больше, чем входило, и вагон постепенно пустел. Та деревня, что, голодная и пугливая, но невероятно живучая, вторглась в Москву в последние годы, не могла и не смела селиться в центре, а осваивала полужастроенные просторные, отгороженные заборами домишки Сокольников, Марьиной Рощи, Калужского шоссе и иных московских углов...

Возле иностранца освободилось место, он уверенно взял Лидочку за мокрый плащовый локоток и посадил. Он смотрел по-хозяйски, как она садится, словно она была его старенькой, нуждающейся в заботе мамой, а потом сказал текучим приятным голосом:

– Приедете домой, обязательно ноги в горячую воду. Разогрейте – и в воду. А то завтра гарантирую вам жестокую простуду.

Лидочка хотела было ответить ему, что вряд ли сможет достать таз с водой в санатории ЦЭКУБУ, но такой подробный ответ мог означать желание знакомства с ее стороны, а хорошо воспитанные девушки так не поступают.

– Я не шучу, – сказал иностранец, его рука лежала у нее на плече.

Надо было ее оттуда убрать, но как? Двумя пальцами? Это слишком брезгливо. Смахнуть движением плеча – неуважительно к старшему. Впрочем, старшинство в таких случаях не играет роли. Через несколько минут они расстанутся навсегда.

Тут, к счастью, освободилось еще одно место, и Лидочка сразу сказала:

– Садитесь, вон место.

Иностранец послушно сел напротив Лидочки, и плечу стало легко.

Но теперь они были вроде бы знакомы. И можно было продолжать беседу.

– Вы учитесь? – спросил иностранец. Ему приходилось тянуться к ней, чтобы она могла его расслышать. Опустевший трамвай безбожно дребезжал и гремел.

– Я работаю! – крикнула в ответ Лидочка.

Она посмотрела в запотевшее окно, протерла его ладошкой. За окном было темно и неизвестно.

Женщина в сером платке и расстрига сошли. Они остановились под фонарем на остановке и смотрели на Лидочку, словно прощались. А может, ждали, когда трамвай уйдет, не хотели показывать, в какую сторону направятся. Трамвай поехал дальше.

Иностранец что-то говорил, но Лидочка не слышала.

Трамвай дернулся, разворачиваясь, покатился по кругу – за окном в лужах были видны перевернутые фонари.

Иностранец поднялся и сказал:

– Приехали! Если вы, конечно, не хотите прокатиться обратно до Октябрьской площади.

– Это Калужская застава?

– Вот именно, – сказал иностранец.

Он был быстр и ловок. Он соскочил на землю и протянул Лидочке руку, помогая сойти. Лидочка приняла любезность и, как ей показалось, еще более себя закалила.

– До свидания, – сказала она решительно.

– Рад был с вами познакомиться, – сказал иностранец.

Лидочка оглянулась, стараясь понять, куда ей идти. Было сказано: на Калужской заставе в половине седьмого за отдыхающими будет автобус. Вы его увидите.

Ничего Лидочка не видела – площадь была обширна, и непонятно, где она заканчивалась, потому что совсем близко она была перерезана пропастью, откуда шел дьявольский дым и вылетали красные искры. Очевидно, что эту демонстрацию ада производил паровоз, который тащил по глубокой выемке состав с грузом. Дождь, блеск воды в лужах, еще не облетевшие толком деревья, палисадники перед крепкими домиками, убегающими в два ряда к Москве. И ни одного автобуса, ни одного мотора. Сразу стало так одиноко, что захотелось нырнуть в трамвай, который как раз в этот момент зазвенел, перекликаясь с паровозом, сыпанул искрами из-под дуги и полетел, легкий, по кругу, чтобы вернуться в город. Внутри была видна лишь согбенная фигура кондуктора, который сидел на своем месте и пересчитывал деньги из сумки. Надо было его спросить, куда идти, но теперь поздно.

Дождь сыпал еще сильнее, и, главное, он был куда более холодным, чем полчаса назад. И почему она не взяла зонтик!

– Я вижу, что вы в некоторой растерянности, – сказал иностранец, о котором Лидочка забыла. – Может, вас проводить?

– Куда? – удивилась Лидочка.

– Это вам лучше знать. – Иностранец показал очень ровные белые зубы, наверное, искусственные. – Но если вы ищете автобус из Санузии, то пошли вместе.

– Мне не в Санузию, – сказала Лидочка разочарованно. – Мне в санаторий ЦЭКУБУ «Узкое».

– Совершенно верно, – сказал иностранец. – Санузия – это прозвище нашей с вами обители, придуманное его веселыми обитателями. Это название вольной и славной республики ученых.

Он уверенно взял у нее из рук чемоданчик и пошел вперед, вроде бы не торопясь, но достаточно быстро, и Лидочке пришлось за ним спешить.

Они пошли напрямик через площадь. Подошвы Лидочкиных ботинок скользили по неровным, неухоженным, кое-где ушедшим в глубокие лужи булыжникам. Будь Лидочка одна, пошла бы вокруг площади по дорожке вдоль палисадников, но иностранец не думал об удобствах дамы, а дама не стала жаловаться. На иностранце, кстати, были рыжие шнурованные сапоги под самое колено на ребристой каучуковой подошве и клетчатые брюки гольф, такие мягкие на вид, что хотелось пощупать пальцами.

В центре площади на широком мосту через ущелье железной дороги фонарей вообще не было, и Лидочка старалась ощупывать носком ботика дорогу впереди, чтобы не грохнуться. Иностранец вышагивал не оборачиваясь, и Лидочка поняла, что и он боится поскользнуться.

Впереди тянулись цепочкой тусклые фонари. Под одним из них стояла кучка людей. Люди эти сначала были маленькими, недостижимыми, а потом выросли до нормального размера. Почти все они стояли под зонтами и не страдали от дождя.

Из-за зонтов их лиц не было видно, зато свет фонаря отражался от зонтов, и все это напоминало провинциальный театр, ночную сцену на площади Вероны или Модены...

– Товарищи, – сказал громко иностранец, не доходя нескольких шагов до людей с зонтиками, – не вы ли несчастные, ожидающие попутного транспорта в государство Санузия?

Зонтики зашевелились, закачались, словно их владельцы только сейчас заметили иностранца и Лидочку, а может быть, только теперь приняли их за людей, достойных приветствия.

– Матя! – завопил вдруг один из зонтов утробным басом. – Матя Шавло! Ты приехал?

Зонтик побежал навстречу иностранцу, затем качнулся, показал, что под ним скрывался толстый человек в широкополой шляпе, как у Горького в Сорренто. Человек раскачивал зонтом и тянул руку к иностранцу.

– Рад видеть тебя, Максимушка, – пропел иностранец, – жалею, что не могу раскрыть навстречу тебе объятия, потому что страшно промок.

– Небось по Риму только в авто «Альфа-Ромео», – сказал толстяк и хрипло засмеялся, обращаясь к оставшимся сзади слушателям, словно хотел, чтобы все разделили его радость.

Лидочка стояла близко от толстяка, ей хотелось нырнуть под зонт, который все равно болтался без дела.

– На время или насовсем? – спросил Максим.

– Такие вопросы решаются там. – Иностранец по имени Матя ткнул пальцем в черное небо.

– Понимаю, – сказал Максим, – мне не надо уточнять.

Лидочка услышала обращенный к ней женский голос:

– Барышня, идите ко мне, у меня зонтик большой.

Большой черный зонт качнулся назад, показывая Лидочке, куда спрятаться.

Не говоря ни слова, Лидочка нагнула голову и нырнула под зонт, словно вбежала в сухой амбар, и только потом, наслаждаясь счастливой переменой в судьбе, сказала:

– Спасибо.

Женщина, которая спасла Лидочку, была молода, обладала надтреснутым и интеллигентным голосом, какие раньше культивировались в шикарных детских, а теперь порой возникают даже в коммунальных квартирах. На спасительнице была шляпа с короткой вуалеткой. В темноте были видны только белки глаз и зубы – женщина улыбнулась и дотронулась рукой в перчатке до Лидочкиного плеча, привлекая его поближе.

– Я вас промочу, – сказала Лидочка.

– Не думайте об этом, – сказала женщина, – у меня непромокаемый макинтош. Когда-то мой муж Крафт привез его из Лондона.

Сказано это было не для того, чтобы похвастаться визитом мужа в Лондон – да и кто будет в тридцать втором году хвастаться такой опасной привилегией? – это было деловое объяснение достоинств макинтоша.

Из-под зонта было плохо видно вокруг, но зато слышно, как иностранец Матя и его друг Максим включили в свой бодрый разговор других людей, которые были в большинстве между собой знакомы.

Загромыхал поезд, пробираясь ущельем, будто там был иной мир, горячий, таинственный и очень шумный.

– Меня зовут Мартой, – сказала женщина, – Марта Ильинична Крафт.

– Очень приятно. Лида. Лида Иваницкая.

– У вас ноги не промокли?

– Нет, у меня ботинки совсем новые.

– Сейчас делают такие плохие ботинки, что иногда лучше ходить вообще без них, босиком...

Вдали возникли два белых огня, как глаза чудовища, которое надвигалось на них.

– Автобус идет! – крикнул кто-то.

– Чепуха, – отозвался другой голос, – это же от Москвы едут.

Огни тем не менее приблизились, и, расплескав близкую лужу, возле группы людей остановился длинный черный автомобиль. Шофер раскрыл дверцу, оттуда стали вылезать невнятные фигуры. Они сразу раскрывали зонтики – кто-то кого-то окликнул, Марта Ильинична сказала:

– Это из университета. Как же я не догадалась, что ректор выделит авто для Александрийского!

Лидочке положено было разделить чувства Марты Ильиничны, но она не знала, хорошо или плохо то, что ректор выделил авто для Александрийского. Ей стало холодно – раньше было какое-то движение, а теперь – пустое ожидание. К тому же Лидочка опаздывала со службы и поесть не успела.

Последним из авто вылезло нечто худое и согбенное – из-под шляпы торчал длинный нос, нависший над тонкогубым лягушечьим ртом, изогнутым в ухмылке. Толстый Максим наклонил свой зонтик к этому человеку, чтобы прикрыть от дождя, но согбенная фигура принялась вяло отмахиваться, а потом открыла свой зонт.

– Но это же безобразие! – сказал Максим. – Почему нельзя довести вас на моторе до Санузии? Вы мне ответьте почему?

– Не доедешь, – сказал шофер, обходя авто спереди, чтобы забраться на свое место, – туда от Калужского шоссе никакой дороги нет.

– Это неправда! – сказал вдруг иностранец. – Зачем лгать? Я летом приезжал на моторе, мы отлично доехали.

– Тогда дождей не было, – сказал шофер и хлопнул дверцей.

– При чем тут дожди?! – Все ополчились на шофера, и это было нелепо, только Марта Ильинична сказала Лиде с усмешкой:

– Как у нас любят разоблачить стрелочника!

– При чем тут дожди?! – повторил грозно Максим, направив острие зонта на шофера. – Трубецкие ездили, не жаловались.

– А при царе дороги чинили, – сказал шофер, повернул ключ, и мотор послушно заревел.

Сделав широкий крут по площади, автомобиль умчался, разбрызгивая лужи. Его задние красные огоньки долго были видны, потом смешались с огоньками трамвая, который как раз разворачивался за оврагом.

– Не исключено, что он прав, – сказала согбенная фигура, у которой оказался красивый низкий голос. – Трубецкие платили, за дорогами было кому следить.

– Не вообще, Пал Андреевич, – сказал Максим, – а только за теми, что принадлежали лично им, и ремонтировали не они сами, а крепостные или зависимые бесправные люди.

– Максим, – загудел иностранец, – ну что ты несешь! Мы же не в кружке по ликвидации нашей политической неграмотности.

– Есть элементарные вещи, которые приходится напоминать, – сказал Максим.

Александрийский опирался на трость, но не потому, что почитал это красивым, а тяжело, словно поддерживал себя.

– А что с ним? – спросила Лидочка.

Марта Ильинична сразу поняла:

– У него больное сердце. Врачи говорят, что аневризма. Каждый шаг достается ему с трудом... и он еще читает лекции. Это самоубийство, правда?

– Не знаю, – сказала Лидочка. Раздражение к согбенной фигуре уже пропало. Может, потому, что Лидочке понравился голос.

Разговоры затихли – все уже замерзло и утомились от дождя и ветра. К счастью, вскоре приехал и автобус из Узкого. Он являл собой довольно жалкое зрелище – даже неопытному взору было очевидно, что он переделан из грузовика, над кузовом которого сделали ящик с затянутыми целлулоидом окошками, а внутри поперек кузова были положены широкие доски. Александрийского посадили в кабину, в которой приехала медицинская сестра из санатория. Она хотела устроить переключку под дождем, но все взбунтовались. Александрийский спорил и намеревался лезть в кузов. Тогда иностранец, который оказался также знаком с Александрийским, сказал ему, перекачивая голосом слова, как бильярдные шары:

– А ты, голубчик Паша, намерен доставить себя в лице хладного трупа? Разве это товарищески?

Лидочка с Мартой влезли в автобус последними, они уселись на задней доске, глядя наружу, – сзади автобус был открыт. Лидочка шепотом спросила у Марты, кто такой Максим. Марта сказала:

– Современное ничтожество при большевиках. Администратор варьете.

Она фыркнула совсем по-кошачьи.

Автобус дернулся и поскакал по неровному, узкому, сжатому палисадниками и огородами Калужскому шоссе. Лидочке приходилось держаться за деревянную скамейку, а то и цепляться за Марту, чтобы не выбросило наружу. Но все равно было весело, потому что это было беззаботное путешествие, в конце которого должен стоять сказочный замок.

Медицинская сестра начала перекличку. Перекличка проходила в полной темноте, и, когда на фамилию отзывался голос, Лидочка пыталась представить себе, каков же обладатель голоса. Максима, который оказался Максимом Исаевичем Крейном, она уже знала, а иностранец откликнулся на Матвея Ипполитовича Шавло. Он поправил медсестру, которая назвала его было Илларионовичем. Но в том не было ничего удивительного, потому что она вела перекличку, подсвечивая себе ручным электрическим фонариком. Автобус подпрыгивал, луч фонарика метался по кузову...

Лидочке казалось, что путешествие тянется бесконечно, и странно было, как терпеливы ее спутники, все без исключения старше ее. Вокруг происходили оживленные беседы, двое молодых мужчин справа от Лидочки даже заспорили о каких-то неведомых ей мушках-дрозофилах, которые дали чрезвычайно интересные мутации, а за спиной Лидочки высокий мужской тенор уныло доказывал, что если бы они ехали зимой, то за ними прислали бы сани, а на санях под меховой полостью ехать в Узкое одно удовольствие, но вот не повезло – не получилось с путевкой ни летом, ни зимой, а сейчас самое плохое время, на что капризный женский голос ответил, что летом путевку бы и не дали – летом там тещи и внучки знаешь кого!

– Вы в первый раз к нам едете? – спросила Марта Ильинична.

– В первый раз.

– Вам очень понравится, вам обязательно должно понравиться. В наши дни, когда всюду потеряны критерии порядочности и класса, Узкое – единственное место, которое поддерживает марку.

– Мне говорили, – согласилась Лидочка.

– К нам сюда приезжают именитые гости, – сказала Марта Ильинична. – Рабиндранат Тагор был. А в прошлом году приезжал Бернард Шоу. Его Литвинов привез в Узкое. А куда еще? Не в Петровское же к партийцам! По крайней мере в Узком всегда есть люди, которые могут вразумительно ответить на вопрос, заданный по-английски.

Высокий голос позади произнес:

– Конечно, его летом привозили. Сейчас бы он завяз по дороге.

– Неужели вы думаете, что Бернард Шоу специально подгадывал свой приезд под состояние наших дорог? – фыркнула Марта Ильинична.

– А я смотрела «Пигмалион», – сказал капризный женский голос, – Бабанова была бесподобна.

От тряски Лида устала и как бы оглохла, но и задремать невозможно, хоть и клонит ко сну, – только прикроешь глаза, как тебя подбрасывает к фанерному потолку.

– Придет время, и клянусь вам, оно будет близко, – я читал, – донесся громкий, вроде бы торжествующий, но не скрывающий издевки голос Мати-иностранца, – когда сверкающая гладкая лента шоссе проляжет между Москвой и Калугой, где в тиши, знаю об этом профессионально, обитает пророк.

– В Калуге пророки не живут, – отозвался другой голос. – Кому он там будет проповедовать?

– В Калуге, в тиши своего кабинета, обитает пророк будущей эры межпланетных путешествий Константин Циолковский!

Голос Мати был сыт, молод и полон желания рассмеяться.

– Такие опасны, – вдруг сказала шепотом Марта. – От их энтузиазма уходят по этапу целыми институтами.

Лидочка кивнула.

Казалось, что грузовик ехал уже много часов, – Лидочка выпростала из-под длинного рукава кисть, чтобы поглядеть на часы. Часы, подаренные в восемнадцатом году паном Теодором, были швейцарскими, фирмы «Ролекс», цифры на циферблате явственно светились ясно-зеленым фосфорным цветом. Лидочка тогда не хотела их брать – такие большие, мужские, грубые, но Теодор сказал: «Пловцам во времени полезно иметь надежные часы». Было без шести минут восемь.

– Еще долго ехать? – спросила Лидочка.

– Разве разберешь?

Но соседка сзади услышала вопрос и громко произнесла:

– Кто знает, сколько осталось ехать?

Поднялся бестолковый спор, мужчины подвинулись к задней части фургона, стали выглядывать, чтобы понять, где же едет грузовичок. От того, что Крафт спорила с Максимом Исаевичем и обладательницей капризного женского голоса, проехали ли уже деревню Беляево или не доехали еще до села Теплый Стан, ничего не менялось. Вокруг была темень, а если и попадалась деревня, то как угадать ее имя по тусклым огонькам?

Матвей Ипполитович принялся властно стучать в стену кабинки, шофер притормозил, скатившись к обочине, потому что решил, что кому-то надо покинуть машину по нужде. Когда же узнал, в чем дело, то вместо ответа выругался так, что было слышно в кузове, и рывком двинул машину дальше. Лида сидела мышонком, она испугалась, что сейчас начнется выяснение, кто же начал этот опасный разговор. Когда выяснится, что виновата Лида, ее высадят в диком подмосковном лесу, не доезжая до села Теплый Стан. Тут Лиде стало себя безмерно жалко, а Максим Исаевич, который сидел у заднего борта, оттеснив Марту и Лидочку, замахал руками и закричал, что видит огни. По общему согласию было решено, что огни принадлежат Беляеву.

– Теперь держитесь! – прокричал Матя голосом массовика-затейника. – Последние две версты изготовлены специально, чтобы мы с вами нагуляли аппетит.

– Никто не хочет работать, – сердито сказала Марта Ильинична. – Можно платить миллионы, а дорожники будут играть в карты или подводить итоги соревнования.

– Соревнование – становой хребет нашей пятилетки, – сказал Максим Исаевич громче, чем надо, никто ему не стал отвечать, а грузовик продолжал путешествие к подмосковному имению князей Трубецких, вовсе не добровольно передавших его большевикам вместе с картинами, конюшнями и семейным привидением учительницы музыки, утопившейся лет пятьдесят назад от несчастной любви к дяде последнего владельца, убитого, в свою очередь, где-то под Ростовом ревнивцем, жену которого князь, несмотря на свой почтенный возраст, неосторожно соблазнил.

Грузовик снизил скорость, начал сворачивать с шоссе, и его опасно зашатало по ямам. Кто-то в темноте коротко взвизгнул. Мотор отчаянно заревел. Лида увидела белую оштукатуренную кирпичную арку, которая выплыла из-за спины и, пошатываясь и уменьшаясь, растворилась в темноте.

Лидочка подумала, насколько удивительна скорость деградации предметов и даже целых местностей, попавших под власть большевизма. Например, дорогу к имению Трубецких, наверное, держали в порядке. Если у нас на дворе тридцать второй год, значит, прошло пятнадцать

лет с последнего ремонта дороги – всего-то две версты от Калужского шоссе, – но дороги как не бывало. Грузовик ухал, съезжая в очередную яму, скользил к кювету, опасно накренившись, замирал над ним, собирался с силами, выползал вновь на середину дороги и несколько метров проносился, словно железный мяч по каменной терке, затем подпрыгивал на неожиданном пригорке и снова ухал в реку, прорезавшую многострадальную дорогу.

Люди в грузовике совершали невероятные движения руками и всем телом, чтобы не вылететь наружу или не свалиться под ноги своим спутникам, они цеплялись друг за дружку, за деревянные скамейки, за задний борт и занозистые стойки, они даже потеряли способность проклинать Академию наук, которая никак не соберет денег для ремонта своей дороги, Трубецких, которые могли бы отремонтировать дорогу лет на сто вперед, и, конечно же, шофера, который мог бы ехать осторожней, но, видно, торопится к своей бабе, что ждет его за столом у бутылки рыковки.

Когда Лидочке уже казалось, что еще минута такой пытки и она добровольно выскочит из грузовичка и отправится дальше пешком, вдруг грузовик стал заметно сбавлять ход, притом пронзительно и жалобно гудеть – Лида впервые услышала его голос.

Никто в кузове не проронил ни слова, но все напряженно слушали, стараясь сквозь шум мотора и плеск воды услышать нечто новое – и тревожное. Наконец, не выдержав, кто-то нервно спросил:

– Что? Приехали?

– Да что вы говорите! – возмутился Максим Исаевич. – Мы еще и версты не проехали – неужели непонятно?

– Я боюсь, – сказала Марта Ильинична, которая также была старожилом, – что разлился нижний пруд.

– Как так разлился? – обиделся за пруд Максим Исаевич. – Что вы хотите этим сказать?

– А то и хочу, – сказала Марта Ильинична, – что вышел из берегов.

– А зачем шофер гудит? – спросил Матвей Ипполитович. – Чтобы пруд вошел обратно в берега?

Никто не засмеялся, потому что, перебрасываясь фразами и слушая эту пикировку, все продолжали ловить звуки снаружи.

Грузовик дернулся и замер. Сразу стало в сто раз тише – остался только шум дождя, а его можно было игнорировать.

Хлопнула дверца кабины. Захлюпала вода. Ясно, что шофер вышел наружу.

– Что там у вас? – спросил у кого-то шофер.

Ему ответили. Но невнятно.

Максим Исаевич высунулся из кузова головой вбок – кто-то невидимый его поддерживал, чтобы не вывалился.

– Там авто, – сказал Максим Исаевич, забравшись обратно. – А вы говорите – наводнение!

– Я ничего не сказала, – возразила Марта Ильинична. – Я только высказала предположение.

– Тише! – крикнул Матвей Ипполитович Шавло. – Дайте послушать.

– Ничего интересного, – сказал Максим Исаевич, как человек, вернувшийся с покорения Эвереста или Южного полюса и имеющий моральное право утверждать, что там лишь снег, только снег и ни одного дерева!

– Вам неинтересно, – огрызнулся Матя, – а если та машина застряла так, что вам ее не вытащить, нам придется здесь ночевать!

– Что? Что вы сказали?

И поднялось невероятное верещание – потому что все устали, все так надеялись, что через несколько минут окажутся в тепле дворца, и тут – новая опасность!

Шум не успел еще стихнуть, как послышались шаги по воде, и над задним бортом появилась черным кругом голова шофера.

– Так что, граждане отдыхающие, – сказал он и сделал драматическую паузу. И все молчали, потому что неловко прерывать Немезиду. – Там мотор стоит, въехал по уши в канаву. И нам его не объехать... Понятно?

Никто не ответил – все знали: продолжение следует.

– Так что пока не сдвинем, не толкнем то есть, – дальше не поедem.

– А мы при чем? – громко и высоко крикнул Максим Исаевич.

– А вы толкать будете, – сказал шофер. – Если, конечно, уехать хотите.

– А если нет?

– А если нет – добро пожаловать с вещичками полторы версты по воде да в горку. Мое дело маленькое.

– Вы обязались нас доставить до места назначения, – сказала обладательница капризного голоса.

– Это кому я, гражданка, обязывался? – обиделся шофер. – Да я себе место в два счета найду – не то что здесь, в деревне, по лужам ишачить!

– Спокойно, спокойно! – раздался голос Мати Шавло. – Шофер прав. Никто не заставлял нас сюда ехать, и добровольцы на самом деле могут погулять под дождем. Я предпочитаю короткое бурное усилие, а затем – заслуженный отдых! Физическая работа на свежем воздухе – вот основа физкультуры трудящихся!

Говоря так, Шавло, перешагивая через доски-скамейки, добрался до заднего борта, перенес через него ногу, нащупывая упор, и все продолжал говорить:

– А что за авто, скажите, товарищ шофер? Кого понесла нелегкая на легковой машине в Узкое? Неужели никто не сказал этому легкомысленному мальчишке или покрытому сединой отцу семейства, что так себя вести нельзя?

– Сюда ногу ставь, сюда, а теперь опирайся об меня, – слышала Лидочка голос шофера. – Вот так. А машина из ГПУ, точно тебе скажу. Я их по номерам знаю.

– Ну, это совсем лишнее – что же я, должен машину ГПУ, которая, может, приехала арестовывать очередную заблудшую овечку, подталкивать к ее неблагодарной цели?

– Матя! – грозно воскликнул Максим Исаевич.

Лида между тем уже стояла у заднего борта.

– Матвей Ипполитович, – сказала она, – дайте руку.

– Прекрасная незнакомка? Я вас с собой не возьму. Вы простудитесь.

– У меня непромокаемые боты, – сказала Лидочка, опираясь пальцами на поднятую к ней ладонь. Она легко перемахнула через борт и полетела вниз, в бесконечную глубину, словно с парашютом, но Матвей поймал и умудрился притом прижать ее к себе, а уж потом осторожно поставить на землю.

– Молодец, девица, – сказал он. – Чувствую за вашей спиной рабфак и парашютную вышку в парке Сокольники. Будь готов?

– Добрый вечер, – сказал человек, подошедший из-за грузовика, – темный силуэт на фоне черных деревьев. – Мне хотелось бы внести ясность как пассажиру авто, которое так неловко перекрыло вам дорогу к санаторию.

Голос у него был чуть напряженный, как будто владелец его старательно и быстро подыскивал правильные слова и при этом решал проблему, как произнести то или иное слово, где поставить ударение. В ближайшие дни Лидочке предстояло убедиться в том, насколько она была права, – восхождение Яна Яновича Алмазова к власти было столь стремительным, что у него не оставалось времени подготовиться к той роли, которую ему предстоит играть в жизни. Но как только жизнь немного успокоилась, появился досуг. Алмазов не стал тратить его на мещанство, на девиц или пьянки – он работал и учился. Но не алгебре или электриче-

скому делу – он учился лишь тому, что могло помочь ему в общении с людьми, наследственно культурными, знающими с рождения много красивых, значительных слов. Он стал учить ударения в словах и фразах, он занимался географией и историей – настолько, чтобы не попасть впросак. Ян Янович панически боялся попасть впросак в разговоре с интеллигентом, и если такое все же происходило, то горе тому интеллигенту, который своим присутствием, вопросом или упрямством заставил ошибиться товарища Алмазова.

– Добрый вечер, – сказал Матя Шавло, все еще не отпуская Лидочкиной руки, но не помня о ней – встреча с чекистом требовала всего внимания.

Чекист протянул руку Мате и представился:

– Ян Алмазов, тржусь, как вам уже доложили, в ОГПУ. Считаю долгом развеять ваши опасения и сомнения – я никого не намерен арестовывать или обижать, я такой же отдыхающий, как вы, и хотел бы, чтобы вы забыли о моей специальности, хорошо, Матвей Ипполитович?

Матя Шавло вздрогнул, но почувствовала это только Лидочка, которой он касался плечом.

– Вы удивились, как я вас узнал, – засмеялся чекист. – Но вас же многие знают. Вы человек всемирно известный.

– Тогда пошли к вашей машине, – сказал решительно Шавло. – Что с ней случилось?

И он, скользя по глине, поспешил к перекрывшей дорогу машине Алмазова – длинному лимузину, возле которого стоял могучий детина в черной куртке и такой же кожаной черной фуражке – шофер Алмазова.

Лидочка обернулась, удивляясь тому, что никто не последовал их примеру и не спешит вытаскивать из грязи машину чекиста. Шавло, не оборачиваясь, угадал ее мысль, потому что сказал (сквозь дождь его слова донеслись невнятно, и, может быть, Лидочка додумала их):

– Мы с вами не ему идем помогать, а тем, кто остался в грузовике. В этом вся разница.

Лидочка согласилась – на самом деле ей хотелось как можно скорее добраться до теплого санатория и забыть об этой дикой дороге, схожей по трудностям с путешествием Скотта к Южному полюсу.

Тут Лидочка ухнула ногой в глубокую яму, полную черной ледяной воды, и страсть делать исторические сравнения тут же оставила ее.

Пока она, прыгая на одной ноге, пыталась вылить воду из ботика, мимо прошел Алмазов. Его плащ блестел, будто сделанный из черного фарфора. Он гнал перед собой шофера грузовичка. Именно гнал, хотя никакого насилия над тем не производил. Уж больно покорно была склонена голова шофера, а руки были почему-то заведены за спину и сцепились пальцами, будто шоферу уже приходилось так ходить.

– Ну что же вы стоите, товарищи, – сказал чекист. – Навалимся?

Он сделал широкий округлый жест рукой в черной перчатке, призывая народ включиться в выполнение и перевыполнение.

Машина Алмазова попала передними колесами в глубокую промоину в дороге, и ее колеса по ступицы скрылись под водой. Лучше бы что-нибудь под них подложить, но Алмазов был сторонником прямых действий.

Подчиняясь его жестам и крикам, остальные навалились на зад машины. Спутники Лидочки казались ей черными пытящими тенями – по пытению она угадала, что справа от нее трудится Шавло, а слева – один из шоферов.

Машина чуть покачивалась, но не двигалась с места. Алмазов принялся помогать, напевно восклицая: «А ну, раз! Еще раз! Раз-два, взяли, и-що взяли!»

Они с минуту подчинялись крику и ритмично наваливались на забрызганный грязью зад лимузина, потом Шавло первым выпрямился и сказал:

– Так дело не пойдет.

– А как пойдет? – заинтересованно спросил Алмазов.
– Надо сучьев под передок наломать, – сказал шофер грузовика.
– Все равно народу мало, – сказал Шавло. – Не справимся. Поднимайте людей.
– Почему? – вдруг озлилась Лидочка, хотя понимала, что следовало подчиниться инстинкту самосохранения. – Если вместо того, чтобы командовать, вы тоже испачкаете ручки, машина, может, и сдвинется.

Чекист не рассердился.

– Порой важнее иметь человека, умеющего командовать, – ответил он, – чем стадо неорганизованных дикарей.

Дождь припустил с новой силой.

Алмазов постучал по дверце лимузина. Дверца тут же приоткрылась, и оттуда вылезла палка, которая замерла под углом вверх, будто некий охотник вознамерился стрелять из машины по пролетающим уткам. Затем раздался громкий щелчок, и палка превратилась в раскрывшийся зонт. Под прикрытием зонта из машины выглянула ножка в блестящем ботике и светлом чулке, ножка замерла над лужей, затем из машины донесся отчаянный писк, и ножка соприкоснулась с водой, которая фонтаном взмыла вверх, обдав шелковые чулки и край юбки существа женского пола, которое таким образом вылезало из машины.

– Этого еще не хватало! – возмутилась Лидочка. – Мы толкаем, а ваши друзья... сидят. Если бы я знала!

Алмазов ничего не ответил, а маленькая женщина отважно кинулась вброд через лужи к чекисту и, вознеся зонтик над его головой, словно бы он был китайским богдыханом, пропищала нечто умиленное.

– Немедленно в машину! – приказал Алмазов, который, как показалось Лидочке, и сам на секунду растерялся от неожиданного явления. – Альбина, вы простудитесь!

Алмазов взял свою спутницу под руку и повлек к машине. Остальные стояли под дождем, всматриваясь в темноту, ибо, стоило человеку исчезнуть из конусов, образованных светом фар машины или грузовика, он становился невидимым.

Заталкивая попискивающую даму в лимузин и отказываясь принять из ее рук большой зонт, Алмазов крикнул своему шоферу:

– Жмурков, пойді к грузовику, вытащи оттуда всех мужчин. А то мы до утра прочикаемся.

Алмазов громко хлопнул дверцей лимузина, затем запустил руку в глубокий карман прорезиненного плаща и достал оттуда электрический фонарь в форме длинной трубки с лампочкой на конце. Он включил фонарь и пошел вокруг лимузина, будто только сейчас ему пришла в голову мысль убедиться в том, насколько серьезно положение его автомобиля.

Лидочке вдруг все надоело. Как будто то, что здесь происходило, было направлено именно против нее. Угадав ее движение, Матя Шавло схватил ее за руку и удержал.

– Потерпим, – сказал он, – и будем относиться с юмором к таким коллизиям.

– Юмора не хватает, – сказала Лидочка.

– Ваш друг прав, – сказал Алмазов, вынырнувший из-за лимузина. Он имел дьявольскую способность все слышать, даже если говорившие находились от него на обратной стороне Земли. – Терпение и еще раз терпение. Только так мы достигнем своих высоких целей. А цель у нас простая – освободить дорогу для грузовика. К сожалению, моему мотору дальше не проехать. – Тут же он сменил тон, как будто один человек ушел, а другой, хамский, занял его место: – Жмурков, тебя что, за смертью посылать? Где наша ученая рабочая сила?

– Идем! – откликнулся Максим Исаевич, возглавлявший небольшое научное стадо, которое продвигалось будто бы по Дантову аду, то попадая в свет фар, то исчезая в прорезанной дождевыми струями темноте. Если возмущение и владело этой группой людей, то, вернее всего, оно было истрачено еще в машине, когда властью Алмазова их вытягивали под дождь, на холод,

а сейчас все молчали, бунтовать было бессмысленно – все уже знали, чью машину надо стаскивать с дороги.

– Попрошу минуту внимания, – сказал Алмазов, поправляя фуражку, с козырька которой срывались тяжелые капли. – Женщины толкают автомобиль сзади, мужчины приподнимают передний бампер, чтобы не повредить мотор. Как только машина окажется на обочине, все свободны. Задача ясна?

Не дожидаясь ответа, он отошел к передку машины и принялся загонять в глубокую канаву несчастных своих рабов во главе с Максимом Исаевичем и очкастым молодым человеком, сидевшим в грузовике позади Лидочки.

План Алмазова удался на славу – в считанные минуты продрогшие, а потому горевшие страстью к труду ученые развернули черный лимузин, чтобы не мешал проехать грузовику, и, отпущенные Алмазовым на волю, кинулись под защиту фанерного потолка своего автобуса. Лидочка шла последней. В отличие от остальных она промокла насквозь, и ей нечего было спасать. К тому же ей стало любопытно, не забудет ли Алмазов свою спутницу.

Нет, он ее не забыл. Сам открыл дверцу лимузина, велел ей выйти. Пока женщина раскрывала зонтик и попискивала, вытаскивая из машины свой баул, Алмазов давал указания шоферу, оставшемуся у машины, чтобы тот никуда не отлучался, – Алмазов по телефону вызов ему помощь. Тем временем остальные пассажиры грузовика уже влезли в кузов, спрятались от дождя, задержалась лишь Лидочка, ведь она все равно промокла. Незамеченная, она увидела, как Алмазов повлек было свою даму к кузову, но она вдруг тихонько жалобно заверещала. Выслушав эти звуки, Алмазов пошел не к кузову, а к дверце кабины и решительно отворил ее. Оттуда на него воззрился согбенный профессор Александрийский.

– Освободите, пожалуйста, место, – вежливо, но решительно заявил чекист.

– Простите? – послышался скрипучий неприятный голос Александрийского. – К сожалению, не имею чести быть с вами знаком...

Слова Александрийского были неразборчивы, в ответ Алмазов плевался краткими приказами, Лидочка хотела объяснить чекисту, что профессор болен, она ринулась к машине, но поскользнулась и со всего размаха уселась в лужу, а когда поднялась, то увидела, что мимо нее проходит, не глядя по сторонам, Алмазов, ловко и быстро подтягивается, переваливается через задний борт в кузов и весело, громко, перекрывая дождь, кричит:

– А ну, трогай!

* * *

Голоса под фанерным кузовом подхватывают крик, машина послушно катится вперед, набирая скорость.

Лидочке надо было кинуться следом и закричать – они наверняка бы остановили машину – ведь забыли ее по недоразумению, от растерянности и страха – еще минута, и должна спохватиться Марта Ильинична. Но Лидочка не кинулась, не закричала, потому что в этот момент увидела человека, который стоял, являя собой вопросительный знак, он опирался обеими руками на трость, согнувшись и натужно кашляя.

Лидочка не сразу сообразила, что это – Александрийский. Стоит под дождем темная человеческая фигура и кашляет, но тут же она поняла: Алмазов попросту вытащил старика из кабины, чтобы освободить место для своей дамы.

– Это вы? – спросила почему-то Лидочка и потом уже побежала за грузовиком, крича: – Стойте! Стойте! Остановитесь немедленно!

Но задние красные огоньки грузовика уже растаяли в ночи, и гул его двигателя слился с шумом дождя.

Лидочка подбежала к Александрийскому – тот перестал кашлять и старался распрямиться.

– Вам плохо?

Тот ответил не сразу, сначала он все же принял почти вертикальное положение.

– А вы что здесь делаете? – спросил он.

– Меня забыли. Как и вас. – Лидочка улыбнулась, как ни странно, обрадованная тем, что она не одна на этой дороге и Александрийскому не так уж плохо, – вот и он улыбнулся.

Александрийский сделал шаг, охнул и сильнее оперся о палку.

– Беда в том, – сказал он медленно и отчетливо, – что, падая из машины, я подвернул ногу. Мне еще этого не хватало.

– Больно? – спросила Лидочка.

– Вот именно что больно, – сказал профессор.

– Я вам помогу дойти.

– Вы здесь впервые?

– Не бойтесь, – сказала Лидочка. Она старалась разговаривать с Александрийским как с маленьким – он был так стар и слаб, что мог упасть и умереть, его нельзя было сердить или расстраивать. – Мы обязательно найдем это Узкое – я думаю, что совсем немного осталось.

– Вы совершенно правы, – сказал Александрийский, – тут уже немного осталось. Но я боюсь, что мне не добраться.

– Это еще почему?

– А потому, что за плотиной начнется подъем к церкви, а я его и раньше одолеть без отдыха не мог. Так что придется вам, дорогая девица, оставить меня здесь на произвол судьбы и, добравшись до санатория, послать мне на помощь одного-двух мужиков покрепче, если таковые найдутся.

– А вы?

– А я подожду. Я привык ждать.

– Хорошо, – догадалась Лидочка. – Если вам трудно идти, то забирайтесь в машину и ждите меня там.

– Это разумная мысль, и в ней есть даже высшая справедливость, – согласился Александрийский. – Если меня выбросил на улицу хозяин этой машины, то она должна дать мне временный приют.

– А что он вам сказал? – спросила Лидочка, поддерживая Александрийского под локоть и помогая дойти до лимузина.

– Он сказал, что я должен уступить место даме. А когда я отказался, сославшись на мои болячки и недуги, он помог мне выйти из машины.

– Это хамство!

– Это принцип современной справедливости. Уважаемый Алексей Максимович сказал как-то: если враг не сдается, его уничтожают. Он, лукавец, очень чутко чувствует перемены в обстановке. Мне не хотелось бы попасть во враги человеку в прорезиненном плаще. Это Дзержинский?

– Что вы говорите? Дзержинский умер!

– Как, по доброй воле? Или его убили соратники?

– А я не сразу поняла, что вы шутите.

Дверцы в лимузин были закрыты. Шофера не видно.

– Эге! – сказала Лидочка. – Кто в домике живой?

– Никакого ответа, – добавил Александрийский, может быть, цитируя «Тома Сойера».

Лидочка потрогала ручку дверцы, ручка была холодной и мокрой. Она чуть-чуть подавалась, и затем ее застопорило.

– Эй! – рассердилась Лидочка. – Я уверена, что вы нас видите и слышите. Так что не притворяйтесь. Вы видите, что на улице по недоразумению остался пожилой человек. Он может простудиться. Откройте дверь и впустите его, пока я сбегаю за помощью. Вы меня слышите?

Никакого ответа из машины не последовало.

– Послушайте, – сказала Лидочка. – Если вы сейчас не будете вести себя по-человечески, я возьму камень и стану молотить им по вашему стеклу, пока вы не сдадитесь. Вы не можете быть таким бессердечным, когда человек страдает.

Дверца машины распахнулась резко и неожиданно, словно ее толкнули ногой. Хоть глаза Лидочки давно уже привыкли к темноте, тьма в машине была куда более густой, чем снаружи, и она скорее угадала, чем увидела, что там, скорчившись, сидит закованный в кожу шофер Алмазова, выставив перед собой револьвер.

– А ну, давай отсюда! – заклокотал злой и скорее испуганный, чем решительный, голос из автомобильной утробы. – Долой, долой, долой!

– Да вы что! – закричала Лидочка и осеклась, потому что слабые, но цепкие пальцы Александрийского вцепились ей в рукав и тянули прочь от машины.

– Считаю до трех! – крикнул из машины шофер. Чтобы не свалить Александрийского, Лидочка была вынуждена подчиниться ему и отступить. На секунду мелькнули растопыренные пальцы, которые потянули на себя дверцу машины. Дверца хлопнула, и стало тихо – как будто скорпион сам себя захлопнул в банке и ждет, кто сунет руку, кого можно смертельно ужалить.

– Он сошел с ума, – сказала Лидочка.

– Ничего подобного. Ему страшно, – сказал Александрийский. – Он остался совсем один, и ему кажется, что вокруг враги. А мы с вами хотим захватить государственную секретную машину и умчаться на ней во враждебную Латвию.

– Вы уже промокли?

– Не знаю, пожалуй, пока что только замерз.

– Давайте пойдем отсюда.

– Попытаемся. В любом случае оставаться здесь опасно. В любой момент шофер может открыть огонь по белополякам.

Вдруг Лидочке стало смешно, и она сказала:

– Даешь Варшаву!

Александрийский старался не сильно опираться о руку Лидочки, но совсем не опираться он не мог, и, хоть был очень легок и стеснялся своей немощи, получалось, что Лидочка тащит старика по скользкой дороге под черным дождем, что вела прямо вперед между стенами деревьев. Лидочка обернулась, лимузин Алмазова можно было угадать только по отблеску черного металла.

Шагов через триста Лидочка остановилась. Александрийский ничего не сказал, но Лидочка почувствовала, что он уже устал, – по давлению его горячих пальцев на ее руку, по тому, как он реже и тяжелее переставлял трость.

– Если вам не холодно, давайте передохнем, – сказала Лидочка.

– Давайте, – согласился Александрийский. – Скоро дорога начинает подниматься – это самое трудное.

– Выдюжите? – спросила Лидочка, стараясь, чтобы ее вопрос звучал легко, как обращение к малышу.

– Постараемся, – сказал Александрийский. – У меня, простите, грудная жаба.

– Ой, – сказала Лидочка, которая знала о такой болезни только понаслышке и с детства боялась этих слов. Что может быть страшнее для живого детского воображения, чем образ скользкой мерзкой жабы, сидящей в груди у человека и мешающей ему дышать.

– К сожалению, – продолжал Александрийский, – после прошлогоднего приступа у меня в сердце образовалась аневризма, это ничего вам не говорит, но означает, что я могу дать дуба в любой момент – стоит сердцу чуть перетрудиться.

– Негодай, – сказала Лидочка, имея в виду чекиста.

Профессор понял ее и сказал:

– Пойдемте, моя заботница, а то вы совсем зачоченеете. Как вас, простите, величать?

– Лида. Лида Иваницкая.

– Тогда, чтобы не скучать, вы мне расскажите, кто вы такая и почему вас понесло в это богоспасаемое Узкое в такое негуманное время года.

Лидочка чуть приподняла локоть, чтобы Александрийскому было сподручнее опираться, и рассказала старику, как ее уважаемый шеф Михаил Петрович Григорьев, с которым она трудится в Институте лугов и пастбищ, составив атлас луговых растений, наградил ее путевкой в Узкое за ударное и качественное завершение работ.

– Значит, вы ботаник? – спросил Александрийский. Он говорил медленно, потому что на ходу ему трудно было дышать.

– Нет, я художник, но плохой, – призналась Лидочка. – Но у меня хорошо получаются акварели и рисунки тонких вещей – например, растений. И мне нравится такая работа.

– Это интересно. Я любил рассматривать старые атласы.

– Если в типографии не обманут, это будет хороший атлас. Красивый. Я вам подарю.

– Спасибо, – сказал профессор, – я постараюсь дожить. – Он засмеялся и оттого закашлялся. Пришлось остановиться и переждать, пока он отдышится. Лидочка решила больше не смешить старика. А то еще умрет. Ей было холодно. Просто било от холода, и надо было эту дрожь скрывать от Александрийского.

Впереди заблестела вода – по обе стороны дороги.

– Пруды, – сказал Александрийский. – Здесь система прудов, они устроены каскадом. Через весь парк. Только теперь они запущены... Простите, Лида, но я попросил бы вас остановиться – мне что-то нехорошо.

– Конечно, конечно. – Лидочка испугалась, потому что не знала, что делать с человеком, у которого грудная жаба, и ей стало страшно, что он может умереть, – он был такой сублильный, хрупкий...

Они остановились перед каменными столбами ворот; сами ворота из железных прутьев были распахнуты и покосились – видно, их давно никто не закрывал.

От ворот дорога круто шла вверх.

– Лучше всего, если вы, Лидия, оставите меня здесь, – с трудом произнес Александрийский. – Я обопрусь об этот столб. И буду терпеливо ждать помощи. Вам меня в эту гору не втащить.

– Нет, что вы! – возразила Лидочка, но она уже понимала, что старик прав. – Я вам дам мое пальто, – сказала она. – Вы его накинете на голову и плечи и будете дышать внутрь. Так значительно теплее.

– Не надо, вам оно нужнее.

– Я все равно побегу, – сказала Лидочка. – И не спорьте со мной.

Но ей не удалось исполнить свое намерение, потому что наверху, на вершине подъема, куда стремилась дорога, сверкнул огонек. Рядом с ним второй – они раскачивались, будто были прикреплены к концам качелей.

– Смотрите! – воскликнула Лидочка. – Это люди. Это нас ищут, да?

– Я хотел бы надеяться, – сказал Александрийский с неожиданной тяжелой злостью, – что кто-то спохватился. И даже послал за нами сторожа.

– Эй! – закричала Лидочка. – Идите сюда!

– Эй-эй! – отозвалось сверху, и дождь не смог поглотить этот крик. – Потерпите! Мы идем!

И еще через минуту или две донесся топот быстрых крепких ног – с горы бежали сразу человек десять. Никак не меньше десяти человек, хотя, конечно же, Лидочка в мелькании фонариков и «летучей мыши», которую притащил молодой человек с красивым лошадиным лицом, не могла сосчитать или даже увидеть толком всех, кто прибежал за ними из санатория.

Шавло, большой, теплый, принявшийся согревать в ладонях совсем заочевенные пальцы Лидочки, сбивчиво объяснял, почему помощь не пришла сразу, а его перебивала Марта, которая держала зонтик над головой Александрийского. Оказывается, когда грузовик тронулся, Марта почему-то решила, что Лидочку поместили в кабину, потеснив Александрийского, – почему она так подумала, один Бог знает. А Шавло вообще был убежден, что Лида сидит в грузовике у заднего борта и потому ему не видна. А что касается Александрийского, то абсолютно все были убеждены, что он благополучно восседает в теплой кабине.

Каково же было всеобщее удивление, когда по приезде в Узкое обнаружилось, что в кабине находится подружка чекиста Алмазова, а ни Александрийского, ни Лидочки в грузовике нет. Алмазов вел себя нагло и утверждал, что попросил Александрийского перейти в кузов, потому что его подруга Альбина – актриса и вынуждена беречь голос. А когда Марта возмущенно заявила, что Александрийский тяжело болен, Алмазов лишь пожал плечами и ушел. Грузовик к тому времени успел умчаться в гараж, так что добровольцы во главе с Мартой отправились спасать Александрийского и Лидочку пешком.

Лидочка была так растрогана появлением шумной компании спасателей, что не смогла удержать слез; Шавло заметил, что она плачет, и стал гладить ее по мокрому плечу и неловко утешать. Марта отстранила его, тут же вмешался толстый Максим Исаевич, который сказал, что у него две дочки на выданье и он знает, как успокаивать девиц, а Александрийский ожил и стал рассказывать, как Лидочка спасала его. Никто не произнес имени Алмазова и не сказал ни слова упрека в его адрес. Правда, все смеялись, когда Александрийский, задыхаясь, поведал, как Лидочка пыталась спрятать его внутрь лимузина, а шофер из ОГПУ готов был отстреливаться, чтобы не пустить их в машину.

Тем временем Шавло и молодой человек с лошадиным лицом, который представился Лиде как поэт Пастернак, сплели руки, как учили в скаутских отрядах, чтобы Александрийский мог сидеть, обняв руками своих носильщиков за шеи. Всем было весело, и Лидочка тоже смеялась, потому что все изображали караван, который идет к Эльдorado. Дорога в гору была очень крутая, и Шавло с Пастернаком выбились из сил, но не хотели в том признаться. На полдороге их встретили молодые, похожие друг на друга братья Вавиловы – один физик, второй биолог, которого Лидочка знала. Ему очень нравились Лидочкины акварели, и он уговаривал ее уйти к нему, но Григорьев сказал, что только через его труп. Братья Вавиловы сменили Шавло и Пастернака.

Еще пять минут, и у высокой крепкой белой церкви подъем закончился. Справа, за открытой калиткой, голубым призраком, открывшим множество желтых глаз, лежала двухэтажная усадьба с центральным портиком. Справа от них был подъезд, к которому вела дорожка, по сторонам на столбах горели электрические фонари.

Высокая дверь в дом была открыта. За ней толпились встречающие.

Казалось бы, событие не весьма важное – забыли по дороге двух отдыхающих. Но почти все обитатели Санузии в той или иной степени приняли участие в их спасении. И дело было не столько в Лидочке и профессоре, как в возможности безобидным поступком противопоставить себя чекисту и его дамочке. Шла мирная политическая демонстрация, и если Алмазов увидел ее и понял ее значение – виду он не подал.

Еще минуту назад была глубокая ночь, была пустыня и невероятное одиночество, словно Лидочка вела Александрийского через полуостров Таймыр.

И вдруг – словно поднялся занавес!

Тяжелая дверь отворилась им навстречу.

За дверью, из которой пахнуло теплом и вкусным запахом чуть подгоревших сдобных пышек, толпились люди, видно, волновавшиеся за их судьбу. Полная кудрявая рыжая женщина в белом халате взволнованной наседкой накинута на Александрийского, и его тут же понесли, хоть он хотел стать на ноги и сам идти, направо, где за двустворчатыми дверями горел яркий свет и был виден край зеленого бильярдного стола, а Лидочка попала в руки другой медички – курносой, маленькой, с талией в обхват двумя пальцами. Одной рукой она стащила с Лидочки промокшую и потерявшую форму черную шляпку, которую и без того пора было выкинуть, другой – словно опытный птицелов – наинула на нее махровую простыню, точно такую, как была дома, в Ялте, и забылась, как и многие другие удобные и приятные для жизни вещи. Потерявшую возможность видеть и слышать Лидочку тут же куда-то повели, она чувствовала, как поскрипывает паркет, затем началась лестница. От простыни пахло лавандой. Скрипнула дверь...

Простыня съехала, и Лидочка зажмурилась от яркого света. Она была в небольшом, узком врачебном кабинете – вдоль стены низкая койка с валиком вместо подушки и клеенкой в ногах. Возле нее табурет, а дальше, к окну, стол с толстым, исписанным до половины, в черном коленкоре журналом.

– А ну немедленно ложитесь! – весьма агрессивно приказала девица Лидочке, девица была не уверена в себе и боялась неповиновения.

– Зачем мне ложиться? – спросила Лидочка, стараясь не сердить сестричку, которой при свете оказалось не более семнадцати. – Я совершенно промокла. Лучше скажите мне, в какой комнате я буду жить, и я переоденусь.

– Но Лариса Михайловна сказала, что вы должны вначале подвергнуться медицинскому осмотру.

– Разве обязательно для этого быть мокрой?

Сестричка тяжело вздохнула и сказала:

– Может, таблетку аспирина примете?

– Я этим займусь! – раздался голос от двери. Там стояла Марта Ильинична, которая тут же вызволила Лидочку из рук сестрички Маруси. Оказывается, она была не только сестрой милосердия, но и сестрой-хозяйкой, то есть заведовала простынями, наволочками и полотенцами. Из-за ее малых размеров и стремительности движений гостивший здесь не так давно писатель Алексей Толстой прозвал ее сестрой-козявкой, и это прозвище приклеилось к ней на века, и единственным человеком, не подозревавшим о нем, была сама Маруся.

– Он негодий! Таким руки не подают в порядочном обществе, – сказала Марта Ильинична, как только они вышли в коридор. А так как первое свое путешествие вдоль него Лидочка совершала с простыней на голове, то коридор ей был внове.

В коридоре второго этажа размещались врачебный кабинет, комната для процедур, а также несколько жилых комнат без удобств, наструганных из бывших классных помещений для многочисленных княжеских детей. Здесь отдыхали обитатели «камчатки», то есть простые научные сотрудники, особых заслуг не имевшие и связями в высоких сферах не обладавшие.

С торцов коридор завершался лестницами. Одна из них вела в прихожую и к выходу на первом этаже, вторая, служебная, узенькая, – на кухню. В том же коридоре находились две туалетные – мужская и женская, – по утрам возле них выстраивались небольшие очереди, что напоминало всем о московской жизни в коммунальных квартирах, от которых никуда не денешься даже в покинутом князьями подмосковном дворце. Оказывается, достаточно пятнадцати лет, чтобы и княжеские покои под влиянием строящегося социализма стали покоями коммунального типа.

Марта Ильинична отворила дверь и подтолкнула Лидочку вперед, чтобы та рассмотрела их комнату.

Комната была так узка, что две кровати, умещавшиеся в ней, стояли не друг против друга, а вдоль одной из стен. Марта сказала:

– Как ты понимаешь, у меня перед тобой преимущество, как возрастное, так и по стажу. Моя кровать ближе к окну, а твоя – к двери. Надеюсь, не возражаешь!

Лидочка не ответила. Она была счастлива, что ее кровать стоит ближе к двери, – она не была уверена, что смогла бы пройти пять шагов, чтобы добраться до дальней кровати, – а два шага до ближней она одолела и рухнула на кровать, возмущенно взвизгнувшую всеми своими старыми пружинами.

– Ты сама снимешь ботинки или тебе помочь? – спросила Марта.

– Сама, сейчас... – Лидочка понимала, что первым делом надо снять ботинки, но наклониться... нет, это выше человеческих сил!

Тогда Марта быстро присела на корточки и стянула ботинки, а потом мокрые чулки. Лидочка пыталась сопротивляться, но Марта лишь отмахивалась.

– Да погоди ты, не суетись, я сделаю это быстрее, – говорила она. – У тебя детей нет? А у меня двое. И каждую осень они прибегают по три раза за день промокшие до ушей. Ничего в этом позорного нет – Александрийский сказал, что ты буквально тащила его в горку на себе. Я должна сказать, что ты совершенно не производишь впечатления героини, но с другой стороны – у меня очень хорошее чутье на людей: ты обратила внимание, что я еще у Калужской заставы тебя начала опекать? Мне же не пришлось в голову опекать какую-нибудь идиотку. А ты бы посмотрела, какую мамзель притащил с собой этот жандарм! Ты не возражаешь, что я тебе тыкаю? Я вообще-то не выношу эту коммунистическую манеру – она происходит из дворницкой, но мне кажется, что мы с тобой знакомы уже тысячу лет.

– Ничего, мне даже приятно.

Тут в дверь постучали – вошла докторица Лариса Михайловна – завитая рыжая Брунгильда, которая заставила Лидочку лечь, пощупала пульс, потом велела Лидочке переодеться в сухое, принять горячий душ, а завтра с утра она ее осмотрит.

– Как там Александрийский? – спросила Марта.

– Лучше, чем можно было бы ожидать, – сказала Лариса Михайловна. – Мне кажется, что он даже доволен приключением.

– Ой, – сказала Лидочка, – а мой чемодан?

– Когда ты его в последний раз видела? – спросила Марта. Лидочка совершенно не представляла когда. Но сама судьба в лице Мати Шавло появилась в дверях, чтобы навести поря-док, – Матя принес чемодан, который он взял у Лидочки еще в трамвае, и, оказывается, не расставался с ним до самого санатория.

Лидочка наконец-то смогла как следует рассмотреть своего нового приятеля. Конечно же, он был фатом, но фатом добродушным и неглупым – его восточные карие глаза смотрели со всегдашней иронией, к тому же у него были умные губы. Другие люди определяют ум человека по глазам, а Лидочка была уверена, что бывают умные и глупые губы.

Матя готов был остаться в комнате надолго, но Марта его сразу выгнала, и Лидочка была ей благодарна, потому что знала, какое жалкое зрелище она собой представляет – спутанные мокрые волосы, не исключено, что физиономия вся в грязи... от таких женщин мужчины бегают.

Не успел Матя уйти, как сунулся Максим Исаевич. Ему хотелось принадлежать к тем сферам, где происходят самые важные события. А так как Лидочка оказалась в центре внимания, Максиму следовало находиться поближе к Лидочке. Максима объединенными усилиями удалось выдворить. Правда, как он ушел, Лидочка не помнила – она задремала минут на десять. Ей казалось, что она не закрывала глаз, – и вдруг проснулась от голоса Марты.

– Лучше ты после ужина ложись пораньше, – говорила Марта. – А то сейчас разоспишься и останешься голодной.

– Я не голодная, – ответила Лидочка, раздражаясь на соседку. – Я ничего не хочу.

– Тебе так кажется, а потом ночью накинешься на меня и сожрешь.

– Не накинусь. – Глаза не хотели открываться, но было ясно, что от Марты не отделаться. Марта присела на стул в изголовье Лидочкиной койки и погладила ее волосы.

– Я бы могла в тебя влюбиться, – заявила она.

Пока она не влюбилась, пришлось открыть глаза. Лампочка под потолком светила тускло, даже не набирая объявленной силы в двадцать пять свечей.

– Ты замужем? – спросила Марта.

– Да.

– Почему такая пауза? Вы в разводе?

– Нет, он уехал. В экспедицию.

– Все понятно, – сказала Марта. Она резко поднялась и отошла к темно-синему окну. Встала спиной к нему, опершись ладонями о подоконник. Она как бы давала Лидочке время и возможность исповедаться. Но Лидочка молчала. В Москве тридцать второго года не стоило откровенничать с незнакомыми. Или со знакомыми. Особенно если у тебя в семье не все благополучно.

– Он геолог? – спросила наконец Марта, не дождавшись исповеди.

– Археолог, – честно ответила Лидочка.

Господи, как он сейчас, где он? Андрею пришлось бежать из Москвы, иначе бы его взяли. Пан Теодор, их с Андреем покровитель, помог Андрею уехать, сказав при том, что у него есть для Андрея важное дело.

И лучше для всех, если Лидочка не будет знать, где скрывается Андрей, что он делает. Потому что, если ты чего-то не знаешь, ты не расскажешь об этом на допросе. Лидочка не стала спорить с Теодором, потому что у нее не было иллюзий. А теперь она ждала Теодора с вестями от Андрея. А в институте скрыла, что замужем, благо у них с Андреем разные фамилии, она – Иваницкая, Андрюша – Берестов.

– Я буду тебе верить, – сказала глубокомысленно Марта. – А знаешь почему?

– Почему?

– Если бы что, тебе бы путевку в Санузию не дали! Здесь такие люди бывают!

Марта наклонила голову по-птичьи, ждала ответа. Лидочка поднялась с постели. Ведь не скажешь ей, что путевка была горящая, досталась Лидочке случайно, потому что не смогла поехать Гордон-Полонская. Фамилию на путевке поправили, директор, благоволивший к Лидочке, написал собственноручно: «Исправленному верить».

Успокоив себя, Марта оставила пост у окна и подошла поближе. Она выкинула из головы проблемы, оставшиеся за пределами Санузии. Или ей показалось, что выкинула.

Всесилие пана Теодора должно иметь пределы. Вера в беспредельность сродни религии, а она, Лидочка, никогда не сотворит себе кумира... Ну что ему стоит приехать! Хотя бы кинуть в ящик открытку. Сколько можно ждать? Она же всю жизнь ждет, и ждет, и ждет...

Марта стояла уже рядом.

Это были чужие люди, так быстро и ловко перевоспитанные советским режимом, словно до него никакой истории не было. И Лидочку порой изумляла забывчивость окружающих. Ведь Марте уже за тридцать, революцию она встретила взрослой, может быть, успела окончить гимназию. Как приятно, наверное, существовать, не помня о прошлом. А завтра уже не будет и сегодняшнего...

– Ты завиваешься или они сами вьются? – спросила Марта. И, не дождавшись ответа, продолжала: – Моя беда в том, что все мои любовники хотели, чтобы у меня вились волосы – как у цыганки. Я похожа на цыганку? По-моему, совершенно не похожа, потому что все цыганки

очень грубые и брюнетки, а я натуральная шатенка. В результате я пережгла себе волосы, и они страшно секутся. Хочешь покажу, какие у меня щипцы? Настоящие электрические, заграничные, фирмы «Филипс». Если этот Алмазов меня арестует, оставлю тебе в наследство.

Лидочка устроилась перед зеркалом и стала причесываться.

– А почему он вас арестует? – спросила она.

– Ведь не просто так он сюда приехал? Обязательно с заданием. Впрочем, не бойся, я пошутила, я колдую. Я говорю: ах, меня завтра возьмут! И даже представляю себе, как это случится. И тогда не случается. Никто не приходит. К соседям приходят, а ко мне никогда. А знаешь почему? Потому что мой Миша, это мой муж, я тебя обязательно с ним познакомлю, он главный специалист по автомобилям. Если его арестовать, то завод буквально остановится, а кто пострадает? Они и пострадают. А они не дураки.

Марта замерла с полуоткрытым ртом – ее монолог тоже был частью ритуального колдовства, и ей хотелось, чтобы Лидочка ей поверила. Лидочка сделала вид, что поверила в незаметность Миши Крафта.

– Скажите, а молодой человек – мужчина, который нес Александрийского, это тот самый Пастернак?

– Кажется, он поэт. Не понимаю, почему им сюда путевки дают! Я очень уважаю Пушкина, но эти современные витии – Маяковские и Пастернаки, – они выше моего понимания. И поверь мне, голубушка, что через десять лет их никто уже не будет помнить.

– Пастернак очень хороший поэт, – сказала Лидочка. Она не любила и не умела спорить, но ей показалось нечестным отдать на растерзание Марте такого хорошего поэта и человека, который под холодным дождем прибежал спасать их с Александрийским. Еще неизвестно, побежал ли бы Пушкин... впрочем, Пушкин бы побежал, он был хороший человек.

– Ты меня не слушаешь? – донесся сквозь мысли голос Марты. – Здесь ты можешь встретить удивительных людей. В Москве ты их только в «Огоньке» или в кинохронике увидишь, а здесь можешь подойти и спросить, какая погода. В прошлый раз здесь был сам Луначарский. Он часто сюда приезжает в субботу и воскресенье. Ты знаешь, он читал свою новую трагедию!

– В стихах? – спросила Лидочка.

Марта не уловила иронии и, сморщив сжатый кудрями лобик, стала вспоминать, как была написана трагедия. И в этот момент ударил гонг.

Звук у гонга был низкий, приятный, дореволюционный. Он проникал сквозь толстые стены и катился по коридорам.

– Ужин, – сообщила Марта голосом королевского герольда. – Восемь часов. Земля может провалиться в пропасть, но гонг будет бить в Узком в восемь ноль-ноль.

– А что у вас надевают к ужину?

– У нас здесь демократия, – быстро ответила Марта. – Но это не означает распушенности. Даже летом не принято входить в столовую с открытой грудью или голыми коленками.

– Сейчас вряд ли это кому-нибудь захочется.

– Ну, что у тебя есть?

– Платье и фуфайка. И еще вторая юбка. – Лидочка открыла чемодан. Чемодан был старенький, сохранившийся еще с дореволюции, возле замочка он протек, и на юбке образовалось мокрое пятно.

Марта дала свою юбку. Она спешила, потому что президент республики Санузии не терпит распушенности. Только попробуй опоздать к ужину!

– И что же случится?

– А вот опоздаешь – узнаешь.

Это было сказано так, что Лидочке сразу расхотелось опаздывать, и она покорно натянула юбку, одолженную Мартой, – они с ней уже составили стаю, в которой главенство принадле-

жало старшей обезьянке. Она решала, что кушать и когда прыгать по деревьям. Лидочка, как хроменький детеныш, уже поняла, что любая самостоятельность преступна.

Они пробежали коридором, спустились вниз к высокому трюмо и оказались в прихожей – там Лидочка уже побывала сегодня. Прихожая была пуста, если не считать чучела большого бурого медведя, стоявшего на задних лапах с подносом в передних – для визиток.

– Его убил князь Паоло Трубецкой, – сообщила Марта, не сбавляя шага. – В этих самых местах... Не отставай.

Лидочка успела лишь заметить громоздкий комод и вешалку со многими шубами и пальто – Марта увлекла ее дальше, в гостиную, где стояли пианино, и кушетка, и кресла благородных форм, но с потертой обивкой, затем они оказались в столовой – ярко освещенной, заполненной лицами и голосами. Лидочку оглушили крики и аплодисменты – они предназначались им с Мартой. Лидочка смутилась и поняла их как похвалу за совершенные ею на ночной дороге подвиги. На самом деле причина аплодисментов заключалась в ином.

Когда аплодисменты и крики стихли, за длинным, покрытым относительно белой скатертью столом поднялся очень маленький человек – его голова лишь немного приподнялась над головами сидящих.

– Это он наш президент, – прошептала Марта, вытягиваясь, словно при виде Сталина.

– Добро пожаловать, коллеги, – заговорил президент. – Будучи общим согласием и повелением назначен в президенты славной республики Санузии...

– Слушайте, слушайте! – закричал Матя Шавло, изображая британский парламент.

– ...Я позволю себе напомнить нашим прекрасным дамам, что гонг звенит для всех, для всех без исключения!

Президент поднял вверх ручку и вытянул к потолку указательный палец.

– От малого греха к большому греху!

Зал разразился аплодисментами, а Марта что-то выкрикивала в свое и Лидочкино оправдание. Пока шла эта игра, Лида смогла наконец рассмотреть зал, куда они попали. Зал был овальным, дальняя часть его представляла собой запущенный зимний сад, а справа шли высокие окна, очевидно, выходившие на веранду. С той стороны зала стоял большой овальный стол, за которым свободно сидели несколько человек, среди них Лида сразу узнала Александрийского и одного из братьев Вавиловых. За вторым, длинным, во всю длину зала, столом, стоявшим как раз посреди зала – от двери до зимнего сада, – народу было достаточно, хотя пустые места оставались. И наиболее тесен и шумлив был третий стол – слева.

– Я намерен был, – надсаживал голос президент Санузии, – выделить дамам места за столом для семейных, потому что там дают вторую порцию компота, но их странное пренебрежение к нам заставило меня изменить решение! – Голос у него был высокий и пронзительный, лицо, туго обтянутое тонкой серой кожей, не улыбалось. Это был очень серьезный человек. – Мой приговор таков: сидеть вам на «камчатке»!

Это заявление вызвало вопли восторга за левым столом.

– К нам, девицы! – закричал знакомый Лидочке Кузькин – аспирант ее Института лугов и пастбищ, где она трудилась над атласом. – К нам, Иваницкая! У нас не дают добавки компота, зато у нас дружный коллектив!

Места для Марты и Лидочки были в дальнем конце стола, и пришлось идти сквозь взгляды и возгласы. Большинство отдыхающих были мужчинами пожилого возраста, даже за столом-«камчаткой», куда усадили наказанных за опоздание женщин, они составляли большинство, так что деление по столам было скорее социальным, чем возрастным. Стол овальный – для академиков, стол «семейный» – для докторов и третий – «камчатка» для случайных и обыкновенных. Осмотревшись, Лидочка увидела, что Матю усадили за столом для семейных.

подавальщица в белом переднике и наколке, что было совсем уж странно для советской действительности 1932 года, с сухим малоподвижным лицом, вкатила столик, уставлен-

ный тарелками с кашей. Появление каши было встречено новой волной криков, словно прибыл состав с манной небесной.

– Натужно, слишком натужно, – сказал Пастернак, сидевший рядом с Лидочкой.

– Даже страшно, – сказала Лидочка.

– Это игра, в которую играют серьезно, – сказал Пастернак. – Представьте себе, вечером после работы расковыывают галерных гребцов, они садятся в кружок и устраивают профсоюзное собрание.

Официантка ловко и бесстрастно кидала тарелки с кашей, и они из рук в руки попадали на свои места. Пастернак взял стоявшую на середине стола плетенку с хлебом и протянул Лидочке.

– Спасибо, – сказала Лидочка.

– Вы, наверное, страшно промокли и продрогли, – сказал Пастернак.

Он не хотел показаться вежливым, он в самом деле представлял, как Лидочке было холодно и мерзко в темном лесу.

– А вы прибежали, как красная конница, – сказала Лидочка.

– Конница? – Пастернак улыбнулся, но как-то рассеянно, а Лидочка, затронутая его глубоко запрятанной тревогой, стала крутить головой, потому что еще не видела Алмазова.

– Он еще не приходил, – сказал Пастернак, угадав ее мысль.

– А что делать? – спросила Лидочка.

– Ничего, – сказал Пастернак. – Мы с вами не можем ничего делать, потому что этим доставим неприятности другим людям.

– Кому?

– В первую очередь профессору Александрийскому... Чем меньше мы их замечаем, чем меньше общаемся, тем незаметнее они уйдут.

– Вам хорошо, – сказала Лидочка.

– Мне?

– Вы умеете себя утешать... и обманывать.

– Но ведь нет исхода!

– А если уйти вперед?

– Куда?

– В будущее?

– Оно не будет лучше. Ни за что.

– Не может быть, – сказала Лидочка. – Подумайте, сколько уже выпало на нашу долю – и мировая война, и революция, и гражданская война...

– А голод на Украине еще не кончился, – сказал Пастернак, – и сейчас там умирают дети. Я знаю. Мне рассказывали. А потом будет хуже.

Матя Шавлю пытался поймать взгляд Лидочки, а поймав, улыбнулся ей, подмигнув, всем видом показывая право на какие-то особые отношения с Лидочкой. И притом он умудрялся хмуриться, морщить нос, демонстрируя неприятие Пастернака.

Лидочка не была уверена, что может примириться с присутствием чекиста. Она должна будет сказать, сделать нечто принципиальное, чтобы он понял, какой он подонок. Чтобы все поняли.

И тут, как бы в ответ на бегущие в суматохе мысли Лидочки, дверь широко растворилась и четкой походкой, какую позволяют себе при входе в трапезную лишь императоры или полководцы армейского масштаба, вошел Алмазов, рядом с которым семенило воздушное, нежное, как взбитые сливки, создание.

Весь зал молчал. Оборвались разговоры, замерли ложки, занесенные над глубокими тарелками, полными плотной пшенной каши, густо заправленной изюмом. Казалось, должны были вновь загреметь аплодисменты – ведь появились опоздавшие, которых принято было

встречать таким образом. Но никто не аплодировал. И все замолчали – было очень тихо, и только с кухни донесся звон посуды и женский голос: «А чего с него, козла вонючего, возьмишь, все равно пропьет». Но никто даже не улыбнулся.

Алмазов отлично почувствовал атмосферу столовой. Атмосферу отторжения, общей безмолвной демонстрации, на какие так способны российские интеллигенты, когда чувствуют свое бессилие и смиряются с поражением, не признаваясь в этом.

Такую атмосферу надо и должно ломать плетью – и Алмазов умел это делать. Недаром он с восемнадцатого года был в ЧК. Но, даже обломав плетью об этих людей, Алмазов ничего бы не добился – ему сегодня не нужна была война.

В полной тишине Алмазов взял под локоть свою спутницу и повел ее, покорную былиночку, к «академическому» столу, за которым, замерев так же, как и все остальные в зале, сидели Александрийский, братья Вавиловы и неизвестный Лидочке старичок.

– Уважаемый Павел Андреевич, – сказал Алмазов, и голос его был напряжен и звенел, будто мог сорваться от волнения. – Мне очень трудно говорить сейчас. Конечно же, мне удобнее и проще было бы попросить у вас прощения приватно, без свидетелей. Но я боюсь, что оскорбление, которое я нечаянно нанес вам, это и оскорбление для всех собравшихся здесь научных работников. Поэтому я счел необходимым принести свои извинения здесь, при всех.

Лидочка удивилась чуть старомодной и гладкой речи Алмазова – словно тот записал свое выступление «перед научной общественностью» на бумажку и вызубрил его перед зеркалом.

Александрийский смутился – он, как и все остальные, никак не ожидал такого хода со стороны всемогущего чекиста. Он хотел подняться, начал шарить рукой в поисках трости, но Алмазов быстро сделал шаг вперед и положил ему на секунду руку на плечо – и рука его, видно, была так тяжела, что Александрийский послушно остался на стуле. Это движение руки – властное и рассчитанное именно на то, чтобы придавить Александрийского, прижать его к креслу, – не прошло незамеченным, по крайней мере Лидочка, даже не оборачиваясь, почувствовала, как дернулось крыло носа Пастернака, как поджались негритянские губы.

Все молчали – будто понимали, что продолжение следует. И Алмазов продолжал, но уже глядя не на Александрийского, а обращаясь ко всему залу и начиная улыбаться.

– Поймите меня, товарищи, правильно, – сказал он. – Ночь, дождь, авария, нервы мои издерганы – третью ночь без сна, и тут появляется ваш грузовик. Для себя мне ничего не нужно, но со мной находится слабая болезненная женщина, только что перенесшая воспаление легких, правда, Альбина?

– Да, – пискнула Альбина.

– Я подхожу к грузовику и вижу, что в кабине отлично устроился мужчина средних лет. И на моем месте, наверное, каждый из вас попросил бы незнакомца выйти, чтобы уступить даме место. Правда?

И тут Алмазов улыбнулся – мальчишеской, задорной, заразительной улыбкой. Лидочка никак не ожидала, что его лицо способно сложиться в такую очаровательную улыбку. Смущенно проведя пальцем по переносице, он закончил свою апологию:

– Если бы вы, Павел Андреевич, хоть словом, хоть вздохом дали мне понять, что немощны, что плохо себя чувствуете, неужели вы думаете, что я позволил бы себе такие грубые действия?

И, сказав так, Алмазов замер, приподняв брови в безмолвном вопросе.

Видно, по либретто этого действия Александрийскому следовало кинуться ему на шею и облобызывать. Но Павел Андреевич лишь пожал плечами и сказал:

– Садитесь, каша остынет.

Пастернак оценил ответ Александрийского, дотронувшись рукой до локтя Лидочки, и та кивнула в ответ, а Матя со своего стола поднял вверх большой палец – будто был зрителем в Коллизее.

Последовала пауза, потому что Алмазов, видно, не мог найти достойного продолжения сцены для себя, но затем он все же собрался с духом и, согнав с лица улыбку, потянул от стола свободный стул рядом с Александрийским и приказал своей Альбине:

– Садись.

Всем было ясно – происходит катастрофическое нарушение всех традиций. В этом имении еще никогда ни один гэпэушник, ни один большевик (если не считать Луначарского, который все же был интеллигентным человеком и писал плохие трагедии) не садился за стол академиков. Вернее всего, Алмазов и не подозревал, какое святотатство он совершает, но не исключено – он знал, что делает, и делал это сознательно, ибо был человеком коварным и особенно ненавидел тех, у кого вынужден был просить прощения.

Усадив свою спутницу, Алмазов намеревался и сам сесть рядом с ней по левую руку Вавилова, а президент Санузии уже вскочил, но не посмел открыть рта. Положение спасла подавальщица с невыразительным лицом, которая громко сказала:

– А вам, товарищ с дамочкой, не сюда – вам тут накрыто, слышите?

И так как никто не удерживал Алмазова, то после короткой заминки, завершенной облегченным возгласом президента: «Там вам НАКРЫТО!», Алмазов пошел к месту за «семейным» столом, за ним вскочила и поспешила Альбина. Когда она проходила мимо подавальщицы, та протянула ей две тарелки с кашей и сказала:

– Вам и вашему.

Девица отнесла тарелки и поставила их перед Алмазовым, который сидел теперь рядом с Максимом Исаевичем и принялся есть, чтобы чем-то заняться.

Постепенно шум возник снова и все усиливался, а особенно стало шумно, когда принесли компот и вкусные пирожки из пшеничной муки с капустой. Таких горячих, свежих, пышных пирожков Лидочка не видела уже больше года, потому что в Москве хлеб давали серый, непеченный, словно все уже забыли, как три года назад булки продавались в последних частных булочных.

Не доев пирожка, Пастернак попросил прощения, поднялся и, незамеченный, вышел из столовой. Уход его хоть и свидетельствовал о прискорбном факте – известный поэт не увлекся с первого взгляда Лидией Иваницкой, что лишало ее права писать о нем воспоминания, – зато спас ее от опасности увлечься поэтом, что тоже не даст права на воспоминания, и позволил не спеша оглядеться и рассмотреть компанию, в которую ее закинула судьба.

Подавляющее большинство людей, жадно или нехотя поедавших пирожки с жидким чаем, не относились к научной элите, а принадлежали к быстро растущей категории научных работников – старших и младших, – которые оседали в плодящихся с началом пятилеток научных институтах и центрах, нужных для производственных успехов. Эти институты и научные центры стали как поглотителями получивших образование в рабфаках и университетах детей трудящихся и выходцев из провинции и еврейских местечек, так и прибежищем для образованных остатков господствующих классов, которые не желали покидать столицу и устремляться на возведение строек социализма в пустынях и тайге.

* * *

Осенью 1932 года, когда Украина вымирала от голода, а эшелоны с крестьянами ползли в Сибирь, когда на ошметках разграбленной деревни правили шабаш пьяные райкомовцы и никчемные подонки, близкая всеобщая гибель уже нависла над милым заповедником по прозвищу Санузия, что означало «Санаторий „Узкое“». Завершая первое десятилетие своего существования, санаторий, столь весело и шумно, катаясь на лыжах, играя в волейбол на аллеях княжеского парка, загадывая шарады, танцуя по вечерам в гостиную, прошедший двадцатые годы, стал закисать.

И дело не только в том, что на ужин вместо куриного фрикасе стали подавать пшеничную кашу да не хватало лампочек, но в общем моральном угасании республики.

Зимой еще ремонтировали и подсыпали снегом пологую горку, ведущую от террасы особняка к среднему большому пруду, чтобы кататься с этой горы на санках и лыжах, но оказалось, что Главакадемнаб не имеет на складе новых лыж, а старые почти все пришли в негодность, так что с тридцать второго года ограничились санками. Еще в тридцатом году в конюшне «Узкого», что располагалась в полуверсте от главного корпуса по дороге к Ясеневу, стояли не только три рабочие лошадки, но и лошади для верховых прогулок, но весной двух забрали в армию, а одну увезли в академический совхоз. И так во всем...

Веселье было обязательным, как обязательной считалась физкультура. Правда, и в этом произошли важные перемены, раньше всем хотелось заниматься физкультурой, все с большей или меньшей охотой выбегали на газон перед дворцом и делали там гимнастические упражнения или бегали, а теперь занятия стали обязательными, и пропустивший занятие, подобно опоздавшему к обеду, становился центром неблагоприятного внимания – его, вроде бы со смехом и шутками, тем не менее безжалостно критиковали и вполне всерьез лишали, к примеру, второго, если оно было мясным, или компота, если он был из свежих фруктов. Потому что здоровье индивида перестало быть его собственностью – на здоровье претендовало государство.

Все эти меры не распространялись на академиков. Еще в конце двадцатых годов академики считались равноправными членами республики, теперь же им самим, за малым исключением, не хотелось участвовать в видимости детских игр. И они предпочитали общаться с себе подобными, может, потому, что им подобные (если это не были академики-нувориши, выскочки из коммунистического университета или с колхозных полей) реже занимались доносами...

Лидочке с ее места было отлично видно, что братья Вавиловы как хорошие друзья болтали с Александрийским, затем в беседу вступил седой астроном по фамилии Глазенап. Академикам и дела не было до шума, что издавала «камчатка» и уступавший ей «семейный» стол, за которым сидели не настоящие ученые, а люди, попавшие в Санузию по знакомству, либо будущие академики и директора институтов.

Матя Шавло, сидевший рядом с Алмазовым за «семейным» столом, не смотрел на Лидочку, а склонился к дамочке, привезенной Алмазовым. Он надувал щеки, почесывал усики, напыживался, обольщал, и Лидочке он сразу стал неприятен, может, оттого, что она уже считала его своей собственностью – тем «своим» мужчиной, какой всегда возникает у привлекательной девушки в доме отдыха и санатории.

Неожиданно для себя Лидочка поняла, что у нее есть союзник – справа от нее с чайником в руке стояла высокая подавальщица с худым большеносом лицом. Не замеченная никем – кто видит официанток? – она смотрела на Матю столь интенсивно и, как показалось Лидочке, злобно, что Лида не могла оторвать от нее взгляда. Без сомнения, подавальщица знала Матвея.

Подавальщица выглядела странно для своей роли: она могла быть монахиней, молодой купчихой из старообрядческой семьи, даже фрейлиной немецкого происхождения – только не подавальщицей в столовой Санузии.

Лидочка хотела обратиться к Марте, которая всех здесь знает, но Марта сидела через два человека, и до нее не докричишься, тем более что она была занята беседой с розовощеким молодцем. Марта непрерывно вещала, а молодец согласно покачивал головой, подобно китайскому болванчику.

Лидочка поднялась с места, подошла к большому самовару, взяла стакан с заваркой, налила туда кипятку, а сама продолжала наблюдать за подавальщицей.

На вид женщине было немного за тридцать – совсем еще не старая, – у нее были бледная, чистая, как будто перемытая кожа лица и забранные под платок каштановые волосы. Серые глаза, ресницы чуть темнее глаз, бледные, неподкрашенные губы – все в лице женщины было

в одном тусклом колорите. Женщина не делала попыток себя приукрасить, словно нарочно старалась быть незаметной мышкой, и ей это удалось. Можно было десять раз пройти мимо нее на улице и не заметить. И в то же время чем внимательнее рассматривала Лидочка подавальщицу, тем яснее понимала, что видит перед собой редкое по благородству линий лицо, красота которого не очевидна, будто сама стыдится своего совершенства.

Женщина уловила взгляд Лидочки и быстро обернулась, но не рассердилась и не испугалась, а увидела восхищение во взгляде девушки и в ответ на ее растерянную улыбку – растерянность возникает в момент неловкости, ведь подглядывать плохо, а тебя поймали на месте преступления – чуть улыбнулась и на мгновение прикрыла рот, будто хотела что-то сказать, но раздумала – и Лидочка успела увидеть белизну и красоту ее зубов.

– Простите, – сказала Лидочка.

– Да что вы, пустяки... – Достаточно порой интонации, двух слов, чтобы понять социальное положение человека. Подавая тарелки с кашей или разнося чай, подавальщица старалась говорить и вести себя простонародно – сейчас же она забыла, что надо таиться, – и интонацией выдала себя. В коротком обрывке фразы. И сама поняла, что Лидочка ее разоблачила, а та поспешила успокоить испугавшуюся женщину.

– У вас чудесный цвет лица, – неожиданно для себя заявила Лидочка. Секунду назад она не намеревалась говорить ничего подобного.

– Глупости, – смешалась подавальщица и быстро пошла прочь, но Лидочка понимала, что она на нее не обижена, что отныне они с подавальщицей знакомы. Любая следующая встреча не будет встречей чужих людей.

Марта поднялась и спросила Лидочку, кончила ли та ужинать.

– Какое счастье, – сказала Лидочка, – что можно уходить когда хочешь.

– Это явное ослабление дисциплины, – ответила Марта. – Еще в прошлом году президент республики выгнал бы тебя мерзнуть на берег пруда, если бы ты посмела без спроса встать из-за стола.

В дверях они догнали Александрийского. Он шел еле-еле, опирался на трость. Лобастый Николай Вавилов поддерживал его под локоть. Лидочка услышала слова Вавилова.

– Не надо было вам выходить к ужину. После всех пертурбаций...

– А вам, коллега, – сварливо ответил Александрийский, – не стоит меня жалеть.

Тут Александрийский спиной почуял, что их слушают, и перешел на английский. Английский язык Лидочка знала плохо, да и не хотелось подслушивать.

– Теперь спать? – спросила Лидочка.

Вместо Марты сзади ответил высокий тревожный голос президента.

– Товарищи, граждане республики Санузии! – кричал он. – Не покидайте столовую, не выслушав маленького объявления. Среди нас есть новички, еще не принятые в гражданство республики. Поэтому после ужина властью, врученной мне великими тенями, я призываю всех выйти на вершину холма и оттуда, глядя на Москву, дать клятву верности нашим идеалам.

– Дождик идет! – откликнулся Максим Исаевич. – Ну какие же клятвы при такой погоде.

– Дождь прекратился, – возразил президент. – Я своей властью прекратил его, и с завтрашнего дня наступает чудесная, теплая и сухая погода. Однако на холм идут лишь желающие. Отступники – да пусть им будет стыдно – могут лечь спать в своих берлогах.

– Кино будет? – спросил простодушный курносый парень, деревенская версия императора Павла Первого.

– Сегодня кино не будет, – сказал президент, – кино переносится на завтра, потому что новый заезд сегодня проходил в трудностях.

– Я знаю! – крикнула толстушка в синей футболке с красной звездой на правой груди. – Киномеханик снова запил!

Кто-то засмеялся. Лидочка обернулась, ища глазами подавальщицу. Та убирала со стола грязные чашки и тарелки, но на Лидочку она не посмотрела.

* * *

Все участники похода на неведомый Лиде холм прошли прямо в прихожую, где на вешалке висели все пальто. К Лидочке подошел Матя.

– Вы сердаете на меня, сударыня, – сказал Матя, делая жалкое лицо, – не обращаете на меня внимания, будто мы и не знакомы.

Следовало приподнять в немом удивлении брови и отвернуться от ничтожной помехи. Лидочка понимала умом, как следует себя вести, но на практике так и не обучилась.

– Это вы на меня внимания не обращаете, – сказала она, – потому что дружите с Алмазовым.

– Дружба с Алмазовым подобна дружбе кролика с удавом. И вы это знаете.

– Значит, просто подлизываетесь?

– И я не так прост, и он не так прост. Но он мне любопытен. Я встречал его две недели назад, когда сдавал в Президиум отчет о моей стажировке в Италии. Он нас курирует.

– Курирует? – Лидочка не знала такого слова.

– Заботится о нас, следит за нами, выбирает из нас, кто пожирнее, чтобы зарезать на ужин.

– И вы до сих пор живой?

– Какой из меня ужин!

Подошла Марта. Матю она уверенно отстранила, как старого приятеля.

– Не приставай к девушкам, – сказала она. – Лучше скажи, кто то воздушное создание, которое притащил с собой Алмазов?

– А ты его откуда знаешь?

– У каждого есть свои источники информации, иначе в этом вертепе не выживешь.

– По-моему, она актриса. Из мюзик-холла.

– Я сразу почувствовала – птичка невысокого полета.

Матя пожал плечами.

– Может быть, не пойдешь? – спросила Марта у Лиды. – На тебе же лица нет.

– Пройтись по свежему воздуху – только полезно. Усталость в возрасте Лиды – это приятное чувство, которое способствует сохранению осиной талии, – галантно возразил Шавлю.

Он помог Лидочке одеться, а Марта спросила:

– А как ее зовут?

– Девуцу Алмазова? Ее зовут Альбиной. Ты ревнуешь?

Когда они вышли из дома и пошли налево по узкой, засыпанной чуть ли не по щиколотку желтыми липовыми и оранжевыми кленовыми листьями дорожке, Марта сказала:

– Это старая традиция Санузии – смотреть на ночную Москву.

– Даже когда ее не видно, – сказал Матя. Он был так высок, что Лидочке приходилось запрокидывать голову, разговаривая с ним. Но в комнатах она этого не почувствовала.

Их догнал Максим Исаевич. Он был в расстегнутом пальто, без шляпы и тяжело дышал.

– Вы меня бросили! – заявил он. – Вы меня оставили на растерзание этому занудному президенту.

Матя взял Лидочку под руку. Лидочке это было приятно.

– Если бы я был писателем, – сказал Матя, наклоняясь к Лидочке, – я бы обязательно вставил президента Санузии в роман. Вся его жизнь состоит в пребывании здесь, остальные одиннадцать месяцев – лишь скучный перерыв в его настоящей, бурной, красивой и романти-

ческой деятельности в этих стенах. Он рожден быть президентом республики Санузия, и, когда нас всех пересаждают или разгонят, он умрет от скуки. Хотя сам же на нас донесет.

– Типун вам на язык! – сказал Максим Исаевич и обернулся, но вблизи чужих не было.

Слева тянулись огороды и тускло светилась оранжерея. Направо дорожка круто скатывалась вниз.

– Если бы не оранжерея и не огород, мы бы здесь бедствовали, как везде, – сказала Марта.

– Академики не любят бедствовать – подсобное хозяйство Санузии на особом положении, подобно подсобному хозяйству Совнаркома, – сказал Шавло.

Лидочка поглядела вниз, куда сбегала пересекающая их путь дорожка. За черными ветвями вдали блестела вода.

– Мы ходим с утра на пруды, – сказала Марта.

– Там благодать для прогулок, – сказал Матвей.

– А здесь в прошлом году нашли мертвое тело, – сообщил Максим Исаевич.

Он показал на вросшее в землю кирпичное сооружение, вернее всего, погреб, какие строили при богатых дворянских усадьбах.

– Меня тут не было, – сказала Марта. – Но говорят, что это был старый князь Трубецкой. Он тайно перешел границу, добрался до Москвы, он хотел достать клад, который Трубецкие зарыли во время революции.

– А почему не достал? – спросила Лидочка.

– Князь взял с собой старого слугу, из местных, чтобы он помог ему копать, – сказала Марта. – Но когда сундук показался из-под земли, старый слуга убил Трубецкого, схватил сундук и хотел бежать.

– И его поймали?

– Да, был такой процесс!

– Ничего подобного, – сказал Максим Исаевич. – Никто никого не поймал. Даже неизвестно, был ли убитый Трубецким. Какой-то бродяга забрался в погреб, а его убили.

– Просто так в погреба люди не забираются, – сказала Марта, ничуть не смутившись. – И тем более просто так их не убивают.

– А ваша версия? – спросила Лидочка. Они стояли возле погреба, дверь в него была полуоткрыта и манила Лидочку: надо было только сделать десять шагов – только десять, – и бездонная темнота подвала схватит тебя в объятия...

– У меня версии нет, – сказал Матвей. – Как вам уже донесли, я в это время находился в вечном городе – Риме.

Мимо прошла группа молодых людей с «камчатки».

– Ждете убийцу? – весело крикнул кто-то из них.

– Пошли, – сказала Марта. – Убийца сегодня не вернется.

Они пошли дальше. Дорожка вела на холм, деревья вокруг стояли пореже. Облака, что быстро бежали по небу, стали тоньше и прозрачней – иногда в просветах возникали звезды. Облака были куда светлее неба. Впереди на покато́й спине холма возвышалась геодезическая вышка, похожая на нефтяную. На верхней ее площадке силуэтами из театра теней виднелись фигурки людей. Другие поднимались туда по деревянной лестнице.

– А вы там работали? – спросила Лида у Матвея.

– Да, я год стажировался у Ферми. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Нет, – сказала Лидочка. – А оно должно мне что-нибудь говорить?

– Каждому культурному человеку – должно! – сказал Матвей и рассмеялся, чтобы Лидочка не обиделась.

А ей и не было обидно. Ферми, Муссолини – не все ли равно! Но показывать этого Матвею она не стала, а спросила:

– Он фашист, да?

- Он вовсе не фашист, – серьезно ответил Матвей.
- Тогда зачем он живет в фашистском городе?
- Там у него дом и работа.
- Мог бы уехать!
- А зачем? Ему никто не мешает. У него есть свой институт. Его очень уважают.
- За что же его уважают фашисты?
- Он физик, – сказала Марта. – Теперь все великие люди – физики. Самая модная категория.
- Вы категорически не правы, Марта Ильинична! – сказал Максим Исаевич. – Сегодня на первом месте работники искусства. Мы осваиваем марксизм в творчестве.
- Вряд ли стоит этим так смело заниматься, – фыркнула Марта. – Можно шею сломать.
- Нельзя так говорить.
- А вы работник искусства? – спросила Лидочка, желая поддержать Марту.
- Я – театральный администратор. Но я каждый год бываю в Узком и совершенно в курсе всех дел в нашей науке. Я чуть было не поехал в Калугу к Циолковскому – отсюда была экскурсия.
- Лидочка, к счастью, не знает, кто такой Циолковский, – сказал Матвей. – Можете не метать икры.
- Не икры, а бисера, – сказала Лидочка. – И не надо меня подозревать в абсолютном невежестве. Я знаю, что Циолковский поляк.
- Вот видите! – загремел на весь парк Матвей. – Он – поляк! Он всего-навсего – поляк! А вы что кричите?
- Я ничего не кричу, – надулся Максим Исаевич. – Я только знаю, что это великий самоучка, который изобрел дирижабль для путешествия в межзвездном пространстве. Недаром наше правительство обратило внимание на его труды. Вы посмотрите – пройдет несколько лет, и звездолеты Страны Советов возьмут курс на Марс.
- Макс, я порой думаю – ты дурак или хорошо притворяешься? – сказал Матвей.
- Если ты имеешь в виду мои классовые позиции, то учти, что мой отец был сапожником, и у меня куда более правильное социальное положение, чем у тебя.
- Он просто всего боится, – сказала Марта. – Сейчас он боится Лидочку. Он ее раньше не видел и подозревает, что она на него напишет.
- На меня даже не надо писать, – возразил Максим Исаевич, – достаточно шепнуть Алмазову, который специально приехал за мной следить.
- Нет, ты не прав, – сказал Матвей. – Я точно знаю, что это не Алмазов.
- А кто?
- Они никогда бы не обидели тебя такой мелкой сошкой, как Алмазов. Для тебя пришлют Дзержинского.
- А Дзержинский умер! – сказал Максим Исаевич. В голосе его прозвучало торжество ребенка, который знает, что дважды два четыре, а взрослые об этом не подозревают.
- Он не притворяется, – сказал Матвей.
- Вижу, – согласилась Марта.
- Лидочка ничего не сказала, но была согласна с остальными.
- А ты бы помолчала, – обиделся Максим Исаевич, обернувшись к Марте. – С твоей фамилией лучше помолчать.
- У меня отличная девичья фамилия – Рубинштейн, – сказала Марта.
- Вот именно!
- После этих слов Марта должна была пойти и добровольно сдаться властям, но, так как она не пошла, а стала смеяться и остальные тоже смеялись, Максим Исаевич, которому совсем

не было смешно, сделал вид, что желает собрать букет из упавших листьев – мокрых и обвисающих в руках.

По дорожке от прудов поднимался Пастернак, он раскланялся с Лидочкой и ее спутниками. Марта голосом, более оживленным, чем обычно, спросила:

– А разве вы, Борис Леонидович, не пойдете посмотреть на Москву?

– Простите, но я не сторонник массовых смотрин, – ответил Пастернак. – Захочу – посмотрю. Но один.

Тут же он улыбнулся, видно, подумал, что мог обидеть Марту своими словами, и добавил:

– Еще лучше в вашем обществе!

– Тогда завтра, как стемнеет! – громко сказала Марта, и все засмеялись.

Через две минуты что-то заставило Лидочку обернуться. Пастернак отошел уже довольно далеко – его высокая быстрая фигура слилась с черными стволами на повороте, и не он привлек внимание Лиды, – за погребом стояла подавальщица. Она была в длинном, словно из шинели перешитом пальто, накинутом на плечи. Спереди вертикальной полосой просвечивал передник. Женщина смотрела вслед Мате, но тот не почувствовал взгляда. Женщина поняла, что Лидочка видит ее, ступила за стену погреба и тут же пропала с глаз – словно ее и не было. Первым порывом Лидочки было окликнуть Матвея. Но Лидочка не сделала этого – стало неловко. Словно окликнешь – донесешь на подавальщицу. Что знала Лидочка об этих людях? Что Матя Шавло любезно поднес ее чемодан до санатория? Был вежлив, а потом оказался среди тех, кто прибежал спасать профессора Александрийского? Это говорит в его пользу. Еще у него открытая улыбка и чувство юмора. И это тоже говорит в его пользу. Но в то же время знаком с Алмазовым, был в фашистской Италии и даже носит фашистские усики.

Может, у этой бедной женщины есть основания за ним следить? Затаимся, как говорил с сардонической усмешкой ее старый друг пан Теодор. Наши знания, наши наблюдения – наше богатство.

Появление новой партии желающих поглядеть на Москву вызвало шум и веселые крики с высокой вышки – Лидочке даже показалось, что вышка зашаталась от такого гомона. Она обернулась – конечно же, фигуры в шинели не было видно, да и самого погреба не разглядишь, лишь тусклый свет лампочки, горевшей в оранжерее, напоминал о встрече. Еще дальше светились окна усадьбы...

– Не бойтесь, – сказал Матя, – вышку соорудили еще до революции, она сто лет простоит.

– Простоит, если на нее не будут лазить кому не лень, – возразил Максим Исаевич, все еще недовольный Матей.

Лидочка стала подниматься первой. Ступеньки были деревянные, высокие – словно она поднималась по стремянке, придерживаясь за тонкий брус. Один пролет, поворот, второй пролет, третий... поднялся ветер – видно, ниже его гасили деревья, а тут он мог разгуляться. Лидочка хотела остановиться, но снизу ее подгонял Матя:

– Главное – не останавливаться, а то голова закружится.

Сверху склонился молодой человек, похожий на Павла Первого.

– Вы пришли! – сообщил он Лиде. – Я очень рад. Я совсем замерз. Я думал, что вы не придете.

– Соперник! – услышал эти слова Матя. – Дуэль вам обеспечена.

– Здравствуйте, – сказал тот жалким голосом, и Матя узнал его.

– Кого я вижу! Аспирант Ванюша! Как говорит мой друг Френкель – лучшее дитя рабфака!

– Матвей Ипполитович, я даже не ожидал, – сказал рабфаковец, и Лидочке стало грустно от его тона, потому что она поняла: дуэли из-за нее не будет. Ванюша готов уступить любую девицу своему кумиру, а в том, что Матя его кумир, сомнений не могло быть – глаза аспиранта горели ясным пламенем поклонника.

– Неужели вы не заметили меня за ужином?

– Не заметил, – сознался Ванюша, одаренный редкостным прямодушием, – я смотрел все на Лидию Кирилловну. Так смотрел, что вас не заметил.

– Он уже знает ее отчество! – воскликнул Матя. – Такая резвость не свойственна физикам. Неужели вы – агент ГПУ?

– Ах, что вы! – испугался Ванюша.

Лидочка обернулась туда, куда смотрели собравшиеся на верхней площадке вышки, – Москва казалась тусклой полоской сияния, придавленного облачным небом.

– Отсюда надо смотреть днем и в хорошую погоду. Если захочешь, мы потом еще поднимемся, – сказала Марта.

– А вы видели Ферми? – допрашивал Матю восторженный Ванюша.

– Каждый день и даже ближе, чем вас, – ворковал польщенный Матя.

– И он разговаривал с вами?

– Даже я с ним разговаривал, – ответил Матя и сам себе засмеялся, потому что Ванюша не умел смеяться.

– А Гейзенберг? – спросил аспирант. – Гейзенберг к вам приезжал? Я читал в «Известиях», что в Риме была конференция.

– И Нильс Бор приезжал, – сказал Матя. – Ждали и Резерфорда. Но Резерфорд не смог отлучиться.

– Почему?

– Он должен заботиться о Капице.

– Да? – Аспирант чувствовал, что его дурачат, но не смел даже себе признаться в том, что настоящий ученый может так низко пасть. Лидочке его было жалко, но, честно говоря, она слушала разговор Мати с неофитом вполуха, потому что смотрела не на отдаленную, туманную и нереально далекую отсюда Москву, а на уютно желтые окна дома, так откровенно манящие вернуться.

– Лидочка, – сказал Матя, – разрешите представить вам юного поклонника – он просит об официальном представлении, – делаю это одновременно с ужасом и восхищением. С ужасом, потому что боюсь потерять вас, с восхищением, потому что талант будущего академика Ивана Окрошко вызывает во мне искреннюю зависть.

У будущего академика Окрошко пальцы оказались горячими и влажными.

На фоне бегущих, светлых на черном облаков образовалась фигурка президента. Он пронзительно выкрикивал фразы и, поднимая руки, командовал окружившими его девицами и чьими-то дядями с «камчатки», которые повторяли хором эти выкрики.

– Подобно Герцену и Огареву на Воробьевых горах!

– Подобно гер-гер-цену и ога-га-га-гареву на во-рога-гареву...

– Мы клянемся не уронить знамени славной Санузии!

– Мы нем-немся неуроиз амении...

– Принципы и заповеди советского ученого!

– Иципы...

– Мы пошли, – сказала Марта и потащила вниз Максима, который старался участвовать в коллективных криках. Матя молча подхватил Лидочку за локоть и повлек следом. Сзади топал Окрошко, и Лидочке были понятны его мечты – чтобы Матя упал и уронил Лидию Кирилловну. Вот тогда-то он кинется ястребом и спасет прекрасную даму.

Матя не уронил Лидочку. Но она страшно замерзла. Еще не хватало простудиться.

Внизу, у лестницы, они встретили Алмазова с Альбиной.

– Боже мой, как здесь холодно, – пропела Альбина, обращаясь почему-то к Лидочке. – Я даже не представляла, какая здесь стужа.

Матя сделал шаг в сторону, раскуривая трубку.

Альбина была хорошо одета – на ней была беличья шубка и такая же меховая муфта. Из-под фетровой с узкими полями шляпки выбивались светлые кудри.

– Вы так легко одеты, – сообщила Альбина Лидочке, словно та этого не чувствовала всей шкурой.

– Мне не холодно, – ответила Лида.

– Вы меня презираете, да?

У Альбины были слишком большие и слишком голубые – даже в ночи видно – глаза.

Сейчас Алмазов услышит, вмешается и уведет ее. Лидочка проследила за взглядом, который кинула назад Альбина, – видно, она боялась Алмазова. Но Алмазов отошел к Мате на другую сторону опустевшей площадки. Сзади стоял только Ванюша Окрошко. Но тот или ничего не слышал, или не понимал.

– Я знаю – вы думаете, что я его боюсь. Но я докажу, докажу, – шептала Альбина. – Вы еще удивитесь моей отваге.

– Ванюша, – сказала Лидочка, – нам пора идти?

Ванюша не понял, но был счастлив, потому что Лида к нему обратилась.

– Ванюша Окрошко! – повторила Лида. – Я совсем замерзла.

– Я же говорила вам, что вы замёрзнете, – сказала Альбина.

Матя с Алмазовым разговаривали, отвернувшись от остальных. До Лидочки донеслось:

– Попозже... у беседки.

Алмазов подошел к ним, встал рядом с Ванюшей Окрошко.

– Ну что, мои дорогие девушки, – сказал Алмазов. – Не пора ли нам домой, на бочок?

– Да, и как можно скорее, – сказала Альбина. – Вы же видите, что Лида совсем замерзла.

– Это дело поправимое, – сказал чекист. Лидочка не сразу поняла, что он делает – только когда Ванюша заскулил из-за того, что не додумался до такой простой мужской жертвы, – только тогда Лидочка обернулась, – но было поздно. Алмазов уже снял свою мягкую, на меховой подкладке, кожаную куртку – внешне комиссарскую, как ходили чекисты в гражданскую, но на самом деле иную – мягкую, уютную, теплую и пахнущую редким теперь мужским одеколоном.

Куртка улеглась на плечах Лидочки и обняла ее так ловко, что попытка плечами, руками избавиться от нее ни к чему не привела, хотя бы потому, что Алмазов сильными ладонями сжал предплечья Лиды. Лида вырвалась и пробежала несколько шагов, потом сорвала с себя куртку, обернулась и протянула ее перед собой, как щит, подбегавшему Алмазову.

– Большое спасибо, – сказала она. – Мне уже не холодно.

– Отлично, – сказал Алмазов, который умел не настаивать в тех случаях, когда настойчивость ничего ему не обещала, – я постарался лишь загладить тот грех, который я совершил на дороге. – В темноте жемчужными фонариками светились его зубы и белки глаз.

Лида сделала шаг в сторону на край дорожки и таким образом оказалась отрезанной от Алмазова и Мати Ванюшей Окрошко, который не успел толком разобраться, что же произошло, и со значительным припозданием спросил:

– Вам мое пальто дать?

– Зачем, на мне же уже есть пальто.

– А куртку надевали, – сказал Ванюша с обидой, и всем стало смешно.

Когда они миновали перекресток: справа – погреб, слева вниз – дорога к пруду, Лидочка увидела, что к пруду, опираясь на палку, спускается Александрийский.

– Спасибо, – сказала Лида быстро. – До свидания. Спокойной ночи.

Последние слова она произнесла на бегу.

– Вы куда? – закричал Ванюша.

– Она лучше вас знает куда, – услышала Лидочка голос Мати. Видно, тот удержал аспиранта, потому что Лиду никто не преследовал.

Александрийский услышал ее быстрые шаги и остановился.

– Павел Андреевич, это я, – сообщила Лидочка на бегу.

– Вижу, – сказал тот. – На вышку бежали?

– Там неинтересно, – сказала Лидочка, поравнявшись с Александрийским. – Просто далекое зарево.

– Когда-то я поднимался туда. Но только днем и в хорошую погоду. Но мне кажется, что если вам хочется полюбоваться Москвой, то лучше это сделать с Воробьевых гор. Недаром Герцен с Огаревым клялись там.

– Клялись?

– Утверждают, что там они решили посвятить себя борьбе за народное счастье. Разве вы этого не изучали в школе?

– Нет.

– Простите, но сколько же вам лет?

Лидочка сказала:

– Двадцать один.

– Значит, вы должны были подвергнуться индоктринации в школе и узнать, что вместо еврея Иисуса вы должны почитать еврея Карла.

– Какого Карла?

– Вы меня поражаете – я имею в виду основоположника учения, именуемого марксизмом по имени Карла Маркса.

– Я не привыкла, что он Карл, – сказала Лидочка, – я привыкла, что он Карл Маркс.

– Разумеется, вы правы.

Они шли медленно – Александрийский неуверенно ставил трость, не сразу переносил на нее тяжесть тела.

– Я не так давно стал инвалидом, – сказал он. – Я даже не успел привыкнуть к тому, что обречен. Вы не представляете, как я любил кататься на коньках и поднимать тяжести.

Профессор говорил, не поворачивая головы к Лиде, и ей был виден его четкий профиль – выпуклый лоб, узкий нос, выпяченная нижняя губа и острый подбородок. Лицо не очень красивое, но породистое.

– А вы раньше встречали этого Алмазова?

– Да, встречал. В прошлом году, когда я был чуть покрепче и даже намеревался выбраться в Кембридж на конференцию по атомному ядру, он тоже вознамерился ехать с нашей группой под видом ученого. Я резко воспротивился.

– И что?

– А то, что я никуда не поехал.

– А он?

– Он тоже никуда не поехал. Они не любят, когда их сотрудников, как это говорят у уголовников... засвечивают. А мне сильно повезло.

– Повезло?

– Конечно. Если бы не моя грудная жаба, сидеть бы мне в Соловках с некоторыми из моих коллег. Когда они узнали, насколько тревожно мое состояние, они решили дать мне помереть спокойно.

Они вышли к пруду. Пруд был окружен деревьями, которые романтически склонялись к его глади, у берега дремали утки, по воде среди отраженных ею облаков и редких звезд плыли желтые листья, словно реяли над внутренним небом. Было очень тихо, лишь с дальней стороны пруда доносился шум льющейся воды, словно там забыли закрыть водопроводный кран.

– Может быть, я стараюсь себя утешить, успокоить, а они посмеиваются и готовы забрать меня завтра.

– Сейчас наоборот, – сказала Лидочка, хотя сама не очень верила собственным словам. – Сейчас многих отпускают. Я знаю, в Ленинграде целую группу историков выпустили, Тарле, Лихачева, супругов Мервартов...

– Свежо предание, – сказал Александрийский. Он остановился на берегу пруда. Здесь фонарей не было, но поднялась луна, и бегущие облака были тонкими – свет луны пробивался сквозь них.

– Вы думаете, что он вас узнал? – спросила Лидочка.

– Вряд ли. Было темно – он вышвырнул меня, как вышвырнул бы любого из нас. Он полагал, что академики в кабинках грузовиков не ездят.

Александрийский вдруг повернулся и пошел вдоль пруда куда быстрее, чем раньше. Он стучал тростью и зло повторял:

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

– Не волнуйтесь, вам нельзя волноваться, – догнала его Лидочка и попыталась взять под руку, но профессор смахнул с локтя ее пальцы.

– Бодливой корове... это я – бодливая корова! Как нелепо! Я же еще вчера был совсем нестарым и весьма подвижным мужчиной... Наверное, ненависть увеличивается от бессилия что-либо сделать.

Он быстро дышал, и Лидочка все-таки заставила его остановиться, потому что испугалась, что ему станет плохо. Чтобы отвлечь Александрийского, Лидочка спросила у него, правда ли, что Матвей Шавло был в Италии.

– Не производит впечатления настоящего ученого? – вдруг рассмеялся Александрийский. – На меня вначале он тоже не произвел. Скоро уж десять лет прошло, как я его увидел. Ну, думаю, а этот фат что здесь делает?

– Может, посидим на лавочке? – спросила Лида.

– Чтобы завтра слечь с простудой? Ни в коем случае, лучше мы с вами будем медленно гулять. Если вы, конечно, не замерзли.

– Нет, мне не холодно. – Почему-то Лидочке почудились крепкие ладони Алмазова, она даже дернула плечами, как бы сбрасывая их.

– Я не терплю отдавать должное своим младшим коллегам, но в двух случаях Академия не ошиблась – когда посылала Капицу к Резерфорду, а Шавло к Ферми.

– А как же они согласились?

– Кто?

– Резерфорд и Ферми. Они живут там, а к ним присылают коммунистов.

– Они думали не о коммунистах, а о молодых талантах. Прокофьев сначала композитор, а потом уже агент Коминтерна. Петю Капицу я сам учил – он чистый человек. И ему суждена великая жизнь. И я был бы счастлив, если бы Петя Капица остался у Резерфорда навсегда. Но боюсь, что наши грязные лапы дотянутся до Кембриджа и утянут его к нам... на мучения и смерть.

– Но почему?

– Потому что рядом с политикой всегда живет ее сестренка – зависть. И всегда найдется бездарь, готовая донести Алмазову или его другу Ягоде о том, что Капица или Прокофьев – английский шпион. А кому какое дело в нашей жуткой машине, что Капица в одиночку может подтолкнуть на несколько лет прогресс всего человечества? Это будет лишь дополнительным аргументом к тому, чтобы его расстрелять. Вы знаете, что расстреляли Чаянова?

– А кто это такой?

– Гений экономики. Талантливейший писатель. И его расстреляли.

– А зачем тогда Матвей Ипполитович вернулся?

– Во-первых, он не столь талантлив, как Капица, хотя чертовски светлая голова! У него кончился срок научной командировки, а положение Ферми в Риме, насколько я знаю, не из

лучших – возможно, ему придется эмигрировать. Фашистская страна сродни нашей. Те же статуи на перекрестках и крики о простом человеке.

– Павел Андреевич!

– Вот видите, и вам уже страшно, а вдруг дерево или вода подслушают. Помните, что случилось с Мидасом?

– Не помню.

– Неужели? Это хрестоматийно! Хотя вы же дитя пролетарского образования. Так слушайте: у царя Мидаса были ослиные уши. Не важно, как он их заработал, – поверьте мне, за дело. И у Мидаса, который стеснялся такого украшения, были проблемы с парикмахерами. Тем приходилось давать подписку о неразглашении. Вы о таких слышали?

– Не в древнем мире, но слышала.

– Молодец, девочка. Так вот один парикмахер подписку дал, а тайна, которую он узнал, продолжала его мучить. И он нашептал ее тростнику. Тростник подрос, его срезали на свирель, соответствующий исполнитель принялся в нее дуть, а свирель запела: «У царя Мидаса дворянское происхождение!»

– То есть ослиные уши?

– Называйте как хотите. Анкета есть анкета! Будем возвращаться?

– Наверное, вы устали.

От основной дорожки, шедшей вдоль цепи прудов, отходила дорожка поуже. Она поворачивала налево, проходя по перемычке, отделявшей верхний пруд от следующего, лежавшего метров на пять-шесть ниже.

Они свернули на нее. Но, пройдя несколько шагов, Александрийский остановился:

– Пожалуй, пора возвращаться.

– А что так шумит? – спросила Лидочка. – Где-то льется вода.

– Вы не догадались? Пройдите несколько шагов вперед и все поймете.

Лидочка подчинилась старику. И при свете вновь выглянувшей луны увидела, что в водной глади, метрах в полтора от дальнего берега пруда, чернеет круглое отверстие диаметром в метр. Вода стекала через края внутрь поставленной торчком широкой трубы и производила шум небольшого водопада.

– Сообразили, в чем дело? – спросил Александрийский.

– Туда сливаются излишки воды, – сказала Лидочка.

– Правильно. Чтобы пруд не переполнялся. А на глубине по дну пруда проложена горизонтальная труба, которая выходит в нижнем пруду под водой, – вы можете запустить рыбку в водопад, а она выплывет в следующем пруду. Интересно?

Александрийский совсем устал и говорил медленно.

– Я прошу вас, – сказала Лидочка. – Давайте посидим. Три минуты. Переведем дух.

– Отвратительно, когда тебя жалеет юная девица, – сказал Александрийский. – Дряхлый старикашка!

– Вы совсем не старик! – сказала Лидочка. – И когда выздоровеете, я еще буду от вас бегать.

– Я специально для этого постараюсь выздороветь, – сказал Александрийский, послушно отходя к скамейке.

По плотине быстро шел человек – занятые разговором Александрийский и Лидочка увидели его, когда он подошел совсем близко.

– Вот они где! А я уж отчаялся: решил – утонули! – Это был Матя Шавло.

– Легко на помине, – сказал Александрийский. – Что вам не спится?

– Вы перемывали мне косточки! – заявил Шавло. – То-то я чувствую, что меня тянет в парк. И что? Он называл меня развратником, лентяем, пижоном и наемником Муссолини? – Последний вопрос был обращен к Лиде.

– Любопытно, – усмехнулся Александрийский. – Он взваливает на себя сотни обвинений для того, чтобы вы не заметили, что он упустил в этом списке одно, самое важное.

– Какое? – спросила Лидочка.

– Агент ГПУ, – сказал Александрийский.

– Ах, оставьте, – сказал Матя, подходя к самому краю воды и глядя, как вода, серебрясь под светом луны, срывается тонким слоем в странный колодец посреди пруда. – Мне уже надоело, что каждый второй подозревает меня в том, что у Ферми я выполнял задания ГПУ.

– Я вас в этом никогда не подозревал, Матвей, – сказал Александрийский. – Я отлично понимаю, что Ферми читал ваши работы. Как только он увидел бы, что вы агент ГПУ, вы бы вылетели из Италии в три часа. Кстати, Ферми не собирается покидать фашистский рай?

– Маэстро признался мне, что намерен улететь оттуда, как только он сможет оставить свой институт, – ведь он же не жена, бросающая мужа. Целый институт...

– Проблема национальная?

– При чем тут национальность?! – Матя красиво отмахнулся крупной рукой в желтой кожаной перчатке. – На институт обратили внимание итальянские военные. Говорят, что интересуется сам дуче.

– Это касается радиоактивных лучей?

– Нет – разложения атомного ядра.

– К счастью, это только теория.

– Для вас, Пал Андреевич, пока теория. Для маэстро – обязательный завтрашний день.

Лидочка увидела, как Александрийский чуть морщится при повторении претенциозного слова «маэстро».

– Это – разговор для фантастического романа, – сказал Александрийский, но не тем тоном, каким старший обрывает неинтересный ему разговор, а как бы приглашая собеседника продолжить спор.

Матя сразу попался на эту удочку.

– Хороший фантастический роман, – сказал он, – обязательно отражает завтрашнюю реальность. Я, например, верю в лучи смерти, о которых граф Толстой написал в своем романе об инженере Гарине, не читали?

– Не имел удовольствия.

Лидочка только что прочитала этот роман, и он ей очень понравился – даже больше, чем романы Уэллса, и ей хотелось об этом сказать, но она не посмела вмешаться в беседу физиков.

– Толстой наивен, но умеет слушать умных людей, – продолжал Матя, нависая над скамейкой, на которой сидел, вытянув ноги, Александрийский. Он беседовал с Александрийским, не замечая, что поучает его, хотя этого делать не следовало. Александрийский, как уже поняла Лидочка, свято блюл светившуюся внутри его табель о рангах, в которой ему отводилось весьма высокое место.

– Передача энергии без проводов, о чем мы не раз беседовали с маэстро...

Тут Александрийский не выдержал:

– Вы что, у скрипача стажировались, Матвей Ипполитович? Что за кафешантанная манера?

– Простите, Пал Андреевич, – мгновенно ошетинился Матя, – я употребляю те слова и обозначения, которые приняты в кругу итальянских физиков, и не понимаю, что вас так раздражает?

– Продолжайте о ваших лучах, которые выжигают все вокруг и топят любой военный флот, осмелившийся приблизиться к вашей таинственной базе!

Лидочка поняла, что Александрийский, конечно же, читал роман графа Толстого.

– Пожалуй, пора по домам, – сказал Матя. – Уже поздно, и вы наверняка устали.

– Нет, с чего бы?

– И уж конечно, устала Лидочка. По нашей милости ей пришлось сегодня пережить неприятные минуты.

– Вы правы. – Александрийский тяжело оперся на трость, но весь вид его исключал возможность помощи со стороны молодых спутников. Так что они с Матей стояли и ждали, пока он поднимется.

Потом они медленно, соображаясь со скоростью профессора, пошли по берегу среднего пруда, мимо купальни, какие бывали в барских домах еще в прошлом веке, чтобы посторонние взоры не могли увидеть купающихся господ, и вышли на широкую, стекающую к пруду поляну, наверху которой гордо и красиво раскинулся дом Трубецких – хоть и было совсем темно, лишь два фонаря светили возле него, да горел свет в некоторых окнах, дом был олицетворением благополучного уюта, респектабельности – как будто и он приплыл сюда по реке времени, либо они – Лидочка и оба физика – провалились в прошлое, когда дом еще принадлежал своим благородным хозяевам и туда не допускались незнатные физики, художники и прочая разночинная мелочь. Впрочем, что она знает об этих спорщиках – может быть, они потомки графов и князей, только таятся, чтобы их не вычистили из университета!

Совершенно забыв о присутствии Лиды, физики постепенно углубились в специальный разговор, в котором фигурировали неизвестные Лидочке, да и подавляющему большинству людей того времени, слова «позитрон», «нейтрон», «спин», «бета-распад» и «перспективы открытия бета-радиоактивности». Матя увлекся, взяв палку, разгреб подошвой листья с дорожки и стал рисовать палкой какие-то зигзаги, почти невидимые и совсем непонятные. Наконец, совсем уж замерзнув, Лидочка сказала, что оставляет их и пойдет домой одна, и только тогда физики спохватились и пошли к дому. И вовремя, потому что, как раз когда они снимали пальто под сердитым взглядом чучела медведя, раздался гонг, означавший окончание дня. И сверху по лестнице деловито сбегал президент Филиппов, чтобы лично запретить входную дверь.

– Успели, – радостно сказал он, – а вот кто не успел, переночует на улице.

Президент Санузии наслаждался тем, что кому-то придется ночевать на улице.

Александрийский жил на первом этаже – ему было слишком трудно подниматься на второй, – поэтому он, попрощавшись, пошел коридором, соединявшим главный корпус с правым флигелем. Матя поднялся с Лидочкой на второй этаж и проводил ее до комнаты. Он сказал:

– Глупо получилось, я же вас искал. И с вами хотел поговорить.

– О чем?

– Обо всем. О королях и капусте. Но Александрийский всегда был таким настырным. И вас от меня увел.

– Мне его жалко. Ему так трудно быть немощным.

– Я хотел бы дожить до его лет и не стал бы жаловаться на болезни.

– А сколько ему лет?

– Не знаю, но больше шестидесяти. Перед революцией он был приват-доцентом в Петербурге.

Матя взял Лидочку за руку и поднес ее пальцы к губам. Это было старомодно, так в Москве не делают, Лидочка вдруг смутилась и спросила, заставляя себя не вырывать руку:

– Это так в Италии принято?

– Это принято у поклонников, – ответил Матя.

Лидочка вошла в комнату. Марта лежала на застеленной кровати и читала при свете бра.

– Ты куда пропала? – спросила она.

– Мы гуляли с Александрийским, – сказала Лидочка. – А потом пришел Матвей Ипполитович, и они стали спорить.

– Я думаю, что Александрийский ревнует, – сказала Марта. – Когда-то Матя был его учеником, недолго, в начале двадцатых. И оказался более способным, чем учитель.

– Так все считают? – спросила Лидочка.

Она взяла вафельное полотенце, сложенное на подушке, и стала искать в сумке пакет с зубной щеткой и порошком.

– Это считает Миша Крафт, который для меня – высший авторитет, – сказала Марта. – Но я думаю, что причина в несходстве характеров. Матя при первой возможности ушел к Френкелю в Ленинград и работал в физико-техническом институте. А потом его отобрали для стажировки в Италии. То, что для Александрийского – предмет планомерного многолетнего труда, Матя всегда решал походя, между двумя бутербродами или тремя девицами. Александрийский считал его предателем, но дело не в предательстве, а в сальеризме Александрийского.

– Матвей Ипполитович совсем не похож на Моцарта, – сказала Лидочка.

– Ты же понимаешь, что дело не в простом сравнении.

* * *

Лидочка взяла полотенце и пошла в женскую умывальную комнату.

Лидочка пустила воду. Струя била косо, порциями, будто кран отплевывался. Вода была страшно холодной. Зубы ломило.

Лидочка не услышала, как открылась дверь и вошла подавальщица.

– Вы меня простите, – сказала она, закрыв за собой дверь. – Мне у вас спросить надо.

Лидочка испугалась, будто имела дело с умалишенной, готовой к иррациональным поступкам, но не обязательно намеренной их совершать.

Она так и осталась стоять со щеткой в приоткрытом рту, с измазанными зубным порошком губами.

– Вы видели, что я смотрела на мужчину, – продолжала женщина. – Вы его знаете, высокий, с усиками, красивый такой.

Лидочка кивнула. Она чувствовала, как белая струйка слюны с порошком течет по подбородку.

– Мне с ним поговорить надо, – сказала женщина ровным, скучным голосом. – А мне их имя-отчество неизвестны. Вы уж помогите, подскажите мне, гражданочка.

Женщина притворялась. Говорить простонародно она не умела, и дело было не только и не столько в словах, а в том, как она их произносила, – труднее всего подделать интонацию. Если бы Лидочку спросили, кто эта женщина по происхождению, она сказала бы – гражданка, вернее всего, москвичка из образованной семьи.

Лидочка взяла стакан, прополоскала рот, сморщилась от ледяного холода.

– Вы не спешите, – сказала женщина, – мне не к спеху.

Лидочка не могла решить для себя, ответить на вопрос или сослаться на неведение. Но потом поняла, что нет никаких оснований таиться.

– Этого мужчину зовут Матвеем Ипполитовичем Шавло, – сказала Лида. – Он физик, больше я о нем ничего не знаю.

– Шавло? И хорошо, что Шавло. Его тогда все Матей звали.

Под яркой голой лампочкой, висевшей над головой, Лидочка могла разглядеть женщину лучше, чем в столовой. На вид ей было лет тридцать, может, чуть больше. Она была высока ростом и стройна, густые каштановые волосы были убраны под косынку, и без окаймляющих лоб волос лицо казалось более грубым и резким, чем в действительности. Из таких женщин получаются террористки и настоятельницы монастырей. И если у иной женщины в таком же возрасте все еще впереди – и мужчины, и радости, и дети, – у этой жизнь окончена. И если бы не неведомая Лиде, но обязательно существующая цель, эта женщина спряталась бы уже в свой тихий полутемный угол – и доживала, не расцветши. Кем бы эта женщина ни была, она не могла быть подавальщицей в академической столовой.

– Спасибо, – сказала женщина, протянув руку, будто хотела дотронуться до Лиды. – Спасибо вам. Мне не его имя нужно. Важно было, что вы меня не оттолкнули.

Лидочка поглядела на ее протянутую руку. Пальцы были тонкими, некогда холеными, изысканными в своей длине и форме, но распухшими в суставах и огрубевшими.

– Вы знали его раньше? – спросила Лидочка.

– К сожалению, – ответила женщина.

Она сочла возможным скинуть маску подавальщицы, словно выказывая этим доверие к Лиде.

– К сожалению, – повторила она. – Я не ожидала когда-либо его увидеть, как не ожидаешь повторения кошмара.

– Кошмара?

– Вы все равно не поверите. Вы еще молоды.

– Это так кажется.

Неожиданно подавальщица засмеялась. И лицо ее стало мягче, женственней и добрее.

В этот момент дверь в умывальную медленно открылась. В дверях стояла Альбина в шелковом китайском халате.

Она, видно, поняла, что при ее появлении женщины оборвали разговор.

– Я вам помешала? – спросила она высоким, чрезмерно нежным голоском.

– Чего уж, – сказала подавальщица, – я вот щетку куда-то положила, а куда – не знаю.

Извиняйте.

Она повернулась и, наклонив голову, быстро вышла из умывальной.

– Как наивно, – сказала Альбина ей вслед. – Я могу поклясться, что она из бывших, а устроилась в прислуги и притворяется. Правда?

– Не знаю, – сказала Лидочка, спеша вытереть лицо и собирая свои туалетные принадлежности.

– Спокойной ночи, – прошептала вслед ей Альбина.

Глава 2

23 октября 1932 года

Утром Лидочка с трудом проснулась – за окном была такая дождливая мгла, такая полутемная безнадежность, словно дом оказался на дне аквариума, полного мутной воды.

Марта уже поднялась и приводила перед зеркалом в порядок прическу. В комнате пахло одеколоном «Ландыш». Лидочка потянулась – кровать отчаянно закричала. Марта резко обернулась.

– Ты меня испугала! Как себя чувствуешь?

Лидочка попыталась сесть – все тело ломило.

– Меня, по-моему, всю ночь палками били.

– А ты больше с физиками гуляй! Я удивлюсь, если ты не простудишься, – сказала Марта. – Давай вставай, скорей беги в умывалку. А то там очередь, наверное, а гонг зазвенит – опоздаешь. Филиппов тебя уморит воспитательными беседами.

– А я их не буду слушать.

– Значит, ты никуда не годная общественница. А ты знаешь, что у нас делают с никуда не годными общественницами? Их отправляют на перевоспитание трудом. Я знаю, что президент нашей республики уже разработал систему трудовых наказаний – опоздавшие ко второму удару гонга сегодня направляются на сбор опавших листьев. Под дождем.

– Откуда ты все это узнала?

– Я уже была в умывалке, все новости узнала, все сенсации.

– Даже сенсации?

Лидочка встала с постели, и ее повело – так трещала голова. Она ухватила за спинку кровати.

– У тебя очень красивые ноги. – Марта критически осмотрела Лидочку. Ночная рубашка была ей коротка, и Лидочке стало неловко, что ее так рассматривают. – Хороши по форме, и щиколотки узкие – знаешь, я очень люблю, когда у девушек узкие щиколотки. А вот грудь маловата.

Не выпуская расчески и продолжая лениво расчесывать кудри, Марта кошечкой поднялась с табурета, подошла к Лидочке и поцеловала ее в щеку.

– И щека у тебя пушистенькая. На месте мужиков я бы на тебя бросалась, как тигра.

– Не дай бог, – рассмеялась Лидочка. Она взяла со спинки кровати свой халатик.

– Ты не знаешь главной сенсации, – сказала Марта, возвращаясь к зеркалу, – сегодня ночью кто-то взломал дверь в погреб. Знаешь погреб по дороге к вышке, ну тот самый!

– И что?

– Больше ничего не известно.

– А в погребе что-нибудь лежит?

– В погребе пусто – какие-то доски, но ничего ценного. Замок сломали, а в воде, там вода, нашли спички – видно, они уронили спички и не смогли зажечь свечу.

– Кто «они»?

– Почти наверняка мальчишки из деревни.

– Здесь есть деревня?

– Это условное название – деревня Узкое, я тебе потом покажу, пойдем гулять и покажу – это флигели для слуг и несколько домов – там жила прислуга. Это в сторону Ясенева, напротив конюшен.

Ударил гонг.

– Да беги же! – закричала Марта, подталкивая Лиду к двери. – Даже мыться не надо – пописай и сразу в столовую. Если не хочешь под дождем листья собирать.

– Не хочу, – сказала Лида и побежала в туалетную комнату. Тем, к счастью, никого не было. Все уже ушли в столовую.

Кто-то залез в погреб. Лидочка знала, что это была подавальщица или ее сообщники. У нее здесь есть сообщники? Наверное, это сама графиня Трубецкая, которая пытается отыскать свои драгоценности. Разве так не бывает?

Приведя себя в порядок, Лидочка побежала обратно в комнату. Марты уже не было – она ушла в столовую. Лидочка натянула юбку и фуфайку: в доме было прохладно.

Верный Ванюша-рабфаковец – как она могла забыть о его существовании – ждал ее у входа в столовую, не входил, хотя уже прогремел второй гонг. Все сидели за столами, мрачная погода и темное утро действовали на всех так уныло, что никто не стал хлопать в ладоши и изображать общественное осуждение опоздавшим. Лидочка с Ванюшей прошли к своим местам, и тогда президент Санузии поднялся во весь свой микроскопический росточек и натужно воскликнул:

– Объявляю свою президентскую волю! Опоздавшие к завтраку, среди которых есть Иванническая, опоздавшая уже дважды, отправляются на сбор листьев в парке. Все, кто посчитает решение президента справедливым, прошу поднять руки.

Над столами поднялось несколько рук. Другие ели кашу, которую разносила пожилая, незнакомая Лиде подавальщица.

– Дружнее! – завопил президент Филиппов.

«Кто же его вырастил? – думала Лидочка. – Кого он приговаривал и расстреливал раньше? Наверное, был исполнителем в ЧК».

Дружное осуждение не получилось. Тем более что тут же случился казус, потому что дверь снова отворилась, и, оживленно беседуя, вошли Алмазов с Альбиной, а за ними сонный астроном Глазенап.

Лидочке так хотелось подсказать президенту: «Ну давайте, посылайте их на сбор листьев под дождем, я согласна идти с ними!» Но президент сделал замкнутое на замочек личико и отвернулся от вошедших, которые, ничего не подозревая, прошли к своим местам, раскланиваясь и здороваясь. Но тут не выдержал Ванюша.

– Почему же вы молчите, товарищ Филиппов?! – закричал он петушиным голосом. Голос сорвался, Ванюша закашлялся. – Почему же вы других товарищей под дождь в грязи копать не выгоняете? Нет, вы не отворачивайтесь, вы не морщитесь. Чем они лучше нас?

Поднялся сразу шум, словно все ждали, чтобы начать кричать и стучать чашками, будто все хотели скандала и вот – получили!

– Я не позволю! – вопил махонький Филиппов. – Я не позволю подрывать авторитет моего поста! Меня утвердила общественность санатория, и я сам решаю, кого наказывать, а кого благодарить.

– Вы еще не ячейка! – завелась Марта Крафт. – Вас сюда не для репрессий прислали!

– Я президент!

– Вчера президент, а сегодня мы вас переизберем!

В зал вошел Борис Пастернак, ничего не понял в этом хаосе. Усаживаясь, отыскал глазами Лидочку, кивнул ей и поднял брови, спрашивая: что происходит?

Постепенно шум утих, правда, пришлось вмешаться самому Николаю Ивановичу Вавилову, который призвал не терять чувства юмора и как можно больше заниматься физическими упражнениями на свежем воздухе. Алмазов смотрел в тарелку.

Каша была с комками, но чай крепкий, к нему дали пончик. Лида почувствовала, что не наелась. Голова прошла. Марта говорила в ухо, что Филиппова давно уже надо гнать, но у него рука в Президиуме.

Потом Лидочка взяла свой стакан и пошла в буфетную – аппендикс между залом и кухней, где на столе мирно пыхтел большой трехведерный самовар. Она подождала, пока подавальщица наполнит заварочный чайник.

– Скажите, – спросила Лидочка, – а где вчерашняя женщина, которая нас обслуживала?

– Полина? – спросила подавальщица. – Так сегодня не ее смена. Она завтра будет.

– Вы ее сегодня видели? – спросила Лидочка.

– А вам чего?

– Она мне обещала мяты дать, – сказала Лидочка.

– Откуда у нее мята?

– Не знаю. – Лидочка подставила стакан под струю кипятка из самовара.

Позавтракав, отдыхающие расходились из столовой. Матя подошел к Лидочке и сказал:

– Не обращайтесь внимания. Если хотите, я с ним поговорю.

– Ничего, – сказала Лидочка, – я сама с ним поговорю.

– Я буду в библиотеке, – сказал Матя, – если вам будет скучно, приходите.

Лидочка вышла в гостиную. В большом алькове висела картина, изображавшая красивую девушку, склонившуюся к источнику. Ванюша, который шел за Лидочкой, сообщил ей тут же, что это возлюбленная князя Трубецкого, которую по приказу Петра Первого заковали в цепи в подвале дворца.

– При чем тут Петр Первый? – строго спросила Лидочка.

– Вот именно. – Ванюша был склонен заранее соглашаться с любой мудростью, которую подарят человечеству уста Лидочки. – Он ее туда отправил за измену старому князю с одним иностранцем.

Походкой Наполеона, спешащего к Аустерлицу, в гостиную ворвался президент Филиппов. Он повел тяжелым носом и вынюхал невольно замерших у роковой картины нарушителей.

– Вот вас мне и надо, – сообщил он. – Будем трудиться или хотим уклоняться?

Лидочка поглядела сверху на его высушенный, обтянутый пергаментом лобик и поняла, что с таким Наполеоном надо обращаться решительно, как то делал герцог Веллингтон.

– Никуда мы не пойдем, – сказала Лидочка.

– Отлично, – сразу согласился президент, будто именно такой ответ входил в его планы.

– Мы приехали отдыхать, – сказала Лидочка. – Мы приехали на отдых после ударной работы.

– Вот именно, – сказал Ванюша, – я могу показать мою книжку ударника.

– Не надо, – сказал президент, сверля Лидочку отчаянными голубыми глазами. – У меня самого их четыре. Продолжайте ваши тезисы, Иваницкая.

– Я все сказала.

– А я вас призываю не работать, а творчески отдыхать, – сообщил тогда президент. – Потому что каждый врач скажет, что уборка листьев на свежем воздухе – это физкультура и зарядка.

– Вот когда врач скажет, тогда я и пойду, – сказала Лидочка и намеревалась уйти из гостиной, но президент, приподнявшись на цыпочки от боевого энтузиазма, которым он был охвачен, умудрился встать на ее пути.

– А ну бери грабли и пошли! – прошипел президент. Видно, ему не хотелось, чтобы звуки скандала донеслись до библиотеки, высокая белая дверь в которую была приоткрыта.

– Не смейте так с нами разговаривать! – прошипела в ответ Лида, которой-то нечего было скрывать от читателей библиотеки. Но президент как бы задал тон, и Лидочка ему подчинилась.

– Послушайте, молодые люди, – говорил президент. – Мне про вас известно куда больше, чем вы подозреваете. У меня выписки из личных дел на всех лежат – присылают из Президиума. Я знаю, что ты, Иван Окрошко, в аспирантуре держишься на ниточке, хоть и внешне про-

летарского происхождения, ввиду общей неграмотности. Так что ты сейчас надеваешь ватник и с песнями идешь в парк. И еще будешь мне благодарен до конца срока, что я не сигнализировал, как ты вредно отзывался о диктатуре пролетариата.

– Я никогда не отзывался, – напыжился Ванюша. Но он был уже сражен.

– А еще вопрос – кому поверят, а кому нет. У меня революционный стаж и верная служба, а у тебя? Еще надо проверить.

– А вы проверьте, – рискнул рабфаковец.

– Он идет, идет, – сказала Лидочка, которой стало жалко Ванюшу не потому, что он был раздавлен мелким мерзавцем президентом, а потому, что делалось это с садистским наслаждением в ее, Лидином, присутствии, а Ванюша, не смея достойно ответить, видно, сам не был уверен в чистоте своего пролетарского происхождения. – Иди, Ваня, – повторила она. – Я тебя догоню.

Ванюша еще колебался. Он сделал шаг, остановился.

– Ватники на первой вешалке висят, там для них специально сделано, – показал Филиппов, который понимал, что Лидочка уходить не хочет, – значит, впереди второй бой и грядущая его, Филиппова, победа.

Ванюша ушел, повесив голову. Президент расправил плечики, и Лида могла дать голову на отсечение, что за последние минуты он подросток.

Мимо прошел один из Вавиловых. Президент на секунду отвернулся от Лиды, потому что надо было стать во фрунт и поклониться власти, и спинка его, узкая и согнутая, стала жалкой и патетической, его хотелось пожалеть, погладить. Наверное, он собирает марки, подумала Лида, сидит вечерами над альбомом, горбится и боится, что за ним придут. У него не может не быть, как говорят англичане, скелета в шкафу – страшной тайны прошлого.

Особенность времени заключалась именно в том, понимала Лида, что в обществе было очень мало людей, не несших в себе страха. Причем каждый боялся не только за себя, за своих близких – он боялся самого себя. Некий президент Филиппов мог подойти к тебе и напомнить о существовании забытой тетушки, которая угодила в ссылку, либо о твоём юношеском романе с дочкой генерала, а то, что еще опаснее, о том, как ты на первом курсе или даже еще в школе подписал какое-то обращение в защиту Троцкого или его платформы. Ты уже и думать забыл о Троцком и о платформе, а твоя подпись, попав в соответствующее учреждение, уже зажила собственной жизнью, и вот уже допрашивают других, оставивших свои легкомысленные автографы на пожелтевшем листе бумаги. Кто таков? Не то Иванов, не то Ивашко... кто так неразборчиво подписался? Не он ли – ваш организатор и вдохновитель, не он ли держал связь со Львом Давидовичем, нашим врагом и известным шпионом? Как? Вы думаете, что это подписался Коля Ивашкин из параллельного класса? Замечательно. Давайте подумаем, где нам теперь отыскать этого мерзавца, который втравил вас в авантюру, лишившую вас образования, свободы и, может быть, жизни... И вот ты уже в паутине.

А так как подобные случаи происходили нередко и были всем известны, скелеты, выпадая из шкафов, пришибали своих бывших хозяев хуже кирпичей, и за исключением уж самых глупых или сиротских пролетариев каждый просыпался ночью в ужасе – в шкафу зашевелился проклятый скелет! И становилось страшно проговориться в гостях или на службе о каком-то родственнике или знакомом, потому что если ты давно не видел человека, то за эти месяцы он мог превратиться во врага.

К осени 1932 года всеобщий ужас перед скелетами, ужас перед приговором, который каждый носил в себе, еще не стал всеобщим. Пройдет года три, прежде чем страх подавит собой государство. Но и тогда власть демагога или доносчика была, как и положено в сходящем с ума обществе, преувеличена настолько, что он мог погубить соседа, сослуживца или человека, от него зависящего, одной строчкой или фразой, и чем подлее он был или чем больше боялся собственного скелета, тем страшнее становился для окружающих. Ибо такой человек был подобен

тонущему, который, размахивая в ужасе руками, нащупывает головы тех, кто плывет рядом, и тащит их в глубину, только бы самому остаться на поверхности.

Лидочка подумала, что в будущем ей следует больше опасаться Ванюши, чем президента Филиппова, и попробовала организовать линию обороны.

– К счастью, – сказала она президенту, – у вас на меня черных карточек нету. И я свободна.

– Нет, не свободна, – ответил президент. – Не могу я вас, гражданка Иваницкая, отпустить. Потому что я приговорил вас к общественному наказанию в присутствии многих людей, в том числе профессоров и академиков. А скажите мне, голубушка, сколько из них ждут не дожудтся моей гибели? Одни по нелюбви ко мне, другие из зависти, что я получаю дополнительное питание в столовой, третьи потому, что мечтают занять мое место. Лучше уж ты иди, потаскай листья полчаса, больше мне от тебя ничего не нужно.

– Значит, ничего на меня в своих папках не нашли? – спросила Лида.

– Не надо так грубо, Иваницкая. Найти можно на каждого. А если на тебя в той папке не было, значит, в другой есть, которая не у меня лежит, а у товарища Алмазова. Может быть, ты еще хуже обречена, чем тот перепуганный Окрошко.

Он был противен, он был циничен и нагл, и он был совершенно прав. Папка с делом Лиды Иваницкой лежала, конечно же, в ОГПУ. А если не лежала, то это было чудо, а кто верит в чудеса в наши дни?

– Какой же вы мерзавец, Филиппов, – тихо сказал Александрийский, появившийся из библиотеки и подошедший незамеченным. – А я вас полагал безобидным дураком.

Президент вовсе не растерялся. Он ответил разговорно, как бы продолжая беседу:

– А теперь безобидных дураков, Пал Андреевич, не осталось. Их всех скушали. Времена голодные пришли. Если хочешь жить, приходится крутиться.

– За чужой счет, – сказал Александрийский. Он был на полголовы выше и, даже несмотря на болезненность и худобу, куда массивнее президента.

– Не за свой же. – Президент шмыгнул носом, и Лидочка поняла, что он пытается скрыть робость. – Я ведь тоже старые времена предпочитаю. Чтобы мы с вами сейчас в шарады поиграли, аспиранток в темных углах пощупали и на лыжах с горки – ау-у! Я вам всегда лучшие лыжи подбирал.

– Ну тогда я думаю, что мы с вами отлично друг друга понимаем, – сказал Александрийский. – Вы тут же забудете об инциденте и более приставать к Лиде не будете. Я ей обязан и стараюсь всегда платить по счетам.

– Я рад бы, – печально сказал президент. – Да не могу. Я уж говорил гражданке Иваницкой – здесь доносчиков человек десять найдется, кто по злобе, а кто из страха... Придется ей поработать.

– Филиппов, не надо меня сердить!

– Ой, только вы меня не пугайте, – разозлился президент. – Вам хорошо, профессор, паяк, машина, квартира, похороны по первому разряду на Новодевичьем. Вы можете и не крутиться – вас и так пощадят. А для меня это президентство – единственная зацепочка. Может, защитит, а может, и нет – если я не профессор, а научный сотрудник без степени во Всесоюзном центре по научной организации труда. Вы ведь даже и не знали, где я числюсь.

– Это где-то на Мясницкой, – сказал Александрийский, – дом три, если не ошибаюсь.

– Ну и память! – ахнул президент.

– И не только память, – сказал Александрийский. – Во мне еще остались какие-то силы – нет, не физические. Но меня поддерживает ненависть к таким, как вы, которые приспособились и научились лизать им задницы. Именно из-за вас, а не из-за Алмазова происходят все мерзости и преступления в нашей России. Вы готовы отнести на плаху собственную мать...

– Пал Андреевич!

– Не перебивайте меня!

– Я же за вас волнуюсь. А что, если кто услышит?

– Пускай слышит! К счастью, я настолько приблизился к настоящей смерти, что могу себе позволить пренебречь смертью, которую придумали ваши наниматели и друзья. Я стал свободен только потому, что завтра умру. И я познал истину – умрете и вы, Филиппов, и Алмазов, и Ягода, и Менжинский – и даже эта девочка Лида. Поэтому скорпионья возня, которую вы ведете, лишена смысла. И когда вас через три года расстреляют, то вы перед смертью еще успеете позавидовать мне, который ушел в могилу мирно и солидно, и даже с похоронами по первому разряду.

– Бог с вами, Пал Андреевич!

– Идем, Лидочка, он тебя больше не тронет.

Александрийский тронул Лиду за рукав.

– Посидим на веранде. Там крыша, и мы не промокнем.

– Давайте я все же немножко поубираю листья, – сказала Лидочка.

– Вы его боитесь?

– Мне неловко перед Окрошко. Он там один.

– Если он джентльмен, то уберет за вас.

– Идите погуляйте с профессором Александрийским. Это будет мое вам задание, – сказал, вдруг просветлев, президент. – Я заменяю уборку территории прогулкой с профессором.

– Ох, хитрец! – Александрийский приподнял трость, словно хотел ударить Филиппова, но тот быстро, не оглядываясь, пошел прочь, на кухню.

– Будет брать пробу с супа, – сказал Александрийский. – Каждый вечер приезжает его жена, и он выносит ей целую сумку продуктов. Научный организатор труда, глаза бы мои на него не смотрели!

Они стояли в прихожей. Справа был гардероб, где висели пальто и плащи отдыхающих, слева за дверью – раньше Лида не замечала – была вешалка, на которой было несколько ватников и прорезиненных плащей, – оказывается, там одевались наказанные.

Из бильярдной доносились редкие удары. Пока Александрийский одевался, Лида заглянула туда – это была очень светлая комната с громадным дореволюционным столом и даже специальными высокими скамеечками для зрителей. По стенам висели фотографии и акварели. Вокруг бильярда лениво бродили братья Вавиловы, отыскивая удобные для удара шары.

– Видите черный диван? – спросил Александрийский, подойдя сзади.

Под окном и на самом деле стоял диван, обыкновенный, черный, кожаный.

– На нем умер философ Соловьев, – сказал Александрийский. – Он был в друзьях с князем Трубецким, часто гостил здесь. И умер. Впрочем, откуда вам знать философа Соловьева?

– Мой папа о нем рассказывал, – сказала Лидочка.

– Папа? А кто он?

– Он был морским офицером.

– Он жив?

– Надеюсь, – сказала Лидочка, и Александрийский не стал спрашивать далее.

* * *

Они вышли в парк, обогнули дом и перешли под колонны перед фасадом. Там под портиком была скамья, куда не доставал мелкий дождь. Александрийский сразу сел – он быстро уставал. Лидочка не стала садиться, она прошла к краю веранды – хотела поглядеть, как там трудится аспирант Окрошко. Аспиранта она не увидела, но зато на дорожке, ведущей к холму с вышкой, увидела высокую обтекаемую фигуру Мати Шавло. Он шагал, медленно покачивая вперед и назад зонтом, словно подчеркивая им свои мысли.

Матя остановился, видно, намереваясь повернуть обратно к дому, но тут из-за угла дома появилась подавальщица Полина – Лиде было ее хорошо видно – и окликнула Матвея. Дул ветер, поскрипывали высокие лиственницы, росшие у кухни, шумел дождь – звуки беседы до Лиды не долетали, зато видно было, как Матя резко обернулся к женщине, которая остановилась шагах в десяти от него, и стал ее слушать, наклонив зонт в сторону, чтобы не мешал. Подавальщица говорила быстро, прижав руки к груди. Она была без зонта, во вчерашней шинели.

Полина сказала что-то неожиданное, удивившее Матю. Настолько, что он откинул зонтик назад, как ружье, на плечо, а сам сделал шаг вперед. Женщина выставила руку, как бы останавливая его движение. И заговорила вновь. Но он не хотел больше ее слушать. Это видно было по тому, как зонтик принял вертикальное положение, а сам Матя развернулся и пошел к дому. Женщина не пыталась его задерживать. Она стояла под дождем, прижав кулаки к груди.

Матя уходил от женщины все быстрее, вот-вот побежит. И буквально врезался в Алмазова, который шел в ту сторону, где гулял Матя, Алмазов был в кожаной куртке и кожаной фуражке – к такому наряду зонта не требовалось.

– Что вы там увидели? – спросил Александрийский.

– Ваш любимец Шавло беседовал с одной таинственной женщиной, – сказала Лидочка. – Она ищет сокровища Трубецких. Она предложила Матвею Ипполитовичу долю, если он ей поможет таскать сундуки.

– А он, конечно же, отказался, – сказал Александрийский.

– Судя по поведению, да. Но почему, профессор?

– Неужели, девушка, вам это не ясно? – удивился профессор. – Матя Шавло бескорыстен, и слухи о том, что он привез из Италии два вагона барахла, сильно преувеличены.

– Вы ему завидуете, профессор? – спросила Лида. – Нет, не отрицайте, по глазам вижу, что завидуете.

– Разумеется. Я меняю костюмы только четыре раза в день, а он – восемь.

Лидочка продолжала наблюдать за Матей. Сквозь стволы и переплетения почти голых ветвей ей было видно, как он перекинулся несколькими словами с Алмазовым. Матя махнул рукой назад – этот жест мог сопровождать рассказ о подавальщице, которая приставала к ученому. А может быть, разговор шел о другом.

– Что еще нового? – спросил Александрийский.

– Теперь они беседуют с Алмазовым.

– Не может быть, чтобы столько людей любило гулять под дождем.

Александрийский поднялся со скамейки и, опираясь на трость, подошел к Лиде. Алмазов и Матя все еще продолжали говорить. Потом Алмазов пошел обратно к дому. Получалось, что он специально выходил под дождь, чтобы перекинуться несколькими словами с Матей. Или Матя что-то сказал, заставившее Алмазова изменить свои планы?

– Подглядывать плохо, – сказал Александрийский. – Идите ко мне. Хотите, пойдем в дом? Здесь холодно и неудобно.

И в самом деле в парке было холодно и неудобно. Снова поднялся ветер, он трепал листья, все еще висевшие на мокрых черных ветках. Лист жести на крыше круглой беседки оторвался и неровно бил по дереву. Лидочка проводила Александрийского до дома, но тут увидела Ваню Окрошко.

– Я добежу до него, – сказала Лида.

– Она принесла кусок сухаря белому рабу, – сказал Александрийский.

– И среди рабов есть люди с черной кожей, но белым сердцем.

– Беги, благородный ребенок, но опасайся самой себя.

– Почему себя?

– А потому что в России слово «жалеть» синоним слову «любить». Пожалеешь – влюбишься.

- Еще чего не хватало! – искренне вырвалось у Лидочки. – Я тысячу лет замужем!
- Простите, не знал. Вы так молодо выглядите.

Сбежав с веранды, Лидочка увидела, что Матвей Шавло идет один, Алмазова он где-то потерял. Матвей заметил Лиду, но не сделал попытки к ней приблизиться и заговорить. Словно не заметил. Он был чем-то удручен или опечален, но Лидочке не было его жалко – каждый в наше время заводит себе друзей по вкусу.

В движениях людей, в запутанном и совсем не санаторном рисунке их действий, в напряжении их отношений Лидочка ощущала предчувствие беды, которая должна скоро обрушиться на этот тихий уголок.

«Я как черепаха – мне тысяча лет, – думала она, – я знаю, что будет наводнение, что идет ураган, а никто не хочет этого видеть. Вы все погибнете в его волнах... И ты, Матя Шавло, талантливый физик с усиками а-ля Гитлер, погибнешь раньше всех».

Сзади Александровский окликнул Матю:

- Матвей Ипполитович, вы не спешите?
- Я совершенно свободен.
- Ваш собеседник вас отпустил?
- Если вы имеете в виду Алмазова, то они, по-моему, никого и никогда не отпускают на волю.
- Может, у вас найдется минутка, чтобы просветить меня по поводу излучения нейтронов?

Лидочка пошла дальше и уже не слышала, о чем они разговаривали.

* * *

Ванюша сгреб громадную кучу листьев и стоял, рассматривая ее, как муравей глядит на Эверест.

- Я готова вам помочь, – сказала Лидочка.
- Вы? Зачем вы пришли? Не надо было приходить.

Ванюша промок. Кепка была ему велика, а ватник висел на нем, как на вешалке. Он был карикатурен. Оказывается, если человека обрить, а потом дать обрасти щетиной, если его малость поморить голодом, затем натянуть на него грязный ватник и рваный треух или кепку, он становится непривлекательным и неумным. Как правило. В том сила ватника и лагерьной стрижки, что любой лейтенант охраны искренне считает себя умнее, добрее и лучше, чем заключенный, имеющий гражданское звание академика или писателя-сказочника.

- Я не шучу, я на самом деле хотела вам помочь.
- Я все сделал. Уходите, пожалуйста.
- А если бы на мне тоже был такой ватник? – спросила Лидочка.
- В том-то и беда, – сказал аспирант, – что вы смогли остаться человеком, а я сдался. Я всегда им сдаюсь. Мне так хочется быть свободным, что я всегда им сдаюсь. Вы даже не представляете, что они со мной делают!

Он готов был заплакать и потому повернулся и быстро пошел прочь, в чащу, не разбирая дороги. Он волочил за собой грабли, и они подпрыгивали зубьями вверх.

Наверное, надо было вернуться – без зонтика совсем промокнешь. Но Лидочке так не хотелось в комнаты, что она решила чуть пройти и тут же, как назло, натолкнулась на Алмазова. Лидочка понадеялась, что он ее не заметит, но он заметил, широко улыбнулся. Он был очень здоровым и хорошо скроенным человеком. И мог бы показаться приятным, но от улыбки его лицо становилось подлым.

– Иваницкая, – сказал он. – Я до сих пор испытываю неловкость от вчерашнего инцидента. И я постараюсь искупить свою вину. Знаете, что я предлагаю? Заходите к нам с Альбиной. У меня есть чудесные конфеты – вишня в коньяке. Не приходилось пробовать?

– Большое спасибо, – ответила Лидочка с легким придыханием. Так королева Виктория отвечала индийскому набобу на предложение подарить ей алмаз Кохинор.

– Замечательно, – сказал Алмазов. – Вы меня обнадежили. Теперь я буду в нетерпении ждать.

И неожиданно он схватил Лидочку за подбородок так крепко, что стало больно, и повернул ее голову к себе, чтобы заглянуть ей в глаза. А его глаза казались слепыми.

Лидочка рванулась, правда, несильно – уж очень растерялась, а Алмазов уже отпустил, как бы отбросил за ненадобностью ее лицо и сказал, делая первый шаг в сторону:

– Молодец, девочка. Мы будем дружить.

Лидочке хотелось крикнуть ему вслед что-нибудь обидное, но разве найдешь слова, когда тебя шлепнули и тут же ушли.

Без сомнения, если бы Александрийский увидел сейчас эту сцену, он бы съязвил что-нибудь о Лидочкиной жалости к мужчинам. Хорошо, что он не видел.

И гулять расхотелось – и дождь стал таким отвратительно мелким, холодным, словно ее посадили в яму, полную лягушек.

Лидочка вернулась в дом, разделась под стеклянным взором медведя, прошла сквозь лабиринт, образованный раскрытыми и оставленными сушиться зонтами, к бильярдной. Там все шла партия. На диване, на котором умер философ Соловьев, сидели три похожих друг на друга розовощеких научных сотрудника в толстовках, которые они, видно, специально взяли в Узкое, чтобы донашивать. Если они и знали о кончине философа, то не спешили последовать его примеру.

Лидочка прошла дальше, в библиотеку. Она была невелика, но высока, и с верхних полок застекленных шкафов никто никогда книг не брал. Рыхлая скучная библиотечарша лениво вязала в мягком кресле. За столиком сидел старичок, который вел пальцем по передовице в «Известиях», и молодая женщина с круглым лицом короткими пальцами листала модный журнал двухлетней давности и вздыхала, вглядываясь в рисунки.

Лида подошла к полке с подшивками московских журналов «Вокруг света» и «Всемирный следопыт». Эти журналы и им подобные, недостаточно идейные издания, были уж два года как закрыты, и их постепенно извлекали из библиотек и сжигали. Но до Узкого, видно, еще не добрались.

Лидочка взяла подшивку «Всемирного следопыта» за тридцатый год, отнесла ее к столу и, как только раскрыла, обнаружила, что отлично помнит все, что там было напечатано. Тут раздался гонг на обед, и Лидочка не стала испытывать судьбу – она уселась за стол одной из первых.

Ванюша вяло ел борщ, избегая встречаться с Лидой взглядом. Пастернака не было видно. За «академическим» столом сидел один старик Глазенап и крутил головой в поисках собеседника. Почувствовав такую нужду, президент Филиппов оставил свое место в торце «академического» стола и подсел к Глазенапу. Алмазов смотрел на Лидочку в упор, а Альбине был виден и понятен этот взгляд. Она дважды тронула рукав спутника белыми пальчиками, но тот не обращал на нее внимания.

«Мне еще не хватало такого поклонника», – подумала Лидочка и впервые здесь почувствовала, что страх, владевший прочими людьми, вторгся и в ее, казалось бы, защищенное от него сердце. До этого момента Лидочке казалось, что бояться может лишь тот, кому есть что терять. Ей же нечего было терять в 1932 году нашей эры... Но пока ты существуешь здесь, ты хочешь жить. Между твоей жизнью и смертью стоят Алмазов и другие люди, которые при исполнении служебных обязанностей надевают фуражку с голубым околышем. Ты можешь сей-

час же встать из-за стола и уехать в Москву. И вернуться в свое тесное, населенное тараканами и людьми общежитие, а завтра дверь откроется без стука, и, растянув до ушей слишком красные губы, войдет чекист Ян Алмазов и пригласит тебя в кино.

Есть не хотелось. Здесь кормили куда лучше, чем в городе, куда лучше, чем в институтской столовке или диетической столовой на Мясницкой. Марта говорила, что подсобное хозяйство еще тикает, поставляет ученым то поросенка, то яички. Но жители Узкого сильно воруют – идет война между директором санатория и прислугой.

Не дождавшись третьего, Лида поднялась и пошла прочь. В дверях она встретила Марту, за которой топал Максим Исаевич.

– Лидуша, ты куда пропала? – спросила Марта.

Лида хотела было ответить, но мужская рука легла ей на плечо.

– Ты что не доела казенных котлет? – спросил Шавло. – Желания нет или мяса в них нет? Это я сам сочинил только сейчас и поспешил догнать тебя и сообщить.

– Это замечательные стихи, лучшие в мире стихи, – сказала Лидочка.

– Вы курите? – спросил Матя.

– Нет, но вы курите, курите, я не возражаю.

– Пошли в бильярдную?

В бильярдной было пусто. Они сели на черный диван, и Лиде было неловко перед покойным философом – как будто бы они подвинули его, беспомощного, к стенке.

– Вы знаете, – сказала Лидочка, – что на этом диване умер философ Соловьев?

– Который был другом хозяина дома, который с другими был тоже знакомый... вы любите детские стихи? Я люблю детские стихи.

– Вы очень веселый. Что случилось? – спросила Лида. В конце концов, это он ее сюда завлек, поэтому она имеет право задавать ему вопросы.

– Голова работает, работает, – сказал Матя, – а потом в ней – щелк – и есть идея! Мы с Александрийским разговаривали. Он меня замучил – зануда отечественной физики. Если бы он не был таким занудой, из него получился бы второй Резерфорд.

– Или маэстро Ферми?

– Нет, маэстро Ферми – любимец богов. Это выше, чем талант.

– Вы его уважаете?

– Я его обожаю. Я расставался с ним, как с недолюбленной девушкой.

– А почему вы уехали?

– Потому что кончился срок моей командировки и для меня оставался лишь один выход – вернуться домой.

– Или?...

Сигареты Мати испускали иностранный аромат. Приятно было нюхать их дым.

– Или изменить родине, – сказал Матя, – что для меня исключено. Да не улыбайтесь, это не от страха. Я вообще не такой трус, как вам кажется.

– А мне не кажется.

– Тем более. Передо мной стояла дилемма – либо остаться за границей, уехать в Америку, куда меня звали, либо же покорно вернуться сюда и снова стать одним из научных работников, имеющих право выезжать на научные конференции в Бухарест или Ригу... Пока кто-то из твоих коллег не сообщит, что ты во сне видел Троцкого...

– И вы выбрали такой путь?

В бильярдную вошел Алмазов, уселся на высокую скамеечку. Между ними был зеленый, очень пустой стол, Алмазов сидел на голову выше.

– А что ему оставалось? – спросил Алмазов, глядя на Лидочку. – Если у него в Москве старая мама и сестра, страдающая последствиями менингита.

Он тоже закурил, у него были папиросы «Казбек», и запах от них был неприятным.

Матя не обиделся на то, что Алмазов подслушивает и выдает его семейные тайны. Он вообще был добродушно настроен и, как большой, красивый, талантливый и даже избалованный жизнью человек, обижался куда труднее, чем люди несчастные и маленькие. В нем была снисходительность к чужим слабостям.

– Подслушивать плохо, Алмазов, – сказал Матя. – Я уединился с прекрасной дамой не для того, чтобы терпеть ваши угрозы.

– А куда вы от меня денетесь, – усмехнулся Алмазов.

– Не думайте, что вы всеильны, – сказал Матя, – вы даже больше слуга, чем я.

– Вы тоже слуга.

– Чей?

– Директора вашего института, например.

– Слуга Якова Ильича? Да вы с ума сошли! Для него такая мысль была бы оскорбительной.

– Вы слуга нашего государства, нашей партии и в конечном счете вы мой слуга, – сказал Алмазов, затягиваясь. Он был одет странно, но никто этой странности не замечал, – на нем был широкий модный пиджак, но брюки галифе и блестящие сапоги.

– Давайте не будем спорить, каждый все равно останется при своем мнении. Мне кажется, что скорее вы мой слуга, Ян Янович, – сказал Матя. – Я вам нужнее, чем вы мне.

– Вы нужны не мне, а нашей родине, – сказал Алмазов.

– Мы договорились обходиться с вами без громких слов.

– Куда от них денешься, Шавло. Кстати, доктор Шавло, сбейте фашистские усы. Предупреждаю, это для вас плохо кончится.

– Потому и не сбрываю.

– Вы любите Гитлера?

– Не выношу. Но лучше Гитлер, чем некоторые другие.

– Не рискуйте, Шавло.

– Гитлер – борец за права рабочего класса. Вы не читали его работ, комиссар. Не сегодня-завтра мы найдем с ним общий язык!

– Немецкие рабочие во главе с товарищем Тельманом не покладая рук борются с призраком фашистской диктатуры. Фашизм не пройдет!

Лидочка вдруг поняла, что Алмазов не такой умный, как кажется сначала. Что она и другие люди награждают его умом, потому что видят в нем не человека, а представителя страшной организации, а значит, и частицу ума этой организации. И вот когда Алмазов говорит как часть организации, его надо слушать и бояться, но если он вдруг начинает говорить от себя, значит, говорит еще один человек, который боится. И значит, уже не очень умный.

– Все, – сказал Матя, разводя руками, – вы меня убедили, Ян Янович, я готов занять место в одном ряду с товарищем Тельманом и Розой Люксембург.

– Ее убили, – сказал Алмазов.

– Ай-ай-ай, – сказал Матя. – Вы?

– Нет, фашисты... – Алмазов улыбнулся по-мальчишески, взял себя в руки. – Ладно, вы меня поймали, Шавло. Но это случайность, которая только подтверждает общую закономерность. Все равно вы сдадитесь.

– Ни в коем случае. А на что вы претендуете?

Алмазов рассмеялся. Подмигнул Лиде и сказал:

– Вы уступите мне девушку.

– Никогда!

– Не зарекайтесь, Шавло.

– А меня кто-нибудь спросил? – вмешалась в разговор Лидочка.

– А тебя, голубушка, и не спрашивают. Ты комсомолка и должна подчиняться дисциплине.

– Я такая же комсомолка, как вы ветеран Бородинского сражения!

– Грубо, Иваницкая, – сказал Алмазов. – Но я вас прощаю.

– Даже если бы вы не были таким противным, – сказала Лидочка, отважная в тот момент отвагой кролика, который прижался к человеку и потому может скалиться на волка, – я бы все равно на вас не поглядела, потому что вы предатель.

– Я?

– Вот именно! Вчера вечером вы умудрились бросить меня на дороге вместе с больным человеком. Где же была ваша галантность?

– Лидочка, вы не правы, – вмешался Матя. – Вы были плохо одеты и не причесаны. Как же нашему другу было разглядеть за этим вашу красоту?

– Вы выходите за рамки! – громко сказал Алмазов и поднялся. Он быстро вышел, увеличенно стуча сапогами, а Матя сказал ему вслед:

– У нашего оппонента не нашлось достойных аргументов в споре.

Он откинулся на спинку дивана, раскинул руки, так что правая рука лежала за спиной Лиды.

– Мы оба были не правы, – сказал он. – Мы дали увлечь себя эмоциям.

– Он тоже!

– Для него это не играет роли. Никто, кроме нас, не видел его лица и не слушал его оговорок. А если вы захотите напомнить... вам же хуже.

– Вы в самом деле обеспокоены? – спросила Лида.

– Да. Всерьез. – Матя посмотрел на приоткрытую дверь.

– Закрыть? – спросила Лида.

– Нет. Я думаю, он не подслушивает... Черт побери, я не хотел бы, чтобы мое дело сорвалось.

Лидочка не задавала вопросов, захочет – сам скажет. Не захочет – она переживет. Большая теплая ладонь Мати по-хозяйски улеглась на ее коленку. Тыльная сторона кисти была покрыта редкими темными волосами – как же она раньше не заметила этого?

Лидочка стала сталкивать пальцы Мати с коленки, пальцы сопротивлялись. Матя был доволен этой небольшой схваткой.

– Повышенная чувственность, – ворковал он, – свойственна творческим натурам. Не исключено, что это одно из выражений таланта.

Лидочке удалось справиться с пальцами Мати, и тот принялся рассматривать свои ногти.

– Пушкин с точки зрения обывателя – козел, – сказал физик.

– Матя!

– Обывателю куда интереснее узнать, завалил ли поэт жену Воронцова в приморской пещере, чем твердить с детства: «Мой дядя самых честных правил... когда простой продукт имеет».

– Вы не правы и знаете, что не правы!

– Вы сердитесь! Вам это идет. Ноздри раздуваются, глазки сверкают.

– Я не сержусь. Почему я должна сердиться на санаторного донжуана?

– Лидочка, вы ангел! Найти такие точные слова!

– К тому же далеко не все великие люди были... сладострастными.

Лидочка чуть было не сказала: «Ленин, например», но испугалась. А Матя ее почти понял.

– Дайте пример! Наполеон? Наполеон был слаб... физически слаб. Но в меру своих сил очень старался.

– А ваш Муссолини?

– К счастью, он не мой. Но совсем недавно один из его романов чуть не кончился трагедией. Одна французская актриса решила его соблазнить и в том отлично преуспела.

Почувствовав, что завладел вниманием собеседницы, Матя достал трубку, принялся ее набивать табаком. Лидочка вдруг поняла, что ждет, когда он зажжет трубку, ей нравился запах дорогого табака.

– Она сдуру начала афишировать эту связь, и ее пришлось выслать из Италии.

– Почему?

– Это же католическая страна, в конце концов!

– Но он же фашист! Ему все можно.

– Ему многого нельзя. Диктаторы, моя душечка, куда более ограничены в явных грехах, чем обыкновенные люди.

– И чем все это кончилось?

– Актриса стреляла во французского посла и ранила его. И попала в тюрьму.

– Ну в посла-то зачем?

– За то, что он хотел выгнать ее из Италии.

– Ваша история ничем не подтверждает идею о чувственности знаменитостей.

– Или возьмем, к примеру, Гитлера, – продолжал Матя. Он раскурил трубку, и Лидочка втянула ноздрями волнующий запах. Это был запах хорошей дореволюционной гостиницы – табачный дым, кожа, одеколон и кофе... – У Гитлера, конечно же, были любовницы. Мне рассказывал о его романах один приятель – немецкий чиновник от науки. Партиец.

– Коммунист?

– Нет, наци. Они тоже называют друг друга товарищами по партии.

В словах Мати была крамола, хотя, казалось бы, он не сказал ничего предосудительного.

– И он знал о любовницах этого фашиста?

– Вся Германия шепталась о его драме. Гитлер выписал из Австрии свою сестру, фрау Раубал.

– Почему из Австрии?

– Потому что он австриец, и вроде бы у него фамилия Шикльгруббер.

– Ну и что? – Лидочка чуть отодвинулась, потому что рука Мати вновь пришла в движение.

– Его сестра должна была помочь Гитлеру по хозяйству – все-таки холостяк, а у него дома бывают разные люди. Сестра привезла с собой дочку, которую звали Гели. Гели Раубал. То есть родную племянницу Гитлера, совсем еще девочку.

– А Гитлеру сколько лет?

– Ну уж точно больше сорока! В общем, Гитлер без памяти влюбился в племянницу.

– Не надо. Зачем об этом рассказывать?

– По той простой причине, что это – чистая правда.

– Я видела в «Вечёрке» рубрику «Зверский оскал империализма».

– Вы бы тоже могли стать моей племянницей. И я бы в вас влюбился. Не надо морщиться – я говорю вам: никакого секрета в том не было. И никто не считал, что это кровосмешительство или что еще... Гитлер открыто показывался с Гели, она даже поселилась в его большой квартире в Мюнхене. И Гитлер решил на ней жениться.

– Когда же это было?

– Недавно. Я уже жил в Риме. Года два назад Гитлер ревновал, просто с ума сходил. Гели хотела ездить в Вену – она брала уроки пения. А он ее не выпускал из постели.

– Матя!

– Из дому не выпускал. Он даже стал забывать о делах, влюбленность – беда для великого человека.

– Зачем вы так сказали? А вдруг кто-то услышит?

- Негодяи тоже бывают великими.
- Ничем таким ваш фашист себя не проявил! – Конечно же, Матя питает слабость к фашистам.
- Проявит! – уверенно ответил Матя. – Поглядите, как мастерски они устроили поджог Рейхстага и уничтожение коммунистов и социал-демократов.
- Можно подумать, что вы любуетесь ими.
- Бывает совершенство кобры, – ответил Матя. – Я не боюсь вас, Лидочка, вы вовсе не доносица. У меня чутье. Хотите узнать, чем кончился роман Адольфа Гитлера?
- А он кончился?
- В один прекрасный день, осенью тридцать первого года, между Гитлером и его юной любовницей произошел скандал. А когда он вернулся домой вечером, то Гели лежала застреленной в своей комнате.
- Что? Кто ее застрелил?
- Следствие установило, что это было самоубийство. Она украла у Гитлера пистолет и выстрелила себе в сердце.
- Потому что они ссорились? Или она не хотела выходить за родного дядю?
- Она не оставила и записки – ничего.
- Вы думаете, что ее убил Гитлер?
- Мать увезла тело в Австрию. Там ее и похоронили. Гитлер, говорят, был вне себя от горя и гнева. Он добился у австрийского правительства визы, поехал в Вену и провел несколько дней почти не отходя от могилы своей племянницы-невесты.
- Это странно, правда?
- Мне говорили, что есть разные версии... Что на самом деле ее застрелил Гитлер в припадке гнева. Он не терпел сопротивления.
- А какие другие версии?
- Ее убил Гиммлер.
- Я не знаю, кто это такой. Я знаю в Германии Гитлера и Геринга, потому что этот толстый Геринг выступал на процессе Димитрова.
- Там есть и Гиммлер – он начальник его охраны. Он мог испугаться влияния, которое оказывала на Гитлера Гели.
- Она же молоденькая девушка.
- Вот буду в Германии – спрошу у Гитлера, – сказал Матя.
- Даже не шутите так!
- Говорят, что у него в кабинете и в спальне висят большие портреты племянницы. И когда он вспоминает о ней, то начинает плакать.
- Вы мне рассказываете о каком-то ягненке.
- Я вам говорю о том, что великие натуры – натуры чувственные.
- И тут все-таки что-то потянуло Лидочку за язык.
- А Сталин? – спросила она, понизив голос.
- То же самое, – ответил Матя обыкновенно, словно она спросила об их соседе.
- Лидочка невольно оглянулась на дверь. Матя чуть улыбнулся и, прервав паузу, произнес:
- В Италию они меня снова не выпустят. Это понятно. Но и сидеть в тихом уголке у Френкеля, который не понимает, куда несется сегодня атомная физика, я не желаю.
- Переходите в другой институт.
- Нет такого института.
- Что же делать?
- Получить свой институт. Только так. Получить свободу работы. Лидочка, девочка моя, меня ведь на самом деле в жизни интересует только работа. Настоящая работа, чтобы в руках горело, чтобы голова раскалывалась!

– Зачем? Работа ради работы?

– Ах, поймала! – Матя легонько притянул ее за плечо к себе и поцеловал в щеку, в завиток выбившихся пепельных волос. – Конечно, не ради головной боли, а ради того, что может дать работа, и только работа. А работа дает власть! Сегодня я ничто, и какой-нибудь Алмазов, ничтожество, может изгаляться надо мной, угрожать мне и даже... даже приводить свои угрозы в исполнение. Если я буду самостоятелен, если то, что я могу сделать, изобрести, придумать, исполнится, тот же Алмазов будет приползать по утрам ко мне в кабинет и спрашивать разрешения подмести пол...

– Ой-ой-ой!

– Ты еще ребенок, Лидия. Ты не понимаешь, насколько я прав. Я прав для любой ситуации, для любого государства и трижды прав для нашей Советской державы! Мы как были страной рабов, так и остались таковой. Только поменяли вывески. Наше рабство похуже рабства, которое затевал царь Иван Васильевич... В силу своей натуры я не могу быть рабом, я хочу быть господином. Умным, справедливым господином – но не ради того, чтобы повелевать людьми, а ради того, чтобы мной никто не смел повелевать. Я не хочу просыпаться ночью оттого, что кто-то поднимается по лестнице, и ждать – в мою квартиру или в твою. Не отмахивайся, ты не знаешь, а я только что из Италии, я жил в фашистском государстве и знаю, что может сделать страх. Завтра это случится в Германии, и с каждым днем эта спираль все круче закручивается у нас. Все тирании схожи.

– Вам надо было уехать в Америку, – сказала Лида.

– Глупости, вы же знаете, что у меня мать и сестра – они бы на них отыгрались. Я уеду в Америку только на моих условиях.

– Я хотела бы, чтобы вам так повезло.

– Не верите?

– Я уже научилась их бояться.

– Ничего, у меня все рассчитано.

– Вы приехали сюда отдыхать? – спросила Лида, чтобы переменить тему. Но Матя не поддался.

– Разве вы еще не догадались, что я приехал, потому что мне надо решить тысячу проблем? И для себя, и с Алмазовым, который тоже находится здесь в значительной степени из-за меня.

– Вы хотите, чтобы ГПУ дало вам свой институт?

– ГПУ не хуже любой организации в этой стране. По крайней мере они быстрее догадываются, что им нужно, чем Президиум Академии или пьяница Рыков.

– Если вы живете в Ленинграде, может, вам лучше поговорить с Кировым?

– Я не хочу оставаться в Ленинграде. Это великолепная, блестящая и обреченная на деградацию провинция.

– Ну и как идут ваши переговоры?

– Об этом тебе рано знать, ангел мой, – сказал Матя. – Главное, чтобы они поверили в мою исключительность и незаменимость. Чтобы они заплатили за мою голову как следует.

– Разве Алмазов годится на эту роль?

– А он у них один из лучших. Он даже почти кончил университет. Впрочем, дело не в образовании, а в понимании момента. У них идет отчаянная борьба за власть...

– Вы рискуете, гражданин Шавло!

– Да, я рискую. Но я знаю, ради чего, и у меня высокая карта!

– Может, смириться?

– Девочка моя, вы не жили до революции, вы не жили за границей. По наивности, внушенной вам комсомолом и партией, вы полагаете, что во всем мире крестьяне мрут с голоду, горожане покупают хлеб по карточкам, и за всем вплоть до булавки по милости кремлевских

мечтателей надо маяться в очереди. Есть другой мир. И я хочу либо жить в нем, либо заставить их перенести сюда часть этого мира – для меня лично.

– А вы?

– А я взамен дам им новое оружие, о котором Гитлер и Муссолини только мечтают.

– Они возьмут, а потом вас выкинут.

– Так не бывает. – Матя был убежден в себе. – То, чем я занимаюсь, их пугает. Отношение ко мне почти религиозное. Я – колдун. И если я покажу им мой фокус, то стану страшным колдуном. Они не посмеют меня обидеть. Они просты и религиозны.

Рука Мати снова перекочевала на колено Лидочке. Рука была тяжелая, теплая, и коленке было приятно оттого, что такая рука обратила на нее благосклонное внимание. Но Лидочка понимала, что хорошие девочки не должны разрешать самоуверенному Мате класть руки куда ни попадя. Потом его не остановишь.

Пришлось руку вежливо убрать, Матя вздохнул, как вздыхают уставшие от скачки кони.

– Вы забываете, что я великий человек, – сказал он как будто шутя.

– Я ничего не забываю, – возразила Лидочка. – Я буду ждать, пока вы станете великим человеком. Пока что вы, как я понимаю, торгуете воздухом.

– Может быть, до сегодняшнего дня вы имели право меня упрекнуть в этом. Но не сегодня.

– А что произошло?

– Пока мы разговаривали с настырным Александрийским, я понял принцип, который позволит создать сверхоружие! Я сделал шаг, до которого не дошел старик Ферми!

– Он старик?

– Господи, вы меня не хотите понять! Ферми моложе меня, ему только-только исполнилось тридцать. Но он – гений.

– А вы? Разве вы не гений?

– Если бы я был ничтожеством или хотя бы середнячком, я бы на вас обиделся, Лида, я бы вас возненавидел. Но я так велик, что комариные укусы прекрасных девочек меня не раздражают. Каждому свое.

– Вы весело настроены.

– Да, потому что я люблю женщин. Умных женщин. Больше всех я люблю вас, Лидочка, и немолодую австриячку, которую зовут Лизой Мейтнер. Я ее очаровал, она мне доверилась.

– Вы в самом деле любите ее? – Еще не хватало ревновать этого петуха к какой-то австриячке.

– Лизе за пятьдесят. Два месяца назад я провел у нее три недели в Берлинском университете. Она рассказала мне о делении атомов урана. Она считает, что именно в уране можно вызвать цепную реакцию деления атомов. Об этом не думал никто. Что вам говорит понятие критической массы урана? Той, после которой начинается цепная реакция? Ничего? Так вот, кроме меня и Лизы Мейтнер, сегодня это ничего не говорит ни одному из физиков мира. Даже Бор или Ферми сделают большие глаза, когда вы об этом расскажете. А через пять, от силы через семь лет наши беседы с Лизой за чашкой кофе перевернут мир. И на перевернутом мире, как на стульчаке, буду сидеть я, собственной персоной, в новом костюме и лакированных ботинках. А в руках у меня будет бомба, которая может взорвать всю Москву. Смешно?

– Страшно.

– Бояться не надо, бояться будут другие.

– А если эту бомбу сделают?

– Ее обязательно сделают, – сказал Матя. – Не сегодня, так завтра. И все те гуманисты, которые сегодня вопят о сохранении мира, отлично будут трудиться над сверхбомбами или ядовитыми газами. Я лучше их, потому что не притворяюсь ягненком, а понимаю, что происходит вокруг. И, понимая, использую слабости диктаторов. На сеновал придеешь, девица?

Лидочка не сразу сообразила, что Матя уже сменил тему, и переспросила его глупым вопросом:

– Что? Куда?

Потом засмеялась. Они оба смеялись, когда пошли прочь из бильярдной. Матя поцеловал Лидочку руку и сказал:

– Прости меня, мой друг желанный, мне надо будет немного почитать в постели – идеи, которые будоражат мой мозг, не дают мне спать спокойно.

Он пошел к себе в правый, северный корпус, где жили академики и профессора, – там у каждого была отдельная комната, а у академиков даже с отдельной уборной.

Лидочка была встревожена разговором с Матей. Матя не шутил и не хвастался. Он был человеком достаточно простым, открытым, он любил нравиться. Вот и Лидочке он хотел понравиться – и если он не мог играть с ней в лаун-теннис, плавать в бассейне, кататься на извозчике по набережной Неаполя, он говорил о своих научных успехах и будущей славе, во что сам верил. Но его решение продаться подороже не показалось Лиде убедительным и безопасным. Алмазов не делает подарков. Сила Алмазовых заключалась в том, что им не были нужны правила игры или порядочность. Если можно было – они брали бесплатно. Если не получалось, платили, но злопамятно помнили, что эти расходы при первой возможности надо возвратить.

* * *

Лидочка поднялась на второй этаж. Ей захотелось спать. Дома она никогда не спала после обеда, но свежий воздух и насыщенность жизни событиями склоняли ко сну.

В дверь своей комнаты она стучать не стала – не пришло в голову. Она толкнула дверь и вошла.

Несмотря на то что день был пасмурным и перед окном длинного пенала, в котором обитали Марта с Лидочкой, стояла колонна, преграждавшая путь свету, Лидочка во всех деталях увидела любовную сцену, которая разыгрывалась на койке Марты. Правда, потом Марта упорно утверждала, что дверь была закрыта на крючок и лишь дьявольская хитрость и коварство Лидочки, которая хотела скомпрометировать Марту в глазах общественности, и в частности ее мужа Миши Крафта, позволили этот крючок откинуть, не повредив. На самом же деле ни Максиму Исаевичу, ни Марте не пришло в голову закрывать дверь на несуществующий крючок, так как они не намеревались грешить. Максим Исаевич заглянул к Марте, чтобы дать ей последний номер журнала «Огонек», который обещал ей еще за завтраком. А уж потом, слово за слово... Ведь не секрет, что санатории и дома отдыха обладают странным и еще не до конца изученным порочным свойством снижать уровень сопротивляемости порядочных женщин перед поползновениями развратников мужского пола. Впрочем, Лидочка могла бы в том убедиться на своем опыте – ведь только что она сидела рядом с Матей Шавло и не возмущалась, когда тот клал руку ей на коленку.

Лидочка настолько не ожидала увидеть то, что увидела, что, войдя в комнату и поглядев на койку Марты, никак не могла понять, почему большие крепкие ноги Марты Крафт, затянутые в серые шелковые чулки, направлены к потолку, а между ними находится округлая спина в розовой рубашке и обнаженные ягодички, которые подпрыгивают в такт тонким удивленным вскрикам Марты.

– Как? – вскрикивала Марта. – Как? Нет! Что? Где?

На глазах у Лидочки совместное движение полуодетых тел все ускорялось, и вопросы Марты становились все более громкими и настойчивыми.

Объяснение странному поведению Лидочки можно найти лишь в том, что ее собственный опыт в этой области был невелик и ограничивался лишь Андреем и ей никогда не приходилось

видеть акт любви со стороны в исполнении иных людей. Надо сказать, что это представление Лидочке не понравилось и показалось некрасивым.

– Да! Да! Да! – торжествующе закричала Марта, и тут оцепенение спало с Лидочки, и, догадавшись, невольной свидетельницей какого таинства стала, она отступила к двери, правда, к сожалению для всех, уйти не успела. Марта, придя в себя, воскликнула:

– Ты что здесь делаешь?

Приземистый Максим Исаевич не стал даже оправдываться – он соскользнул с Марты и ловким движением отыскал на полу возле кровати свои брюки, сделал шаг к окну и быстро стал их натягивать.

– Ой, простите! – сказала Лидочка.

– Шпионка! Диверсантка! – вдруг закричала Марта, натягивая на себя покрывало. Ее черные глаза сверкали ненавистью, и Лидочка поняла, что ей лучше ретироваться.

Так и получилось, что Лидочка оказалась одна в коридоре в половине четвертого пополудни, когда весь санаторий погрузился в послеобеденный сон.

* * *

Она спустилась вниз, прошла в гостиную. В гостиной никого не было, а библиотека была закрыта. По стеклам окон текли струйки воды, ели подступали к окнам, чтобы было еще темнее и сумрачней.

«И зачем я согласилась поехать в санаторий в это мертвое время? Я же не увижу ни капельки солнца, я буду ходить по этим скрипучим лестницам и мрачным, недометанным залам, откуда даже привидения эмигрировали в Западную Европу, я буду избегать Матю, чтобы он меня не соблазнил, и Алмазова, чтобы не прижал в углу, за что ангельского вида Альбина ночью выпарапает мне глазки. А теперь еще осложнятся отношения с Мартой, которая на меня обижена за то, что я не стучусь, входя в дверь, не говоря уж о президенте Филиппове, который меня не выносит...»

Пребывая в таком печальном настроении, Лидочка прошла в альков гостиной, где под портретом молодой женщины, заморенной Петром Великим, стояли павловский диван и два кресла. Возле них торшер. Лидочка решила, что посидит здесь, и хотела зажечь торшер, чтобы не мучиться в полутьме, но торшер, конечно, не зажегся, и Лидочка уселась просто так. Никого ей не хотелось видеть. Ни с кем не хотелось разговаривать.

В тот момент она услышала нежный шепот:

– А я вас искала.

Темная тень скользнула из-за киноаппарата, который стоял перед диваном, и уселась на диван рядом с Лидой.

Лида сразу узнала Альбину, спутницу Алмазова, из-за которой вчера и разгорелся весь сыр-бор. Меньше всего ей хотелось общаться с этой ласковой кошечкой.

– Я как раз собиралась к себе пойти, – сказала Лидочка.

– Ой, не надо врать, – прошептала Альбиночка. – Я же за вами от бильярдной следила. Вы у себя в комнате были, а там Марта Ильинична с администратором из мюзик-холла, правда?

Альбина засмеялась почти беззвучно, но без желания кого-то обидеть. Ей казалось смешным, как Лида стала свидетелем такой сцены.

– Я все замечаю, – сочла нужным пояснить она. – Я даже не хочу, а вижу. Как будто меня кто-то за руку подводит к разным событиям. Вы не думайте, что это Ян Янович, он даже и не знает, как я все замечаю. А зачем ему знать?

Лидочка не стала возражать. «Пусть говорит, потерплю». Но намерение Лидочки отсидеться, пока Альбина кончит свой монолог, оказалось тщетным, потому что уже следующей своей фразой Альбина удивила Лиду.

– Вы, наверное, думаете, чего меня Ян Янович к вам прислал. А все совсем наоборот. Если он узнает, что я с вами разговаривала, он так рассердится, вы не представляете. Он меня может побить, честное слово...

Альбина сделала паузу, как бы желая, чтобы смысл ее слов получше дошел до Лидочки, а Лидочка успела подумать, что Альбина испугалась соперницы: она, видно, решила, что Лидочка готова заступить на ее место при бравом чекисте.

– Вы уже, наверное, догадались, что я вам скажу, только вы неправильно догадались.

Альбина говорила вполголоса, впрочем, говорить громко в той гостиной было бы неприлично – такая тишина царила в доме. Альбина, поудобнее устраиваясь на узком диване, подобрала под себя ноги, и диван закрипел, будто был недоволен тем, что кто-то посмел забраться на него с ногами.

От Альбины пахло хорошими французскими духами – Лида любила хорошие духи, и ей было грустно, что теперь у нее нет таких духов и вряд ли в жизни ей удастся снова надуться ими. И как ни странно, этот добрый терпкий запах примирял Лиду с присутствием этой чекистской шлюшки – как будто возможность вдыхать аромат была платой за необходимость слушать ее излияния. А может, и угрозы.

– Мне бы не хотелось, – сказала Альбина, – чтобы вы сблизились с Яном Яновичем. Я человек прямой, я сразу вам об этом говорю, без экивоков.

– А почему вам кажется, что мне этого хотелось?

– Нас редко кто спрашивает, – сказала Альбина и улыбнулась, в полутьме сверкнули ее белые ровные зубы. – Нас, красивых женщин, берут, и от нас зависит лишь умение отдаться тому, кто нам больше нравится. Только, к сожалению, даже этого нам не дают.

– Ваш Алмазов, – сказала Лидочка с прямою дамы с хорошим дореволюционным воспитанием, – мне ничуть не симпатичен, и я не собираюсь с ним сблизиться.

– Я вижу, что вы искренняя, – сказала Альбиночка, – но ваше решение так мало значит!

– Если оно так мало значит, зачем со мной разговаривать!

– Потому что я хочу, чтобы вы отсюда уехали. Тут же.

– Почему?

– Вы ему страшно понравились! Если вы останетесь здесь, Лида, вы обречены. Я клянусь вам.

– Вы ревнуете? – спросила Лида. Чтобы что-то спросить – нельзя же так: слушать и молчать.

– Господи, сколько вам лет?! – Альбина сморщила нос, нахмурилась, сразу стала старше – даже в полутьме видно. Наверное, со стороны они кажутся добрыми подружками, обсуждающими мелкие дела – какую шляпку купить или где достать муфту из кролика. Пустяки... делят чекиста Алмазова, а он Лидочке вовсе не нужен. Не нужен, но как не хочется признаваться в этом мямле с томными глазками. «Боишься потерять паек и защиту, надеешься, что он возьмет тебя в жены и станешь ты комиссаршей на конфискованном фарфоре». Эти мысли неслись где-то в подсознании и никак не отражались на лице Лидочки – она вела себя как ирокез на ответственных переговорах с бледнолицыми.

– Разве мой возраст так важен? – спросила Лидочка.

– Я думаю, вам не больше двадцати, – сказала Альбина. – А мне уже тридцать.

– И что из этого следует? – Лидочкиному тщеславию захотелось поглядеть на себя со стороны. Приятно быть сильнее и знать, что Альбина вымаливает у нее то, что Лидочке не нужно, то, с чем она готова расстаться, не имея. Но пускай помучается.

– Вы его любите? – спросила Лидочка.

– Господи, о чем вы говорите?

– Тогда зачем вы со мной разговариваете?

– Потому что вы еще ребенок, вы не понимаете, на что себя обрекаете, если попадете в когти этому стервятнику.

– А вы?

– Обо мне уже можно не думать, со мной все кончено. Он – моя последняя надежда, нет, не надежда – он моя последняя соломинка.

Лидочке хотелось ей сказать: «Не говорите красиво!» – но нельзя переступать определенные правила поведения. Хорошо бы кто-нибудь сейчас пришел, и тогда бы разговор кончился...

Альбина, как и следовало ожидать, достала из махонькой бисерной сумочки махонький шелковый платочек. Из сумочки вырвался такой заряд запаха французских духов, что Лидочка чуть не лопнула от зависти. Сейчас бы сказать ей: меняюсь – тебе Алмазов, мне духи.

Альбина промакивала глаза, чтобы не потекла тушь с ресниц.

– Я не могу, он для меня все...

– Я даю вам честное слово, – сказала Лидочка, – честное благородное слово, что у меня нет ровным счетом никаких видов на вашего Алмазова. Мне он даже противен. Я скорее умру, чем буду с ним близка.

– Вы честно говорите?

– Я же дала честное слово.

– Тогда вам надо будет скрыться из Москвы.

«Господи, она просто дурочка! Она забыла, где мы живем». Но Лидочка не могла оставить последнего слова за Альбиной.

– Приедет мой муж. Он обещал...

– Ты с ума сошла! – Только тут Лида увидела, как Альбина испугалась. – Умоляю, пускай он не приезжает!

Почему-то тут Альбина задрала широкую шелковую юбку, оказалось, что на ее панталонах был сделан карман – оттуда Альбина вытащила помятую на углах и сломанную пополам фотографию-визитку и протянула ее Лиде. Можно было лишь угадать, что на фотографии изображен какой-то мужчина и рядом с ним Альбина – они похожи друг на дружку, даже головы склонили одинаково, а у Альбины на шее те же бусы, что сегодня, и так же завиты кудри на висках. Значит, фотография снята не так давно.

Альбина обернулась – никого близко не было, – дом Трубецких застыл, сонно зажмурился в полумраке дождливого дня. Она спрятала визитку на место и оправила юбку.

– Поняли? – спросила Альбина шепотом. – Это мой муж. Вам понятно?

Лиде ничего не было понятно. И она задала глупейший из возможных вопросов.

– Он приедет, да? – спросила она.

Альбина смотрела на Лиду широко открытыми глазами, на нижних веках скопилась вода, которая никак не могла превратиться в слезы и скатиться вниз.

– Когда Георгия взяли, – сказала Альбина как во сне, ровно и невыразительно, – то он меня допрашивал... Ян. Он меня допрашивал и отпустил. Но потом приехал ко мне и сказал, что может нам помочь. Хоть дело очень сложное и помочь почти невозможно. Мой муж грузин, вы понимаете?

Лидочка ничего не ответила.

– Все это очень сложно. У них там все перепуталось. Мой Георгий – дальний родственник Ильи Чавчавадзе, это вам что-нибудь говорит? Тогда не важно, это и мне было не важно. Георгий из очень уважаемой фамилии – мы с ним бывали в Вани, там у них дом на берегу Куры, там очень красиво. Но Георгий мне говорил, что он обречен, – а я смеялась, понимаете, он театральный художник – он даже в партию не вступал... Ян сказал, что я одна могу помочь Георгию. Если я буду покорна. Вы меня поняли? Теперь я понимаю, что я тоже обречена. Даже если он спасет Георгия. Вы верите, что он спасет Георгия? Не говорите – я не верю. Он говорит,

что время идет и он старается, но не все от него зависит, я играю в театре, и у меня была роль в кино – я сейчас все бросила. Он сказал, что все зависит от того, смогу ли я его полюбить. Он понимает, что я делаю это для Георгия, но, когда Георгий придет, он меня убьет. Вы не представляете, какой он у меня дикий. Но я же не могу... если есть один маленький-маленький шанс. Я должна сделать, чтобы Ян меня любил, если он меня любит, он сделает что-то – он ведь не совсем плохой, иногда бывает такой забавный... Так вы уедете, Лида?

Лида ответила не сразу. Она не думала над ответом, она думала: а что, если Алмазов начнет раздевать Альбину и найдет эту фотографию? Наверное, он рассердится, – но куда спрятать фотографию?...

– Вы думаете о другом, да?

– Я думаю... что если я сейчас уеду и постараюсь скрыться, то, может, будет еще хуже. Он вас заподозрит.

– Но я не знаю, что делать! Ну просто хоть вас убивай.

И Лидочка вдруг поняла, что Альбина сказала это совершенно серьезно, что она готова убить Лиду, потому что зашла так далеко в своих жертвах Георгию, что смерть Лиды мало что меняла в ее трагедии.

– Не надо меня убивать, – сказала Лида. – Я обещаю вам, что он ко мне не притронется. А если притронется, я уеду.

– Вы мне даете слово?

– Даю.

– Только не уходите. Я вам все рассказала, а теперь вы одна все знаете. А мне обязательно надо вам еще сказать, потому что я не могу все хранить в себе. Вы знаете... – Альбина говорила быстро, скороговоркой, глаза ее лихорадочно блеснули. – Я должна вам рассказать, что он со мной делает. Георгий очень целомудренный человек, для него любовь – это слияние двух любящих сердец. Вы давно замужем?

Лидочке не хотелось слушать. Альбина была больным человеком – она уже две недели жила в постоянном обреченном ужасе, она поддерживала себя пустой надеждой на возвращение Георгия, хотя знала, как и все вокруг, наверное, знали, что Георгия она не вымолит и не заработает. А если случится чудо и Георгий останется жив, то он на самом деле либо убьет ее, либо, пожалев, бросит – он не сможет жить с ней, как, впрочем, и она... И мука Альбины усугублялась тем, что она вынуждена была сносить косые взгляды, насмешки и даже оскорбления близких, потому что все видели то, что лежало сверху, – ее жизнь при Алмазове, что вдвойне было предательством мужа.

С каждым днем Альбина все глубже увязала в двусмысленности своей жизни – отказаться от Алмазова и с этим от иллюзорной надежды спасти Георгия было невозможно. Значит, надо было сделать так, чтобы Алмазов полюбил ее, чтобы он ее ценил, чтобы ее тело казалось ему лучшим и самым желанным, чтобы ее поведение, ее послушание и всегдашняя улыбочка ему нравились и радовали его взор. И тогда он, преисполненный благодарности и нежности к ней, освободит Георгия.

Все в Альбине было расколото надвое. Она ненавидела Алмазова – его пальцы ей были отвратительны, его улыбка страшна, а гнилой обломанный зуб – правый клык – вызывал тошноту. Все было ненавистно в Алмазове – но надо было терпеть, улыбаться ему, разрешать его рукам трогать живот, грудь и ягодицы, вести себя так, чтобы Алмазов не догадался об ее отвращении, наоборот – думал о радости, которую он ей доставляет своими ласками. Ни на секунду Альбиночка, которая всю жизнь до того существовала в атмосфере нежного мужского поклонения, шуток и загородных пикников, мелких театральных интриг и совсем уж пустяковых ссор с ревнивцем Георгием, ни на секунду не могла расслабиться, рискуя показать Алмазову, как на самом деле она к нему относится. Ни на секунду – это было самым страшным, самым трудным, самым невыносимым и вело, как ни странно, совсем уж к неожиданным последствиям. Во-

первых – Альбина, опомнившись, сама не могла понять, как такое возможно, – она испытывала порой ненависть к Георгию, даже желала ему смерти. «Как ты смел сделать то, что ты сделал! Обидеть и рассердить товарища Сталина и товарища Алмазова! Как ты смел вести себя так, чтобы тебя арестовали и мне пришлось из-за этой твоей глупости пойти на такое унижение!» Это он, именно Георгий, виновник всех бед Альбиночки, и потому он ненавистен, да, ненавистен! Это настроение проходило, сменялось еще большей виной перед страдающим Георгием и пониманием того, что, как бы она ни любила мужа, на что бы ни шла ради его спасения, сами ее действия – смертный приговор их будущей жизни.

Но даже это было не самым страшным. Оказалось, что человек может пасть еще ниже, чем сам предполагает возможным. С самой первой ночи, проведенной с Алмазовым, с ночи, как и последующие их свидания, переполненной ужасом и отвращением, с Альбиной происходило нечто постыдное и необъяснимое – но происходило. Отчаянно, но лишь мысленно сопротивляясь каждому движению Яна, рукам, которые ее раздевали, тяжелому телу, которое придавливало ее к кровати, губам, которые слюнявили ее губы и щеки, зубам, которые делали так больно ее соскам, Альбина через пять-десять минут подчинялась ритму Алмазова, воистину становилась его любовницей и забывала на секунды об ужасе и отвращении, потому что проваливалась в пучину позорного безумного наслаждения, и руки ее помимо воли прижимали к себе рычавшего Алмазова, и ногти впивались ему в широкую спину, а тело раскрывалось навстречу ударам, которые он наносил ей, а губы искали рот Яна... Когда же обессиленный и потный Ян скатывался в сторону, Альбина прижимала к глазам кулачки и закусывала губу – только чтобы не заплакать, только не показать, какая громадная, удушающая волна ужаса и ненависти к себе накатила на нее... Но Алмазов ничего не замечал, он быстро, но ненадолго засыпал и во сне неразборчиво бормотал и скрипел зубами, а Альбина лежала рядом, на спине, так и не пошевелившись, – и мечтала о том часе, когда вернется Георгий, она встретит его, накормит, улыбнется ему, потом пройдет на кухню и выбросится с восьмого этажа: она уже примерилась – створка окна была узкой, но Альбина могла в нее протиснуться...

Не все, но какие-то невнятные обрывки этого внутреннего монолога Лидочка слышала, и поняла остальное, и сжалась в ужасе перед неизлечимой бедой этой милой, очаровательной, элегантной женщины, созданной для милой и элегантной жизни и обреченной теперь на ничтожество и смерть. И выхода не было, и Лидочка ничем не могла ей помочь.

А сейчас Альбина была занята лишь одной мыслью – не потерять страшного ненавистного любовника, потому что тогда никто не захочет помочь Георгию и ни с чем не соизмеримая жертва Альбины окажется лишней. Ты можешь с болезненным наслаждением думать о том, что выбросишься из окна, когда твоя жертва принесет свои плоды, когда рядом будет спасенный такой дорогой ценой Георгий. Но насколько пуста и никому не нужна смерть в одиночестве, в сознании того, что Георгий мерзнет на Соловках или даже стоит у стены в ожидании залпа.

Лидочка как могла утешала Альбину, хотя понимала, что пройдет несколько минут, и Альбина снова начнет терзаться подозрениями...

К счастью, Альбина разрыдалась – она дрожала, пряталась на Лидочкиной груди, словно та была ее мамой, которая утешит и спасет от безвыходности взрослой жизни.

– А я боялась, – бормотала она в промежутках между приступами рыданий, – я боялась, что вы такая... что вы хотите его отнять... а может, я думала, у вас кто-нибудь тоже там... и вы хотите, как я, спасти... А он меня заставляет еще следить, за Матвеем Ипполитовичем велел следить, с кем он разговаривает и о чем... а я совсем не умею следить и не понимаю. Они разговаривают с профессором Александрийским, они говорят про свои дела, а Ян Янович сердится, что я не понимаю... Ой, если он увидит, что у меня глаза распухли, что он со мной сделает...

Лидочке и жалко было Альбину, и хотелось уйти от нее, забыть, как уходят звери от больного собрата – ты не поможешь, но боишься заразиться.

Стало совсем темно, хотя еще не было шести. Лида думала, как сделать, чтобы Альбина ушла, – она так устала от этого разговора и чужого горя. Но никак не могла придумать повода, который заставил бы Альбину подняться.

– Я так боялась, – снова зашептала Альбина, – я так боюсь – у меня неделю назад уже месячные должны были начаться. А ничего нет. Как будто и не должно... Скажите, а может быть, это от нервов? Ведь бывает, что от нервов?

«Господи, – подумала Лида, – за что же Ты так жесток к этому созданию? Чем Альбина могла прогневить Тебя?»

– Конечно, – сказала Лидочка, – это очень похоже на нервы.

И тут в тишине послышались четкие женские – на каблуках – шаги.

Шаги завернули из прихожей в гостиную. Альбина вскочила.

И тут же щелкнул выключатель и зажегся свет.

В гостиной стояла Марта Ильинична, жмурилась, вертела головой, приглядывалась – увидела.

– Так я и думала, – заявила она. – Где ты могла быть? Свет нигде не горит, в бильярдной Вавилов с Филипповым шары катают... Извините, я помешала, у вас интимная беседа?

Альбина сказала:

– Ничего особенного, – и пошла из гостиной, отворачиваясь от Марты.

Марта смотрела ей вслед и, дождавшись, пока та вышла, спросила:

– Лида, ты что, забыла, кто эта тварь?

– Вы не все знаете.

– Я знаю то, что видят мои глаза. И единственное возможное оправдание для тебя, что она тебе нравится как девочка.

– Я не понимаю.

– Отлично понимаешь, котенок. Но я не об этом.

Марта уселась на диван рядом с Лидой.

– Ох, утомил он меня, – сообщила она.

Лида никак не могла вернуться к мелочам санаторной жизни после монолога Альбины. Она даже не сразу вспомнила, что была свидетельницей романа Марты, и та теперь намерена каким-то образом подвести итоги этой сцене.

– Мне надо идти, – сказала Лида.

– погоди, успеешь, я только два слова.

Марта дотронулась до плеча Лидочки.

– Мое горе в том, – сказала она торжественно, – что я люблю одинаково страстно и мужчин, и женщин. Видимо, я существо высшего порядка.

Марта тихо рассмеялась и показала ровные желтоватые зубы.

– Максимка – мой старый приятель. Ты еще под стол пешком ходила, когда мы с ним подружились. Я это говорю на случай, если ты что-нибудь подумала.

– Я ничего не подумала!

– Нет, вижу, что подумала! Признавайся, подумала?

– Марта, клянусь вам, я даже ничего не видела!

– Как так не видела? – Этого Марта не смогла перенести. – Я думала, что всю подушку зубами изорву, а она – не видела!

– Ну видела и забыла.

– Вот и хорошо. У меня к тебе одна просьба – Мишка Крафт не должен ничего знать. У него слабое сердце и нет чувства юмора.

– Он ничего не узнает, – сказала Лида.

– Вот и отлично.

От бильярдной слышались голоса, в гостиную вошли какие-то мужчины, но Лидочке из-за колонн не было видно кто.

– Предупреждаю, – сказала Марта, поднимаясь с дивана, – если этот сексуальный маньяк будет к тебе лезть, отшей его немедленно! Иначе будешь иметь дело со мной.

– Вы о ком?

– Как о ком? О Максиме!

Марта пошла прочь, исчезла за колоннами, и оттуда слышался ее оживленный голос:

– Ну как бильярдные страсти? Надо играть на коньяк, товарищи. А коньяк отдавать дамам.

И Марта заразительно рассмеялась.

Глава 3

Вечер и ночь 23 октября 1932 года

Лиде не хотелось идти на ужин. Она надеялась, что, если спрячется в комнате, не зажигая света, о ней забудут.

За окном лил бесконечный дождь, но само стекло было сухим: в этом месте над входом нависал опиравшийся на колонны портал.

Два фонаря, висевшие на столбах перед домом, освещали начала дорожек, что спускались к среднему пруду. Между дорожками лежал широкий, покатым газон, а за ними стояли ряды вековых лип.

Парк будет таким же пустынным, когда вымрет все человечество – от чумы или от войны. И окажется, что все, еще вчера бывшее антуражем, не более как фоном, частично созданным человеком, а частично использованным, вдруг обернется истинным содержанием земного пейзажа, и окажется, что человек в нем вовсе не обязателен. Это было грустно, еще вчера Лидочка так бы и не подумала, а сегодня не только думала, но и понимала справедливость такого решения судьбы человечества, недостойного лучшей участи. И особенно нелепо было видеть сходство в судьбах двух столь непохожих женщин. Казалось бы, ничего не было общего в приключении, которое устроила себе Марта, завлекши в постель Максима Исаевича, и той тоске, с которой отдавалась вчера и будет отдаваться сегодня Алмазову милая Альбиночка. Сходство было не в соитии, но в отсутствии любви – завтра обстоятельства могут перемениться, и тогда Марта Ильинична будет обнимать Алмазова, наивно полагая, что тот, насладившись ее прелестями, выпустит на волю Мишу Крафта, а Альбиночка, не подозревая, какая чаша ее миновала, заманит к себе в комнату театрального администратора Максима Исаевича, то ли из маленькой актерской корысти, то ли просто от ощущения особой курортной свободы и безнаказанности...

В дверь постучали.

Лидочка не стала откликаться – ей никого не хотелось видеть и было страшно, если это окажется Алмазов. Лидочка вцепилась ногтями в широкий деревянный подоконник, спиной ощущая желание невидимого человека войти в комнату. Какая глупость, что здесь не положены крючки или замки, – это идет от больничных правил, сказала еще днем докторша Лариса Михайловна. Был случай, лет пять назад, когда жена одного академика умерла в комнате от удара; пока стучали, да бегали за слесарем, да ломали дверь – она и умерла. И тогда директор сказал: у нас лечебное учреждение, а не развратный курорт для скучающих баб. И замки, а также крючки сняли. Совет отдыхающих Санузии, оскорбленный тем, что его заподозрили в стремлении к разврату, взбунтовался и устроил митинг, который постановил отказаться от компота. Но Президиум Академии наук поддержал инициативу директора – хотя бы потому, что академики были стары, но у некоторых были молодые жены, приобретенные после революции. Эти жены ездили отдыхать в Узкое и подвергались соблазнам.

Еще раз постучали. Уйдет или нет? Нет, не ушли! Дверь заскрипела, и незнакомый тихий голос несмело произнес:

– Простите, я догадался, что вы здесь, я только на минуту.

Господи, какое облегчение испытала Лидочка оттого, что голос принадлежал не Алмазову.

– Входите, – сказала она, оборачиваясь, – я задумалась.

Мужчина приблизился, и по силуэту, по росту и толщине Лидочка догадалась, что рядом с ней стоит старый друг Марты, жертва отсутствия крючков Максим Исаевич.

– Вы сегодня присутствовали... – сказал он и сделал длительную паузу, за которую он успел извлечь из кармана и развернуть большой носовой платок.

– Присутствовала и забыла, – сказала Лидочка. – И вы забудьте.

– Я, как член партии, нахожусь в очень сложном и деликатном положении, – быстро заговорил Максим Исаевич, словно в нем открылись шлюзы и он спешил выложить заранее заготовленный и заученный наизусть текст. – Вы не представляете, сколько в театре у меня недругов и завистников. Если же кто-нибудь узнает, что я сблизился с женой сосланного элемента, разве я могу кому-нибудь доказать, что я абсолютно ни при чем – я был завлечен и совершенно не представлял, потому что был уверен, что и в самом деле меня пригласили занести номер журнала «Огонек», в котором напечатан очень увлекательный рассказ Пантелеймона Романова, но обстановка меня расположила... да... Да! Что было, то было!

– Уходите, – сказала Лидочка, жалевшая теперь, что так долго слушала этого напуганного человека. В его монологе Лидочке открылся еще один секрет – сколько же ей еще предстоит их узнать! – оказывается, наш Миша Крафт, который находится в ответственной командировке, на самом деле сослан. Но почему тогда Марта попала сюда, в святая святых Академии, уж наверное, об этом должны знать сотрудники товарища Алмазова. Неужели проворонили? Значит, в комнате две соломенных вдовы, и обе таятся...

Максим Исаевич продолжал бормотать, останавливаясь лишь затем, чтобы промокнуть платком потный лоб.

– Тогда я сама уйду, – сказала Лидочка. – Из-за вас мне нет покоя в собственной комнате!

– Нет, вы меня неправильно поняли! – крикнул ей вслед Максим Исаевич, когда она выполнила угрозу, но сам из комнаты не вышел, так и остался в темноте.

Лидочка пробежала несколько шагов. Дверь в кабинет доктора была приоткрыта. Лариса Михайловна сидела за столом и писала в большой амбарной книге. Наверное, составляла отчет об истраченных лекарствах или квартальную сводку об улучшении здоровья вверенных академиков, но Лидочка вообразила, что докторша пишет донос – сидит тут день за днем и пишет донос: «Палата номер три. Содержание палаты: доктор исторических наук Пупкин и младший научный сотрудник Рабинович. Вчера до трех часов ночи вели недозволенные рассуждения об обязательном провале первой пятилетки и невозможности построения Магнитогорского металлургического комбината в одной отдельно взятой стране».

Лидочка миновала кабинет докторши. Сзади скрипнула дверь. Лидочка обернулась – это из ее комнаты выглядывал Максим Исаевич.

Куда деваться?

Лидочка спустилась вниз по узкой служебной лесенке. Там пахло пищей. Отдаленно звенела посуда, слышались голоса. Белый короткий коридорчик заканчивался двумя дверями – Лидочка толкнула ту, что была прямо перед ней, – оказалось, это – клозет для уборщиц: там стояли щетки, метлы и ведра. Лидочка закрыла дверь и повернулась к другой двери. За ней обнаружился коридор: направо он вел на кухню, впереди была комната, где мыли посуду, а налево можно было пройти в буфетную и обеденный зал, откуда доносились голоса – ужин уже начался.

Лидочка стояла в нерешительности, придерживая приоткрытую дверь. Она ждала чего-то, как отбившаяся от стаи антилопа ожидает неминуемой гибели. Неизвестно лишь, откуда она грядет.

Наверху скрипнула ступенька. Кто-то осторожно спускался на первый этаж. Лиде было неприятно, что ее кто-то выслеживает. И даже страшно.

В коридоре было пусто. Лида шагнула туда и повернула налево.

Здесь было светло и многогласно – страх исчез. Лидочка пересекла буфетную. Навстречу ей спешила толстая подавальщица с пустым подносом. За спиной стучали шаги – из моечной появилась Полина. Она прижимала к груди небольшую кастрюлю. В ту же секунду вновь отворилась дверь, ведущая на лестницу, и из нее вышел усатый мужчина в синих галифе и пиджаке – именно он и спускался вслед за Лидочкой по лестнице.

Увидев Полину, мужчина в галифе предупреждающе крикнул:

– Полина! Полина Покровская, я к тебе обращаюсь!

– А чего? – крикнула в ответ Полина, отступая назад в посудомоечную.

Мужчина пошел за ней.

– Я тебе вчера приказал – представить паспорт и трудовую книжку. Казалось бы – ясное задание?

– Я принесу, ей-богу, принесу, товарищ директор. У меня все документы у тетки на Басманной лежат, честное слово, принесу, ну завтра, а хотите, нынче в ночь поеду?

– Может, и поедешь, только пропадешь – не найти тебя. Лучше я тебя завтра утром отправлю, приставлю к тебе сторожа Силантьева и отправлю.

– Это почему же Силантьева?

– А знаешь почему, – директор понизил голос, будто секретничал, – потому что он мне письмо прислал, что ты не та, за кого себя выдаешь, и вовсе ты не Покровская, а Полина Луганская, любовница князя.

– Это ж вранье! Вы меня с детства знаете!

– Знаю-то знаю, а сомневаюсь, гражданка Покровская, и попрошу не отвлекать меня разговорами, до утра из комнаты не выходи, а утром телегу дам, Силантьев тебя отвезет.

– Товарищ директор...

– Не могу, Полина. И не проси.

По проходу быстро прошла девочка с черной косой – принесла новый поднос с тарелками. От подноса шел вкусный запах макарон с мясом. Директор проводил поднос взглядом и увидел ненужного свидетеля – Лидочку.

– А вы что здесь делаете, гражданка?

Лидочку оттолкнула толстая подавальщица, которая примчалась за новым подносом, она поменялась подносами с девочкой.

– Посторонись! – сказала она директору, тот смешался и отступил к лестнице.

– Чтобы ни-ни! – крикнул директор оттуда и исчез.

Лидочка хотела идти в зал, но Полина ее окликнула.

– Постойте, погодите, – позвала она. – Одну секунду!

Полина не выпускала из рук кастрюлю.

– Возьми, спрячь у себя! – Голос Полины был чрезвычайно настойчив. Она протянула кастрюлю Лиде.

– Ну что вы!

– Мне же некуда спрятать! Он кастрюлю у меня в руках видел – значит, ночью они обыск у меня в комнате устроят. Разве я не знаю – я их хорошо знаю!

– Но куда я это дену?

– Вы к себе в комнату пока поставьте, под кровать, никто до завтра не будет у вас искать. А завтра, если жива буду, – возьму. Ну скорей же! Христом Богом молю!

Полина говорила сердито, будто Лидочка была виновата в ее злоключениях. И Лидочка подчинилась. Почему подчинилась? Наверное, потому, что поверила, что жизнь Полины зависит от этой кастрюли.

Кастрюля была тяжелой, Лидочка чуть было не уронила ее.

– Да беги ты! – с раздражением к человеческой глупости воскликнула Полина. Глаза ее казались громадными, черными и даже страшными, Лида стала подниматься по лестнице – и все быстрее, раз только оглянулась – увидела, что Полина стоит и глядит настойчиво вслед...

Верхний коридор был пуст. Только дверь в кабинет докторши была приоткрыта. Лидочка проскочила ее, не оглядываясь, и уже побежала к своей комнате, как услышала сзади голос Ларисы Михайловны:

– Иваницкая, что с вами? Что вы несете?

«У тебя мгновение, чтобы придумать ответ».

– Ах, – Лидочка остановилась, оглянулась и ответила сразу, чтобы Лариса Михайловна не успела заглянуть в кастрюлю: – Я горячей воды налила, хочу голову помыть.

– Но сейчас же ужин!

– Вот именно! – Достаточно ли жизнерадостно звучит ее голос? – В душе никого нет, я спокойно вымоюсь.

– Только на улицу после этого – ни-ни! – крикнула добрая докторша.

Лидочка спряталась в своей комнате, закрыла дверь. Темнота в первое мгновение была спасительной, но тут же ей показалось, что Максим Исаевич так и не ушел – все еще прячется в комнате. Крепко прижав кастрюлю к животу, Лидочка нащупала на стене выключатель. Загорелся свет. Комната была пуста.

Лидочка быстро нагнулась и задвинула кастрюлю под кровать.

Лидочка высунула нос из двери – нет ли докторши? Пусто.

Она побежала к главной лестнице, которой заканчивался коридор с левой стороны. То была парадная лестница, с трюмо в рост человека между пролетами. Навстречу Лидочке поднимались незнакомые отдыхающие, по взгляду одной из женщин Лидочка догадалась, что ее прическа не в порядке. Она остановилась, поглядела в трюмо. Не прическа, а воронье гнездо. Лида поправила волосы, потом десять раз медленно вздохнула и тут подумала: «Ну и глупая я – чего же не посмотрела, что в кастрюле? Неужели сокровища князей Трубецких? А я их – под кровать!»

С этими мыслями Лидочка вбежала в столовую, в дверях она столкнулась с Борисом Пастернаком, он уступил ей дорогу. А вот Алмазов, что сидел за средним столом, резко обернулся – через плечо посмотрел кошачьим немигающим взглядом. Альбина сидела рядом, тихая, как мышка.

Лидочка пробежала к своему месту. Там стояла тарелка с макаронами – Марта взяла для нее и сберегла. И ждала.

– Ты что? – спросила Марта.

– Задержалась, – прошептала Лида. И, не одолев внезапного озорства, добавила: – Твой поклонник прибежал, испугался огласки.

– Мой... что? Ах, мерзавец! Заяц толстозадый! Практически изнасиловал меня, а теперь перепугался.

– Девушки, – со своего стола крикнул Матя. – Сегодня танцы до утра! Первый фокстрот за мной!

– Спокойно, спокойно, – прервал поднявшийся гомон президент Филиппов. – Для сведения граждан отдыхающих, которые не в курсе дела или не прочли объявления возле входа в бильярдную, довожу до сведения, что никаких танцев до утра не предусмотрено. Танцы проводятся в большой гостиной под патефон, пластинки привезены уважаемым профессором Глазенапом, за что мы его поблагодарим.

Кто-то по примеру президента похлопал в ладоши, а потом президент завершил свое выступление:

– Завершение танцев с ударом гонга в двадцать два часа ноль минут. Попрошу заявление доктора Шавло считать неудачной шуткой.

Матя развел руками – он сдавался.

Лидочка обвела взглядом людей, сидевших за столами, оживленных и радостно зашумевших, будто они в жизни еще не занимались таким любопытным и радостным делом, как танцы под патефон. Им нет дела до бед Альбины или Полины.

Ванюша Окрошко глядел на Лидочку исподлобья – видимо, унижение уже миновало, и теперь ему страшно хотелось узнать, останется ли Лида на танцы. А где Александрийский? Его не было – надо будет узнать, не заболел ли он.

Как Лидочка ни отводила глаза, все же попалась – встретила с глазами Алмазова, поймал он ее – подмигнул, как подмигивает рыбак попавшейся золотой рыбке. Альбина смотрела в скатерть и водила по ней вилкой.

Наверное, Лидочка должна была беспокоиться о кастрюле, желать заглянуть в нее – а вдруг там золото или адская машина? Но думать о кастрюле не хотелось – что бы там ни было, все это от Лидочки бесконечно далеко. И не очень интересно. Мало ли что хочется хранить официантке в эмалированной кастрюле.

Быстро проглотив макароны и запив их чаем с лимоном, Лидочка вскочила из-за стола, сказав Марте, что вернется к танцам.

Александровского она отыскала быстро. Он сидел с Пастернаком в комнате у докторши Ларисы Михайловны. Там горела настольная лампа под зеленым абажуром. Пастернак держал в руке лист бумаги, он читал, лишь иногда заглядывая в него. Лидочка не посмела зайти, но остановилась перед дверью так, что ее можно было увидеть.

Александровский, сидевший лицом к двери, почувствовал ее присутствие, узнал Лидочку и поднял худую жилистую руку.

– Ворота с полукруглой аркой, – читал Пастернак, не спеша, нараспев, для себя, не заботясь о том, слушают его или нет, – впрочем, это была лишь видимость – конечно же, он слушал, как ему внимают

...холмы, луга, леса, овсы.
В ограде – мрак и холод парка
И дом невиданной красы.
Там липы в несколько обхватов
Справляют в сумраке аллей,
Вершины друг за друга спрятав,
Свой двухсотлетний юбилей.
Они смыкают сверху своды,
Внизу – лужайка и цветник,
Который правильные ходы
Пересекают напрямик...

Лидочка понимала, что Пастернак говорит об Узком, об этих аллеях, увиденных точно и преображенных его талантом.

Под липами, как в подземелье,
Ни светлой точки на песке,
И лишь отверстием туннеля
Светлеет выход вдалеке...

Пастернак оборвал чтение за мгновение до того, как послышался снисходительный голос, добродушный голос Алмазова:

– Развлекаемся?

Пастернак был неподвижен – словно превратился в камень. Александровский поморщился.

– С какой стати, сударь, – сказал он, – вы мешаете людям? Вас не приглашали.

– А я и не мешал, – улыбнулся Алмазов. – Мы с Альбиночкой шли мимо, и нам так понравились стихи, вы не представляете. Вы поэт, да?

Или он ничего не знал, или издевался над ними. Так как никто Алмазову не ответил, тот продолжал, будто оправдываясь:

– Я только вчера приехал, а вы, товарищ поэт, наверное, раньше меня. Так что не познакомились. Ага, смотрю – и Лида с вами. Ну, полный набор молодых дарований. Тогда, товарищ поэт, вы продолжайте, знакомьте нас, практических работников, с изящными искусствами. Я тут заметил, что скоро зима, а вы будто о лете пишете...

Пастернак молча сложил вдвое лист, положил на колено, провел по сгибу ногтем.

– Я приглашаю вас к себе в номер, – сказал Александрийский. – Там тихо, туда не входят без приглашения.

– Правильно, – Алмазов буквально нарывался на скандал, – у вас нам будет лучше. Спокойнее.

Александрийский тяжело поднялся, опираясь на палку. Пастернак поддержал его, помог подняться.

– Вы не устали? – спросил он физика.

– Хорошая поэзия бодрит, – сказал Алмазов.

Комната Александрийского была на первом этаже, но надо было пройти длинным коридором в южный флигель. Лидочка шла сразу за Александрийским и Пастернаком, а сзади не спеша шествовал Алмазов. Словно ждал, когда можно будет продолжить сражение. Альбина отстала. Лидочка подумала, а вдруг Алмазов на самом деле – неуверенный в себе человек, он старается быть главным, страшным и в то же время обаятельным, но не умеет и от робости становится только страшным. Впрочем, Лидочка была не права и понимала это.

Они прошли длинным коридором по красной ковровой дорожке, у высоких окон стояли вазы с астрами и хризантемами. В доме еще числился садовник, оставшийся от Трубецких.

У Алмазова была возможность спасти лицо – подняться по лестнице на второй этаж флигеля. Но он свернул в узкий коридорчик, ведущий к комнатам того крыла. Александрийский открыл дверь и пропустил Пастернака внутрь. Альбина прошептала Алмазову: «Ян, пойдем на танцы?» Все услышали. Алмазов не ответил.

– Заходите, Лидочка, – сказал Александрийский.

Пастернак сделал шаг в сторону, пропуская Лидочку. Затем вошел сам. Тут же за ним последовал Алмазов. У Лидочки сжалось сердце... Сейчас!

– Я вас не приглашал. – Александрийский загородил дверь.

– Я имею право, – сказал чекист. – Такое же, как и все.

– Вы не у себя в учреждении, – сказал Александрийский. – Научитесь элементарной истине – есть места, куда вам вход запрещен.

– Ну зачем нам с вами ссориться. – Алмазов из последних сил старался сохранить мир. – Я же ничего не требую, я просто как любитель поэзии пришел послушать стихи. Послушаю и уйду.

– Так вы уйдете, в конце концов, или мне вас палкой гнать?! – закричал вдруг Александрийский.

– Что-о-о? – Тон Алмазова изменился – больше у него не было сил изображать из себя интеллигентного человека.

– А то, – быстро сказал Пастернак, который, как понимала Лидочка, не считал возможным оставить Александрийского один на один с чекистом, – что я в вашем присутствии не намерен читать. Поэтому прошу вас, не мешайте нам!

Пастернак стал совсем молодым, лицо густо потемнело, кулак, прижатый к косяку двери, чтобы не пропустить Алмазова, сжался.

– Ян, – взмолилась Альбина, – я тебя умоляю!

– Молчать, сука! – Алмазов откинул ее назад, Лидочка видела ее лишь сквозь открытую дверь – Альбина ахнула и исчезла, послышался удар, звон, наверное, Альбина столкнулась с какой-то вазой. – Или вы меня пропускаете в комнату, – сказал Алмазов низким, хриплым – из живота идущим – голосом, – или пеняйте на себя. Я на вас найду материал – буржуи

недобитые! Вы к себе смее не пускать – кого смее не пускать... А я вас к себе пушу – пушу и не выпущу.

Альбина всхлипывала за дверью.

– А вы не пугайте, – сказал Александрийский так тихо, что Алмазов замолчал – иначе не услышишь ответа. – Я смертник. Меня нет – я все могу! И я намерен потратить последние дни моей жизни, чтобы жить именно так, как я хочу, словно не было вашей революции, пятилеток, вашей партии и вас, гражданин Гэпэу.

– А вот тут ты ошибаешься, Александрийский, – сказал Алмазов. – Я тебя к себе возьму, и ты перед смертью еще успеешь пожалеть, что меня обидел! Знаешь, что я заметил: старые и немощные, как ты, жить хотят куда сильнее молодых.

Лидочка ощутила, как от Алмазова тяжело несет водкой и луком. Она вынуждена была отступить внутрь комнаты.

Александрийский молчал.

– И ты, поэт вонючий, – сказал Алмазов, обращаясь к Пастернаку, – не знаю, кто ты такой и как сюда пролез, но ты будешь у двери моего кабинета на карачках свои стишки читать, понял?

– Нет, не понял! – Пастернак прижался спиной к косяку двери, голова его откинулась назад.

– Хватит, – сказал новый, неожиданно вторгшийся во взаимную ненависть сцепившихся голосов голос. За их спинами у лестницы стоял старший из братьев Вавиловых, Николай. – Хватит шума и криков в санатории. Я прошу вас, Ян Янович, немедленно уйти отсюда. Как я понимаю, вы приехали сюда отдыхать с дамой. Но так как вы не являетесь штатным работником Академии и у вашего ведомства есть свои санатории, то я должен предупредить, что ваше поведение заставит меня обратиться непосредственно к товарищу Менжинскому и сообщить, какие слова и действия вы позволяете в адрес наиболее уважаемых советских ученых. Не думаю, что товарищ Менжинский и товарищ Ягода будут вами довольны.

– Товарищ Вавилов! – За время этой длинной фразы Алмазов успел взять себя в руки. – Простите за невольный срыв – работа, нервы... Я уйду.

Альбина промелькнула перед дверью, прижимая платок ко лбу. Алмазов пошел за ней. Обернулся и сказал Вавилову:

– Ваши ученые позволяют себе политические провокации.

– Вот мы и квиты, – сказал Вавилов, глядя ему вслед, потом произнес: – А вы, Борис Леонидович, не хотите порадовать нас своим новым опусом?

– Борис Леонидович как раз собирался прочесть нам оду Узкому, написанную недавно, – сказал дипломатично Александрийский.

– Любопытно, очень любопытно, – сказал академик. – Возьмите меня в компанию. Я – плохой танцор, да и боюсь, что президент Филиппов устроит бег в мешках или игру в шарады с разоблачением империалистов.

– Прошу вас, – сказал Александрийский. Пока рассаживались, Александрийский – губы синие, бледный – показал Лидочке жестом на коробку с лекарствами. Лидочка налила из графина воды, и Александрийский принял пилюли. Все ждали, пока ему станет лучше и он даст знак к продолжению чтения. Александрийский стал дышать медленнее.

Вавилов отошел к окну.

– Какой мерзавец, – сказал он тихо.

– Это не он, это они, – сказал Пастернак.

– Спасибо, что вы пришли ко мне, – сказал Александрийский. – Лидочка, закройте дверь. А вы, Борис Леонидович, не считите за труд!

Пастернак вновь прочел стихотворение, посвященное Узкому, Лидочка запомнила последнюю строфу:

На старом дереве громоздком,
Завешивая сверху дом,
Горят, закапанные воском,
Цветы, зажженные дождем.

Странно, мы все умрем, а это стихотворение будет жить отдельно от нас, и через сто лет читатель, не ведающий о давно разрушенном Узком, будет представлять себе иные аллеи и иные поляны.

Пастернак потом читал и другие свои стихи – может, написанные здесь, а может, и раньше, но слушатели уже не могли до конца подчиниться его голосу, тень Алмазова осталась в комнате, и даже сильный характером и влиянием Вавилов нет-нет, а бросал взгляд на дверь, словно за ней остался, подслушивая, Алмазов.

Пастернак завтра собирался уезжать – если, конечно, грузовичок сможет выбраться по размытой дороге.

– Вы не останетесь еще?

– Нет, здесь плохой климат!

– Ну что вы! – наивно воскликнула Лида и осеклась со смущенной улыбкой.

– Но я рад, что вновь встретился с Павлом Андреевичем и с вами, Лида. Мне нечего подарить вам в знак восхищения... не примете ли это?

Он протянул Лидочке лист, на котором было написано «Липовая аллея».

– Может быть, – спросил академик Вавилов, – мне в настоящих обстоятельствах проводить вас до вашей комнаты?

– Не беспокойтесь, – сказал Пастернак. – Я сам провожу Лиду.

Вавилов остался у Александрийского, они принялись обсуждать какие-то университетские проблемы. Пастернак проводил Лидочку до комнаты. Он был рассеян, молчал, и Лидочка подумала, что он жалеет, что отдал ей автограф.

– Может, мне вернуть? – спросила она. – А то вы забудете слова?

– Слова? – вдруг он улыбнулся. – Слова этой песни мы знаем наизусть, – сказал он. – Простите, что я недостаточно галантен. Но уж очень негалантное время.

– Я вас прощаю. По крайней мере вы вспомнили о существовании такого слова.

У двери в девятнадцатую комнату Пастернак поцеловал Лидочку руку и сразу ушел, будто его существование в Узком уже завершилось и он мысленно пребывал совсем в другом месте.

Лидочка толкнула дверь, дверь открылась. Комната была пуста. В тишине было слышно, как за открытой форточкой скворчит дождик, а снизу из гостиной доносится патефонная музыка.

Она вдруг разозлилась на Пастернака. Какое он имел право оставить ее одну, когда ее преследует Алмазов? Поэты – эгоисты. Придя к такому выводу, Лидочка аккуратно положила автограф Пастернака на тумбочку – когда будет светло, она спрячет его получше, но сейчас не хотелось зажигать свет, доставать из-под кровати чемодан. А там кастрюля! Лидочка замерла – как же за суматохой последнего часа она могла забыть о тайне, которая ей доверена? Тайна ли?

Лидочка нагнулась и хотела достать кастрюлю. Бок кастрюли был прохладный и скользкий. А вдруг Полина вредительница и в кастрюле находятся документы или что-то плохое, из-за чего погибнет Лидочка? Чтобы превозмочь липкий страх, Лида сказала вслух:

– Шпионов не бывает! Это выдумка!

Но легче не стало – кастрюля уже не вызывала первоначального любопытства. Лида толкнула ее пальцами – кастрюля отъехала вглубь. «Тебе доверили вещь – плохую ли, хорошую, но доверили. И как только ты ее приняла, ты этим вступила в какие-то отношения с Полиной. И заглядывать в кастрюлю – нечестно».

И все же... что там может быть? Любопытство, заложенное в людях, чаще всего отвергает законы осторожности и доводы разума.

Остановись, сказала Лидочка самой себе, подавальщица Полина утаила от ужина пять порций макарон с мясом, которые хотела отнести себе в деревню, чтобы накормить своих детишек.

Это объяснение показалось ей убедительным и совсем не романтическим. И она даже намеревалась подняться с колен, как дверь за ее спиной распахнулась и женский шепот произнес:

– Она у Александрийского сидит, стихи читает, у нас есть время, вы скажите, чего хотели сказать!

– Я хотел любви, – отозвался мужской голос.

Затем последовал какой-то шум – видно, две темные фигуры в дверях, то есть Марта и неизвестный, принялись бороться. Марта не торопилась войти, а мужчина хотел закрыть за собой дверь. Что ему и удалось.

– Но почему? Почему? – требовала Марта. – У вас же комната отдельная.

– За ней следят, она под наблюдением, – ответил мужчина, и тут все еще стоявшая на четвереньках Лидочка узнала во владельце голоса самого президента Санузии товарища Филиппова. Она не сразу поверила своим ушам, потому что была уверена, что в роли соблазнителя должен выступать Максим Исаевич.

– Но если Лида вернется...

– Вы же сами сказали! – Президент громко дышал и шуршал шелковой юбкой Марты, а Марта вяло сопротивлялась.

– Нет! – вдруг заявила Марта. – Я не согласна.

Спорщики были уже в трех шагах от Лидочки, но видеть ее не могли, потому что голова ее была на уровне постели, а в комнате было совершенно темно.

– Ты бы помолчала, – сказал Филиппов, – лучше не сопротивляйся, потому что я о тебе такое знаю, что ты сама не знаешь.

– Как ты смеешь! – зашипела Марта. – Уходи!

Но страстное женское начало, управлявшее чувствами и поступками Марты, оказалось сильнее ее гражданского чувства – президент не прекратил домогательств, но в этой борьбе они продвигались медленно – кусочками шагов. Все это заняло минуту, может, две, но Лидочке, которая никак не могла решить, что для нее лучше – залезть под кровать или попытаться вырваться из комнаты, – эта сцена показалась длинной, как отчетный доклад на профсоюзном собрании.

– Она войдет! – шептала Марта.

– Она там с троцкистами сидит!

– Так не ласкают, мне больно, ой!

– Не сопротивляйся, и я покорю тебя поцелуями!

– Так уж и не сопротивляйся! А кто троцкисты?

– Александрийский и Шавло – всем известно. Если бы не товарищ Вавилов – мы бы с Алмазовым всю их шайку-лейку сегодня бы повязали... Да помоги ты расстегнуть резинку!

– Нет, сам! Но Лидочка же не виновата?

– А с ней особый разговор будет. Я уже на нее компромат собираю! Ну что резинки мешаются – я же чулки не могу снять!

– А не надо снимать – вы только резинки расстегните, и само снимется – ой, я же так сказала, а вы зачем сразу делаете!

Тут они уже совсем нависли над Лидочкой, и ей стало ужасно, что в следующую секунду они об нее споткнутся и упадут не на кровать, куда увлекала их судьба и желание, а на Лидочку.

Поэтому Лидочка, придумав наконец, что надо сказать, вскочила и сказала как можно спокойнее:

– Разрешите, пожалуйста, пройти.

В ответ раздался невероятной пронзительности визг Марты, который был прерван ладонью президента Филиппова.

Лидочка рванулась мимо них и, выбегая, столкнулась с докторшей Ларисой Михайловной, которая именно в эту секунду проходила мимо комнаты девятнадцать и, услышав нечеловеческий визг, мгновенно бросилась на помощь, потому что долг медика требовал от нее немедленных действий.

Вбегая в комнату, докторша автоматически включила свет. Тут в нее и врезалась Лидочка, но Лариса, подхватив ее, не упала и не потеряла способности наблюдать и делать выводы.

В следующее мгновение в дверь ворвался и Матя Шавло, шедший сюда в поисках Лидочки и кинувшийся на помощь.

И все они – Лариса Михайловна, Матя Шавло и Лидочка – стали свидетелями некрасивого и даже жалкого зрелища: нелепо запутавшиеся в руках и ногах партнеры стояли, обнявшись, у кровати.

– Уйдите прочь! – закричал президент, поворачиваясь к дверям и жмурясь от яркого света. В горячке он не понимал, что обнажен до пояса снизу.

Но как известно, медика человеческим телом не испугаешь, и Лариса Михайловна не смутилась и спросила:

– Кто кричал?

И тогда Марте не оставалось ничего иного, как закричать:

– Это он! Он хотел надо мной надругаться! Он напал на меня в моей комнате! Лида, подтверди!

Лида не могла ничего подтвердить, потому что ей стало смешно, смех ее передался Мате, он подхватил Лиду, чтобы она не упала. И тут начала смеяться даже серьезная докторша.

Стреноженный собственными брюками президент далеко не сразу смог спастись бегством, не смел он и проклинать виновников его несчастья, а только издавал угрожающие междометия, которые в тот момент никого не пугали.

А Лидочке настолько не хотелось в очередной раз объясняться с Мартой и выслушивать просьбы не выдавать ее маленьких тайн Мише Крафту, что она подчинилась настойчивой руке Мати, и они спустились вниз, где в гостиной горела только одна из ламп, а у патефона покорно дежурил старый астроном Глазенап. А все, кто мог, отплясывали фокстрот. Было очень душно и шумно. Матя сразу подхватил Лидочку – танцевать с ним было приятно: он чувствовал музыку и, главное, знал, как надо вести партнершу.

– Вы туда случайно зашли? – спросил он Лиду.

Та кивнула и еле удержалась, чтобы не сообщить, что это второе приключение ее соседки за день. А впереди еще четырнадцать таких дней.

– А что с ее мужем? – спросила Лидочка.

– А как его фамилия?

– Крафт. Миша Крафт.

– Кажется, есть такой органик. Но он уехал, или его сослали... не имею представления.

В дверях гостиной стояла Полина и смотрела на Матю.

* * *

Музыка прервалась. Лида хотела сказать Мате, что его ищут, но Полина пропала из глаз.

Из стопки, лежавшей рядом, Глазенап взял новую пластинку, поднес к глазам и долго шевелил губами. Кто-то крикнул из толпы:

– Румбу!

– Танго! – произнес Глазенап торжественно, словно сам собирался сыграть для присутствующих.

Началось танго, медленное и жгучее, и Лида почувствовала, как страсть овладевает Матей. Она Мате симпатизировала, но не настолько, чтобы обниматься с ним посреди зала, тем более что прошедший день сказал ей многое о странностях любви.

– Матя, – сказала она, – обернитесь к двери в столовую. Только не сразу и не привлекая внимания. Вы знаете эту женщину?

Матя послушно исполнил просьбу.

– Странно, – соврал он, – но она глазеет на меня, как знакомая.

– У вас плохая память на лица?

– Отличная. Только не ночью, – сказал Матя и засмеялся собственной шутке.

– Точно не знаете?

– Не помню, – сказал Матя, и Лидочка поверила бы ему, если бы не была днем свидетельницей его разговора с Полиной.

Попытка отвлечь Матю не удалась, и он принялся гладить Лидочкину спину. Он делал это очень профессионально, и если бы Лидочка была кошкой, то, наверное, с ума бы сошла от счастья. Но она не была кошкой и потому сказала:

– Сейчас замурлыкаю.

– За вами трудно ухаживать, – сказал Матя.

– Вы лучше расскажите мне что-нибудь очень интересное.

– Неужели сейчас?

– Как ваши дела с ужасной бомбой?

– Не скажу – я не разговариваю о делах с любимыми девушками.

– Вы правы, – согласилась Лида.

Танец кончился. Глазенап воздел горе толстые ручки и закричал, что лучше всех исполнили аргентинское танго доктор Шавлю и его партнерша, за что им полагается приз.

Все захлопали в ладоши. А астроном добавил, когда шум стих, что приз будет вручен завтра за завтраком, потому что сейчас куда-то исчез товарищ президент Санузии.

Онлизывает моральные раны, хотела сказать Лидочка, но вместо этого сказала:

– Матя, можно я вас попрошу – стакан воды. Ужасно хочется пить.

Матя послушно потек в путь. Но Лида отправляла его в этот путь не случайно. В конце концов, должна же в этом скорбном и довольно неприятном мире существовать одна настоящая тайна без участия Алмазова. Она понимала, что так не бывает, но теплилась какая-то надежда, что тайна, объединяющая Полину и Матю, окажется скорее интересной, увлекательной, но вовсе не страшной. Когда потом Лидочка старалась для себя восстановить последовательность событий тех часов, ей было почти смешно – насколько человек склонен заблуждаться, если ему хочется заблуждаться.

Отправив Матю на кухню – куда же еще можно пойти за водой в этом доме, – Лидочка поглядела на Полину – та исчезла.

А к Лиде шагал несчастный Ваня Окрошко.

Лида отрицательно покачала головой, и Ваня послушно остановился.

Лида прошла несколько шагов за Матей и увидела его посреди буфетной. Он ждал.

Матя улыбнулся своим мыслям – Лидочке был виден его профиль: крупный нос, покатым широкий лоб, толстые губы, выпуклые глаза – лицо человека, который обожает много есть, любить женщин и работать – все с удовольствием. Матя уже начал полнеть, но он – крупный человек, как следует располнеет он только лет через десять.

Из прохода на кухню вышла Полина.

Полина передала Мате стакан с водой, но не ушла, а что-то стала ему говорить. Матя пожал плечами, он был недоволен, но Полина продолжала говорить. Матя отрицательно покачал головой и пошел к Лиде.

– Пейте, – сказал он, – вы о чем-то задумались?

– Спасибо. – Пить совсем не хотелось. – О чем вы разговаривали с подавальщицей?

– Вы подглядывали, моя фея?

Глазенап завел фокстрот, и они снова танцевали, но Матя был занят своими тревогами. В гостиной стало меньше людей – многие разошлись по комнатам.

– Она напомнила мне об одном эпизоде из моей жизни, – сказал Матя. – Я был тогда совсем мальчишкой и постарался потом изгнать из памяти все, что со мной произошло. У меня такое впечатление, будто это было не со мной.

Лида не стала спрашивать. Захочет – сам расскажет. Ему хотелось рассказать, но он не решился.

С каждой секундой настроение Мати портилось.

Он оставил Лиду посреди комнаты и пошел прочь, как будто забыл о том, что с ней танцует. Лида растерянно поставила пустой стакан на столик рядом с Глазенапом.

– Спасибо, – сказал старик.

Лида пошла из гостиной и догнала Матю в дверях.

Как раз в этот момент он обернулся.

– Лида, – сказал он, – не уходите, я не хотел вас обидеть.

Они стояли в прихожей – медведь с подносом в лапах скалился и косил стеклянным глазом.

– На самом деле, – сказал Матя, – я совершил дурной поступок. Но я тогда даже не догадывался, что это дурной поступок. Все так себя вели... это была гражданская война, и я был на одной стороне, а те люди были на другой... Простите, Лида, я говорю совершенно лишнее...

– Я ничего не слышала, – сказала Лида и повернулась, чтобы уйти.

– Нет, Лида, погодите, – сказал Матя. – В такие минуты нужен человек, которому ты веришь. Я знаю, что в наши дни уже нельзя верить никому, но если в обществе никто не верит никому, значит, оно погибает. Ведь верит же Ягода своей жене?

– Может быть, пойдем погуляем? – спросила Лида.

– Вы хотите сказать, что здесь у стен есть уши?

Лида пожалала плечами.

– Не думаю, – сказал Матя, – хороший маленький микрофон – дело серьезное. Его еще надо из Германии привезти, валютные расходы оправдать. Нет, здесь их ставить не стали.

– Вы правы, – сказала Лида, – только не из-за валюты, а потому, что нет смысла выслеживать – когда надо будет, нас заберут!

– Наша с вами задача, Лидочка, чтобы в отличие от других нас с вами не взяли – ни сейчас, ни завтра. А тут, как назло, лезут с угрозами!

Матя очень расстроился – он был из тех людей, кто не умеет и не желает скрывать своих расстройств.

– Вы никому не расскажете? – спросил он.

– Нет, – сказала Лидочка.

Не было у него никаких оснований доверять ей, но Матя был игроком и к тому же верил в свою способность приручать людей.

– Я был мальчишкой, гимназистом. Шел девятнадцатый год. Я был в охране поезда. – Матя поднял руку, останавливая возражение Лиды. – Честно сказать, я рисковал куда меньше, чем мои сверстники в окопах. В двадцать лет я демобилизовался по ранению, окончил уни-

верситет и забыл обо всем. В конце концов, я выполнил свой долг, мне не в чем раскаиваться. Вы верите?

– Я не знаю, – сказала Лидочка, потому что по всему виду Мати было видно, что у него в шкафу стоит скелет и Полина неосторожно, а может, сознательно этот шкаф приоткрыла.

– Это все пахнет пылью, – сказал Матя, словно угадал мысли Лиды.

Кто-то прошел к лестнице, музыка прекратилась, поднялись шумом голоса и потом сразу стихли – танцоры стали расходиться.

Все, что было связано с Полиной, вызывало в Лиде интерес настолько жгучий, что она ничего не могла с собой поделать, – Полина была окутана тайной.

– А кто она такая? – спросила Лида.

– Черт ее знает. Я ее не помню. И всего, что она говорит, не помню. Бред какой-то!

Матя говорил для себя, он не притворялся.

– Но что же ей надо?

– А зачем вам это знать? – В мгновение ока Матя подтянулся, как часовой, услышавший близкий выстрел, замедленность речи и движений исчезла. И если минуту назад он исключал Лиду из враждебного мира, то теперь он мгновенно лишил ее иммунитета.

– Мне ничего не надо, – сказала Лида, – и не я вас сюда пригласила на исповедь. Спокойной ночи, Матвей Ипполитович.

– Господи, Лида, вы не так меня поняли, – спохватился Матя. – Я вам все расскажу – эта чертова подозрительность! У меня нервы натянуты, как будто на каждом по пудовой гире висит. Эта женщина требовала, чтобы я признался в том, что участвовал в одном инциденте... а я не помню, не помню я, и все тут!

– Ага, вот вы где скрываетесь! – К ним из гостиной шел Алмазов.

Лидочка могла поклясться, что во время танцев его в гостиной не было. Он мог скрываться в буфетной и тогда слышал все, что говорилось Матей и подавальщицей... А мог спуститься по задней лестнице...

Матя пошел навстречу Алмазову, преграждая тому путь к Лидочке.

– Что вам от меня нужно, Ян Янович? – спросил он. – Я к вашим услугам.

– Ну и отлично, – сказал Алмазов. – Надеюсь, что вы не секретничали с Иваницкой?

– Мы говорили о любви и погоде.

– Отлично. И больше ни о чем?

И о том, что вы умеете появляться там, где вы не нужны, чуть было не сказала Лидочка. Но сдержалась.

– Спокойной ночи, – сказала Лида.

– Ну почему вы нас так рано покидаете? – сказал Алмазов, даже не стараясь казаться искренним. Он взял Матю под руку и повел в сторону, толкнул дверь в бильярдную – там было темно. Не отпуская руки физика, зажег там свет, затем обернулся и сказал Лидочке, широко улыбаясь: – Спать, спать, пошла спать!

Подходя к лестнице, Лидочка обернулась – Алмазов усаживал Матю на диван, на котором скончался философ Соловьев, – с дивана Алмазову было удобно смотреть на дверь. А то, что сам факт такого вечернего разговора мог кого-то удивить, Алмазова, видно, уже не беспокоило.

«Пожалуйста, – подумала Лидочка, поднимаясь по лестнице. – Мне надоели ваши тайны, я не хочу в них участвовать. Если бы Пастернак завтра позволил, я бы пошла с ним пешком по грязи до Калужского шоссе». Лидочка остановилась у своей двери. Как бы переехать в другую комнату? Она ведь никому не мешает, она только просит, чтобы ее соседка не меняла так часто и так шумно своих любовников. Это же какой-то Казанова в юбке!

Лидочка постучала. Не исключено, что после всего происшедшего Марта рыдает на своей девичьей койке.

Никто не ответил.

Лида вошла, свет зажигать пока не стала, а спросила:

– Марта, вы здесь?

Марты в номере не было. Но это еще ничего не значило – Марта могла появиться, и не одна. Лидочка попыталась увидеть в этом забавную сторону, но настроение не располагало к юмору.

Лидочка посмотрела на фосфоресцирующий циферблат часов. Одиннадцатый час. Почему же не бьет гонг? Он должен бить в десять. Потом она зажгла лампу. Тусклая лампа висела под самым потолком, и от этого комната становилась казенной и недружелюбной. Как палата в бедной больнице.

Переодевшись в халатик, Лидочка отправилась в умывальную – надо было помыть волосы, но, наверное, в душе опять нет горячей воды, завтра возьму на кухне – в кастрюле... ах уж эта кастрюля, скорей бы Полина приходила за своей.

Лидочка вошла в умывальную. Там лампа тоже светила тускло, но, отражаясь от кафеля стен, свет казался живее.

Как только Лидочка закрыла за собой дверь, дверца в душевую кабинку открылась, и оттуда выскользнула Полина.

– Ой, – сказала она, – я уж и не чаяла, что вы придете.

– Я сейчас отдам, – сказала Лидочка, стараясь не показать, как напугана неожиданным появлением Полины.

– Спасибо, что сберегли, – сказала Полина. – Ведь теперь мало кто захочет помочь.

– Подождите, я только умоюсь.

– А вы не торопитесь, – сказала Полина, – я хотела вас предупредить, что завтра ее возьму.

– Почему?

– Сегодня ночью они у меня обыск устроят – они меня так не отпустят. Я пришла вам сказать – если со мной что случится, оставьте себе.

– Спасибо, мне ничего не нужно.

– Это большая ценность.

– Возьмите кастрюлю, спрячьте где-нибудь в парке – парк громадный, в нем не то что кастрюлю, человека можно спрятать.

– Нельзя, – сказала Полина, – они увидят, как я в парк пойду. Они следят за мной.

– А сейчас?

– А сейчас как следить? С улицы не увидеть, а если кто войдет, мы с тобой сразу увидим. Слушай, а как тебя звать?

– Полина, зачем вы притворяетесь крестьянкой? Это же не ваш язык, не ваши манеры.

– Какой был мой язык и мои манеры – забыто. Об этом и разговор...

Настроение Полины, до того деловое и связанное с сохранностью кастрюли, вдруг резко изменилось. Кастрюля ее перестала интересовать.

Полина отошла к окну, замазанному до половины белой краской, как в вокзальном туалете, и привстала на цыпочки, заглядывая в темноту.

– Сколько лет прошло, а он здесь, живой и сытый, – других уже давно постреляли, а он живет. Ты говоришь, почему у меня чужая речь, – а она моя. Я отвыкла от другой.

И она продолжала говорить, не оборачиваясь, словно обращаясь к кому-то снаружи.

– Вы меня осуждаете? Я каюсь вам недостаточно благородной? Допускаю. Но у меня нет иного выхода. Мне не выбраться из этой страны, я обложена, как дикий зверь, и мне не от кого ждать милости. Почему я должна быть милостивой к нему? Он пожалел меня, девчонку! Я не прошу чрезмерной платы за мое молчание. Нет, не прощение, прощение он может вымолить только у Господа. Но молчание могу подарить и я.

Полина отвернулась от окна. В тени надбровий ее глаза казались бездонными ямами.

– Я не знаю, о ком вы говорите, – сказала Лидочка.

– В девятнадцатом добровольческая армия отступала, нас эвакуировали из Киева – Петроградский Елизаветинский институт. Кем мы были? Курятник голодных, обносившихся, постоянно перепуганных, но уже привыкших к такой жизни цыплят, не забывших, что есть иная жизнь, и молящих Бога о возвращении в прошлое, чтобы не было хуже. Наше путешествие началось еще зимой восемнадцатого года, когда детям враждебных элементов не давали пайков. Тех, у кого были родственники, разобрали по домам, а сиротам на казенном коште, нищим эксплуататорам трудового народа, ничего не оставалось, как бежать из Петрограда. Кто-то из таких же, как и мы, бездомных преподавателей раздобыл два вагона, и наш институт добрался до Киева. Там пожили, то получая милостыню неизвестно от кого, то подрабатывая – старшие научились торговать собой, – а почему нет? Меня они не взяли – слишком была худая и некрасивая. Они не себе зарабатывали, они для всех зарабатывали – вы не представляете, какие мы бывали счастливые, потому что в том аду мы были вместе и заботились друг о друге. Уже осень кончалась – красные опять в Киев пришли, – и нашей Марии Осиповне Загрязской, даме-директорше, стало ясно: надо бежать в Екатеринослав – на что она надеялась, я не знаю. Мы радовались, что будет тепло, говорили, вот поживем в Екатеринославе, нас там ждут, уже квартиры подготовлены и жизнь сытая, – а там дальше, к морю, в Новороссийск. Мы немного до Екатеринослава не доехали. Вы курите?

– Нет.

– Ладно, потерплю. Значит, я помню, как поезд остановился, ночь была. Я проснулась от ужаса – еще ничего, только голоса снаружи, кто-то проходит мимо нашего состава. Потом тихо. Понятно, что мы на станции стоим. Поезда подходят, кто-то нас обогнал. Другие девочки не просыпались. Наш поезд дернулся, поехал, я сначала думала – дальше, а оказывается, нас перегнали на какой-то десятый запасной путь. Но все равно почти все спали. Нельзя же всю жизнь бояться. А мне не спалось. Мне бы одеться, взять узелок и уйти – это я теперь понимаю: как чувствуешь опасность – сразу вставай и уходи, никогда не разбирайся где, кто, – бросай все и уходи. А тогда не сообразила, не знала, еще маленькая была, четырнадцать лет. Мне тоже тепло было, уютно – зачем вставать и уходить. Я на второй полке лежала, на животе, смотрела в окно. Увидела, как рядом с нами другой состав остановился – вот темно было, снег с дождем, 29 декабря 1919 года – как раз под Новый год. Я смотрела на поезд и не понимала, что в нем особенно праздничного, а потом поняла – окна. В нем все окна горели электрическим светом и были прикрыты шторами – как до революции, даже ярче. Спереди и сзади платформы с пушками, а в центре новые пульмановские вагоны. Из поезда стали выскакивать солдаты – без погон, большей частью в кожаных куртках. Я не догадалась, что это красные, – у них фуражки были кожаные, а звездочки маленькие – я не разобрала. Некоторые вдоль состава побежали, кто-то в нашу сторону. И тут я слышу, как по коридору быстро идут – это те, в куртках. Мне бы хоть тогда испугаться, а я и тогда не испугалась. Я же не знала, что мы встретились с поездом вождя Троцкого, а люди в коже были его охраной.

– При чем тут Троцкий? – спросила Лида тихо, оборачиваясь на дверь, потому что имя это было запретным, смертельно опасным.

– Ни при чем, – отмахнулась Полина. – Я его и не видала. Они к нам по делу пришли – проверяли состав, ведь на соседнем пути с самим командующим, – а вдруг мы диверсию устроим? Они к нам в купе заглянули, посветили фонариком и дальше пошли. А я тут совсем проснулась и чувствую, какая я голодная. Я и говорю Таньке – не помню уж ее фамилии, – она старше меня была: пойдем к господам военным, попросим чего поесть. Мы с ней уже так делали, и другие девочки тоже.

Надо было сиротками казаться... А что казаться, мы и были сиротками. Нас жалели и не трогали. Девочек не так часто трогали, как теперь говорят... Тебе скучно?

– Нет, говорите.

– Мы оделись, выскочили из вагона, а они там стояли, курили. И среди них ваш Матя стоял. Матвей Ипполитович.

– Шавло? Не может быть!

– Он самый.

– А что он там делал?

– Что и все – курил, анекдоты травил. Что молодежь делает ночью, если спать не велят?

– Ну почему вы так уверены, что это был именно он?

– А потому, что люди не меняются. Это только в романах жена мужа через двадцать лет узнать не может. А в жизни ты никого не забываешь. Да он и не изменился особенно – тогда ему лет двадцать было. Только без усов. Мы к ним подошли и говорим, нет ли чего покушать. С ними Татьяна разговаривала – она постарше. Тогда твой Матя засмеялся и говорит, чтобы мы через полчаса к пакгаузу приходили – и показал куда. Они нам вынесут.

– И вы не испугались?

– Ты, видно, никогда голодная не была.

– Была.

– Тогда молчи. Если человек очень голодный, у него осторожность отказывает... Приходите, говорят, через полчаса, ваш поезд никуда не уйдет, мы уже Екатеринослав берем, сейчас у себя чего поесть сообразим и вам принесем. Через полчаса мы пришли, с нами Ирка третьей пошла. Мне бы не надо связываться с девицами, они же почти что взрослые, лет по шестнадцать, а я еще ребенком была, но, конечно, увязалась, потому что была голодная и не боялась. Мы пошли с ними в этот пакгауз, а там какие-то тюки были и стол, а на столе они поставили бутылку самогона, сало и хлеб – они без обмана. Мы вместе с ними ели, они только велели, чтобы мы не шумели, потому что у них начальник строгий, если что, он их выгонит или расстреляет, итальянская фамилия, я точно не помню – они Троцкого редко называли, он для них был вроде бога, где-то высоко, но они сказали, что, если мы будем кричать и его побеспокоим, они нас зарежут. Но чего резать, их много было, человек десять, а нас трое, они тоже молодые были, а когда выпили, то полезли нас насиловать, но не дико, а как будто был раньше уговор – моим подругам было легче, они уже не девочки, а мне всего четырнадцать, и мне очень больно было, но, когда я хотела кричать, твой физик – он стоял, своей очереди ждал, – он мне саблю показал и смеялся, а я плачу, прошу: дяденька, не надо, мне больно, а он смеялся, нервничал, очереди ждал... дождался! Они нам потом с собой сала дали, для девочек. Мы дальше Екатеринослава не пробрались тогда, я только следующим летом в Бердянск попала, когда там уже Врангель был. Оттуда на юг, в Батум, там у нас домик с братом остался.

– А Матвей Ипполитович? – спросила Лидочка.

– Что? Чего хочешь знать? Он мне как бы первая любовь, только без спросу.

Лидочка знала, что Полина не врет. Так все и было. И может, трудно теперь обвинять этих молодцов – они же не знали, что хорошо, а что плохо, они даже девочек накормили... «Что я говорю? Я могла бы очутиться там, на пыльных мешках, в пакгаузе, а любимый ученик Ферми грозил бы сабелькой – молчи!»

– А он вас узнал? – спросила Лида.

– Не знаю. Но я ему напомнила! Он говорит – не помню. А я думаю – все помнит!

– Вы ему сказали? Зачем?

– Потому что он мне нужен. Потому что он испугается за свою карьеру и поможет мне выбраться живой отсюда.

– А если он скажет, что ничего не было? Да и какое может быть наказание: девушка говорит, что он изнасиловал ее на фронте гражданской войны. А вам скажут – ничего особенного.

– Глупая ты, Лидия, – сказала Полина. – Я не знаю, чего ему здесь нужно, но не зря он вокруг гэнэушника вертится. А что, если завтра станет известно, что твой Шавло был охранником Троцкого? И не важно – насиловал, не насиловал, главное – Троцкий. И он это понимает.

В этот момент за спиной что-то скрипнуло. Лидочка даже не поняла что, но Полина метнулась – прыгнула к кабинке, – рванула дверь, крючок в сторону – а там, внутри, съездившись, сидела на стульчаке Альбина, глаза нараспашку.

Альбина не могла отвести испуганных глаз от Полины и, поднимаясь и натягивая штанишки, повторяла:

– Я нечаянно здесь, я нечаянно, я только вошла, а потом вы здесь говорите, а мне выйти было неудобно, вот я и терпела, извините, я здесь нечаянно.

И, беспрестанно говоря, Альбиночка запахла халатик – шелковый китайский с драконами, такие за большие деньги привозили с КВЖД, и, уже не оглядываясь, побежала к двери.

– Зря я ее отпустила, – сказала Полина.

– А что было делать?

– Придушить, сразу придушить. Она все слышала. И про кастрюлю, и про Матвея Ипполитовича.

Полина еще не кончила говорить, а Лидочка уже была в коридоре – халатик Альбины сверкнул возле лестницы.

– Альбина, – позвала Лида, стараясь говорить внятно и тихо.

Альбина остановилась, словно ждала этого.

– Вы одна? – спросила она. – Тогда не страшно.

– Я прошу вас, – сказала Лида.

– Вы думаете, что я ему расскажу? – удивилась Альбина – брови полезли по гладкому лобику. – Ни в коем случае!

– Я вам так благодарна.

– Хотя мы с вами узнали такие ужасные вещи! – прошептала Альбина. – Об этом, наверное, должна знать милиция.

– Нет!

Следуя взгляду Альбины, Лида повернула голову – Полина стояла зловещей тенью у приоткрытой двери туалетной. Лидочка махнула ей рукой – уходи!

– Какая ужасная жизнь у людей, – прошептала Альбина. – А вы могли такое представить про Матвея Ипполитовича?

Дверь рядом приоткрылась – неизвестно кому принадлежащий голос изрек:

– Гонг был уже давно. Постарайтесь соблюдать тишину в общественных местах.

– Завтра все надо будет обсудить, – сказала Альбиночка. – Хорошо?

– Хорошо.

– Я только вам здесь доверяю. Как ужасно – кто-то покажется тебе приятным человеком, а он окажется насильником.

С этими словами Альбина убежала вниз по лестнице, а Лидочка еще некоторое время стояла неподвижно, потому что не могла разобраться в своих мыслях. Ей хотелось верить Альбине, и она даже надеялась, что Альбина искренне говорила с ней. Ведь никто, кроме Лидочки, не знал, кто такая Альбина на самом деле и как она страдает от своего унижительного положения.

Расставшись с Альбиной, Лида вернулась в туалетную, но Полины не застала – жаль, могла бы немного и подождать. Тем более когда Альбина знает о кастрюле, спрятанной в комнате у Лиды. Если остается хоть маленькая опасность, что Альбина – вольно или невольно – проговорится Алмазову, то Лидочка окажется в опасности. Выбросить бы эту кастрюлю...

Лидочка дошла до конца коридора, заглянула на лестницу – Полины нигде нет. Пойти спать? Совершенно не хочется – ни в одном глазу. Снизу доносилась тихая музыка – неужели еще кто-то танцует? Лида начала было спускаться по лесенке вниз, к кухне, но тут музыка оборвалась. И Лида поняла, что никого не хочет видеть. Что она смертельно устала за этот день – если бы она знала, что хотя бы за час сможет добраться до трамвая, до какой-нибудь телеги,

которая привезет ее в Москву, она бы не испугалась дождя и ветра – только бы отделаться от тягучей действительности, от ощущения, будто ты упала на дорожку из размокшей глины, набирая скорость, скользишь под уклон, стараясь уцепиться за мокрые травинки по сторонам. Но разве так остановишься – а внизу гладкая поверхность омута, черного в тени стволов, так и ждет, когда ты влетишь в пруд.

Лидочка вернулась к себе, по дороге заглянула в докторский кабинет. Дверь в него была приоткрыта, Лариса Михайловна, освещенная слабым светом настольной лампы, спала на кожаном диванчике, подтянув ноги. В Узком рано ложились и рано вставали. Лида поглядела на свои часы – половина одиннадцатого, – а кажется, словно далеко за полночь.

По парадной лестнице кто-то поднимался. Лида увидела, как в коридоре появился президент Филиппов, который нес, прижав к животу, патефон, за ним шла, осторожно ступая, Марта, несла пластинки в бумажных конвертах. Свободной рукой она то и дело взбивала волосы – видно, была пьяна.

– Лида, ты почему не спишь? – спросила она, увидев соседку. – Гонг уже звучал. Товарищ Филиппов тобой недоволен!

Филиппов зашагал быстрее, будто старался показать Лиде, что незнаком с Мартой.

– Вы идите, идите, – сказала Марта, – я принесу пластинки через три минуты!

И при этом она локтем отталкивала Лиду к двери в их комнату и делала страшные глаза – впрочем, ей и не стоило для этого особо напрягаться – глаза блестели воодушевленно, и вряд ли какие соображения, этические, моральные, либо устрашение могли бы остановить Марту, которая намеревалась – в том у Лиды не было никакого сомнения – подарить свое тело товарищу президенту Санузии, чего ей не удалось сделать днем. «Только бы не в нашей комнате, – мысленно заклинала Лидочка, – я так хочу лечь в постель». Она об этом искренне мечтала, совершенно забыв о том, что всего три минуты назад ей вовсе не хотелось заходить в комнату.

Остановившись в дверях, Марта прошептала:

– Я только отнесу ему пластинки, он такой беспомощный, все мужчины такие беспомощные.

Мысль о беспомощности мужчин страшно развеселила Марту. Лидочка, хоть и зажатая в дверях, видела через плечо Марты, как президент на цыпочках пробежал полосу света, падающую в тускло освещенный коридор из докторского кабинета, и замедлил движение у лесенки, откуда был поворот в маленький коридорчик к комнате президента санатория.

– Ты дверь не запирай, – продолжала жарко шептать Марта, обдавая Лидочку запахом портвейна. Лида отворачивалась, но Марта этого не замечала. – Я через час вернусь, а может, позже, но ты спи, не обращай внимания, он очень страстный, ты же знаешь, какие страстные эти худенькие! – Мысль показалась Марте и вовсе забавной, и она начала смеяться высоким голосом. И Лида сказала:

– Вы идите к нему, а то всех разбудите.

– Кого еще всех?

Сказано это было тоном фаворитки, которая отныне не намерена считаться с удобствами прочих чинов двора.

– Там Лариса Михайловна, – сказала Лида, показав на полосу света из докторского кабинета.

– А мне что? Я имею право гулять где хочу! – сказала Марта, но уже не так уверенно. – Значит, не запирай, хорошо, птичка?

Лида не стала напоминать Марте, что дверь в комнату не запирается, так как Марта знала об этом лучше, чем Лида, хотя умудрялась об этом забывать.

Марта поцеловала Лидочку в щеку и оттолкнулась от нее, как пловец от стенки бассейна, чтобы лучше и быстрее доплыть до финиша. Она прошла по центру коридора, стараясь не сбиться с установленной мысленно прямой линии, и оттого ее бросало от стены к стене. Но

Лида решила не смотреть, доберется ли Марта до объятий президента. Она вытерла щеку от Мартиной помады, закрыла дверь, зажгла тусклую лампу под потолком. Лида улеглась в постель, открыла книжку и тут же поняла, что читать не хочется. Она вскочила, босиком добежала до выключателя. В комнате стало так темно, что перед глазами вспыхнули белые круги. Насупав постель, Лидочка улеглась и закрыла глаза. Но перед глазами плыли сцены и люди прошедшего дня, впрочем, они уже не пугали и не вызывали отвращения – если их всех понять, то они не такие плохие... кровать превратилась в темный вагон, колеса постукивали на стыках рельсов, по коридору шли какие-то люди, не видные, но слышные по шагам и разговору, Матя заглянул в купе и склонился к Лиде. «Не спишь? – спросил он. – Мне придется лечь с тобой, потому что иначе они подумают, что ты одна, и я не смогу тебя защитить от иудушки Троцкого». Лидочка испытывала радостное и благодарное чувство к Мате, который рисковал навлечь на себя гнев самого военкома, но остался. Матя обратился к ней лицом, Лидочка попыталась обнять его, но на Мате была такая скользкая кожаная куртка, что ее руки соскальзывали с его спины, и от этого возникало раздражение – он сейчас уйдет. Лидочке хотелось попросить Матю, чтобы он снял эту проклятую куртку, но она знала, что он охраняет товарища Троцкого и поэтому не имеет права снять куртку, но никому нельзя было сказать это слово: «Троцкий». Это страшное слово, и оно означает вовсе не человека, и некогда было придумать, что же оно значило. Лидочка боролась с проклятой курткой – ну как ее снимешь? Матя помогал ей, но без особой охоты, потому что он был на службе и ему нельзя было снимать куртку. Ну вот наконец-то пальцы Лиды дотронулись до плеч Мати – только бы кто-нибудь не вошел в дверь! И как будто сглазила! – вагон дернулся, дверь с грохотом поехала в сторону, и в дверях возник сам товарищ Троцкий в черной маске...

* * *

Лида проснулась, продолжая оставаться в страхе, и ей все еще казалось, что она в вагоне – только поезд стоит. Она осторожно двинула правой рукой, словно желая удостовериться, там ли Матя, или он успел убежать, – и почти одновременно облегчение оттого, что Матя убежал от гнева товарища Троцкого, сменилось внутренним пониманием, что все это был лишь сон, а на самом деле она лежит у себя в комнате в Узком и проснулась она от шума – от того, что кто-то вошел в комнату. Сейчас-то было тихо, совсем тихо, но она точно знала, что ее разбудил кто-то вошедший сюда. И этот человек не хочет, чтобы она его услышала.

Надо было подняться и выгнать этого человека... Или хотя бы закричать. Ведь она не в пакгаузе каком-нибудь, а в санатории ЦЭКУБУ, наполненном народом, как банка селедкой, – сейчас закричу, и все станет на свои места. Но она не кричала, потому что кричать неловко, только такие невоспитанные люди, как Марта Крафт, могут закричать посреди ночи и всех перепугать. Вместо этого надо спокойно встать с постели и посмотреть, кто там вошел к ней в комнату.

Убедив себя в этом – на это ушло, наверное, секунды две-три, – Лида поняла, что сделать этого никогда не сможет. Слишком страшно. Она продолжала лежать неподвижно, стараясь уловить в тишине дыхание пришельца и предвосхитить его опасное движение. Подушка была невысока, и, лежа на спине, Лидочка видела только потолок и верхнюю часть дальней стены, но даже по этим деталям она поняла, что дверь в комнату приоткрыта, – на потолок и стену падал отсвет коридорной лампы.

Наконец Лиде, как ей показалось, удалось в почти беззвучных, но многочисленных шепотах старого дома различить быстрое дыхание человека. Он стоял и ждал чего-то. Не решается броситься на нее?

Дальнейшее бездействие было совершенно невыносимо, потому что чужой беззвучно приближался на расстояние броска – и у него был нож! И Лидочка скорее инстинктивно,

нежели по велению разума, приподняла голову, склонив вперед шею – сама оставаясь неподвижной, – и увидела светящуюся щель в двери, которая была перекрыта черной тенью человека. Он стоял у двери, он не смотрел на Лиду, он был далеко от нее и смотрел наружу – значит, он шел по коридору, почему-то захотел спрятаться – и спрятался в комнате Лидочки. Правда, это было самоутешением, – скорее всего он выглядывал в коридор, чтобы убедиться, что там никого нет, а затем обратить свои подлые лапы против беззащитной Лидочки.

Но раз человек был у двери и в один прыжок ему до Лиды не добраться, Лида решила спрятаться под кроватью – она не придумала ничего лучше. Да и не было в комнате другого места, чтобы спрятаться. Окно заперто, а путь к двери перекрыт насильником.

Для того чтобы спрятаться под кровать, надо с нее слезть. Лидочка осторожно села и спустила ноги на пол, а кровать отозвалась на это осторожное движение дружным визгом всех своих пружин. Таким громким и наглым, что Лидочка спрыгнула с кровати и кинулась к окну, а насильник издал приглушенный звук, открыл дверь и выскочил в коридор. Дверь закрылась, и стало совершенно темно. Слышно было, как по коридору простучали шаги насильника, но куда они простучали и что было потом, Лидочка не знала, потому что в ушах у нее кровь стучала громче шагов.

Лида не знала, сколько она простояла неподвижно, ожидая, когда насильник вернется, чтобы довершить свое гадкое дело, но тут до нее дошло, что это – далеко не лучшая линия поведения. Она поняла также, что у нее есть два выхода – либо бежать из комнаты, либо забаррикадировать дверь. Можно, конечно, было сходить к президенту и вытребовать назад Марту, но, вернее всего, этим она огорчила бы и президента, и Марту.

Так что Лида избрала второй путь и пошла к двери, чтобы ее забаррикадировать. Для этого она взяла тот стул, что стоял у окна, и одновременно стала подталкивать к двери тумбочку. Ведь если поставить стул на тумбочку, то, открывая дверь, насильник устроит такой шум, что снова убежит.

Толкая перед собой тумбочку и держа над головой стул, Лидочка почти дошла до двери, когда натолкнулась на неожиданное препятствие.

Нечто мягкое и податливое заполнило проход в комнату и не давало тумбочке продвигаться вперед.

Не догадываясь, что это могло быть, Лидочка поставила стул на пол, обошла тумбочку и протянула вперед руку. И рука ее натолкнулась на чуть теплое человеческое лицо.

Почему-то первая мысль – может, оттого, что мозг всегда норовит изгнать из себя самое страшное, – была такая: «Ну вот, такой пьяный, что заснул!» Рука скользнула по волосам – волосы были длинные, голова под давлением руки бессильно свалилась набок – Марта? Это Марта вернулась домой в таком виде?

Лидочка хотела зажечь свет, но мешали тумбочка и стул – проще было дотянуться до двери и толкнуть ее, чтобы разглядеть Марту. Лидочка уже догадалась, что в роли насильника выступал президент. Он дотащил свою подругу до комнаты, а потом сбежал. Внутренне улыбаясь оттого, что страшное пробуждение завершилось таким обычным анекдотом, Лидочка толкнула дверь, дверь отворилась. Лидочка хотела сказать: «Марта, пора спать».

И в тот же самый момент она поняла.

Во-первых, что на полу неловко сидит, как брошенная мягкая кукла, подавальщица Полина.

Во-вторых, Полина мертва. Глаза ее были приоткрыты, и видны полоски белков, да и сама голова склонена так, как не может склонить голову живой человек.

Глава 4

Утро 24 октября 1932 года

Потом уж Лидочка удивилась – почему она не закричала? В таких страшных ситуациях положено кричать, звать на помощь, бежать по коридору с распущенными волосами, фактически неглиже... Трудно поверить, но Лидочку остановили и заставили молчать вовсе не уроки, полученные от жизни, а мысленный взгляд на саму себя – она же была в одной ночной рубашке, босиком, взлохмаченная, – возможно, в подобном виде и положено бежать по ночным коридорам с криком: «Убили-и-и!» – но женщины хорошо воспитанные себе этого не позволяют.

Следовательно, надо было вернуться к кровати, нащупать висящий на ее спинке халатик, желательно сделать еще два шага к зеркалу и причесаться – и все это сделать в присутствии трупа женщины, с которой ты только что разговаривала. Нет, двигаться можно было только в одном направлении – в коридор, прочь из комнаты. Но в коридор идти было нельзя по той простой причине, что где-то там таился убийца, желавший в первую очередь убрать свидетеля – то есть Лидочку.

Раздираемая этими мыслями и страхами Лидочка стояла, замерев над телом Полины.

Так прошло, может быть, несколько минут, а может – несколько часов.

Время остановилось – в доме не было ни звука, за окнами не шумел ветер... Лидочка попала как бы в центр подводного сна – вокруг зеленая темная вода и ни звука.

Убийца не возвращался. Может быть, он стоит поблизости? Надо бежать из комнаты. Лидочка заставила себя сделать два быстрых шага к кровати, схватить халатик и сжать в кулаке. Это движение, удавшись, вселило в нее какую-то толику уверенности в себе – оказалось, ноги подчиняются, руки движутся, глаза смотрят... Теперь бы дойти до двери – вертикальная, шириной в ладонь полоса света щель притягивала Лиду, как бабочку фонарик. Так и не надевая халатика, она шагнула было к двери, но тут же нога натолкнулась на заголенную ногу Полины, еще хранящую остаток тепла. Не отдавая себе отчета, Лидочка подпрыгнула и отлетела назад. Сердце колотилось как сумасшедшее, воздуха не хватало. Лидочка постаралась считать, чтобы успокоить сердце, и досчитала до пятидесяти – ей был виден склоненный набок четкий профиль Полины. «Никто уже никогда не поцелует эти губы... Что я думаю, что я несу! Мне же надо бежать!»

Лидочка досчитала до пятидесяти. И снова двинулась к двери. На этот раз она осторожно перешагнула через Полину и замерла, схватившись за ручку двери.

В коридоре тихо...

Лида прижала лицо к щели. Направо коридор был пуст. Теперь надо приоткрыть дверь пошире, высунуть голову в коридор и поглядеть в другую сторону.

Лида потянула дверь на себя, и дверь неожиданно закричала. Лида снова замерла. Она подумала: «Вот я сейчас увижу, что коридор пустой. А дальше что? Куда я побегу? К кому?»

Алмазов? Ему по должности надо бы оказаться здесь первым. А может, это он оставил тело убитой Полины здесь, потому что Альбиночка все рассказала ему и теперь он хочет погубить Лиду? Может быть, позвать Матю? А что, если убийца и есть Матя? Полина пригрозила его разоблачить – он испугался...

Бежать к президенту и стаскивать его с Марты?

Нет... спасительным облегчением возникла самая простая и естественная мысль – дежурная докторша Лариса Михайловна!

Лидочка накинула халатик и со смешанным чувством страха и облегчения выскользнула в слабо освещенный дежурной лампочкой, над лестницей, коридор, который с другой стороны тонул в полной темноте, и именно оттуда за ней наверняка наблюдал убийца.

Но если он и наблюдал, то кинуться на нее не посмел – понимал, что у Лидочки будет время закричать и, может, даже убежать.

Ступням было холодно – оказалось, Лидочка забыла обуться.

До кабинета врачихи – четыре двери. Между дверями по три шага – казалось бы, всего девять. Но их надо пройти, а спину тебе сверлят глаза убийцы: путь до кабинета Ларисы Михайловны казался бесконечным.

Лидочка добежала до кабинета на цыпочках. Дверь была закрыта, Лидочка легонько ткнулась в нее – не открывается. Лидочка нажала сильнее – ручка послушно повернулась вниз, но дверь была заперта. Как же так! Лидочка даже рассердилась – ведь доктору положено оставаться рядом с больными. Куда могла уйти Лариса Михайловна?

Лидочка постучала костяшками пальцев. Изнутри никто не отозвался.

Тревога заставила через плечо поглядеть в черную даль коридора. Показалось, что там кто-то шевельнулся.

Лидочка в отчаянии трясла дверь. Конечно же, заперто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.